

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3

МАЙ-ИЮНЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2007

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Зализняк, В.Л. Янин (Москва). Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2006 г.	3
А.С. Самигуллина (Уфа). Когнитивная лингвистика и семиотика	11
П.В. Гращенко (Москва). Типология посессивных конструкций	25
Л.В. Калинина (Киров). К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных	55
А.В. Шацков (Санкт-Петербург). К вопросу о назальном презенсе в хеттском языке: <i>duwarne</i>	71
А.Е. Кибрик (Москва). Принципы и стратегии клаузального сочинения в дагестанских языках	78
А.А. Соколянский (Магадан). О статусе звука [ц] и фонемы <ц> в русском литературном языке	121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

П.М. Аркадьев (Москва). Языки мира. Славянские языки.....	136
А.Т. Хроленко (Курск). А.А. Кретов. Основы лексико-семантической прогностики..	141
М.Л. Кисилиер (Санкт-Петербург). M. Napoli. Aspect and actionality in Homeric Greek: A contrastive analysis.....	145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

Л.В. Куркина, Ж.Ж. Варбот (Москва). Международный научный симпозиум «Славянская этимология сегодня»	149
Е.В. Вельмезова (Москва – Лозанна). Ежегодная международная конференция Общества Генри Свита по изучению истории лингвистики	153
В.М. Аллатов (Москва). Международная конференция «Социологическое направление в советском языкознании».....	155
Е.В. Вельмезова (Москва – Лозанна). Международная конференция, посвященная истории синтаксиса	156

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Аллатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков,
В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.И. Казанский,
Ю.Н. Караполов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: М.М. Маковский, Г.В. Стрекова, М.М. Коробова
Зав. редакцией Н.В. Ганнус

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

© Российская академия наук, 2007 г.
© Редколлегия журнала «Вопросы
языкознания» (составитель), 2007 г.

© 2007 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2006 г.*

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Новгороде в археологическом сезоне 2006 г.

Новгородские раскопки 2006 года принесли, как и в прошлом археологическом сезоне, три новые берестяные грамоты. Небольшое количество найденных документов объясняется тем, что раскопки здесь достигли уже очень глубоких слоев, где берестяные грамоты весьма редки.

В 2006 году на новгородском Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ А. Н. Сорокин) и на 14-м участке (руководитель работ А. М. Степанов). На 13-м участке пройдены напластования второй половины XI века. На 14-м участке пройдены напластования конца XI – первой четверти XII века и найдены грамоты № 957, 958 и 959.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 957. Троицкий раскоп. Целая надпись из двух строк на донце (или крышке) берестяного лукошка.

Предварительная стратиграфическая оценка: первая четверть XII века.

войбоудино лоукънью иже є уклъдеть да пр
оклатъ боудеоутъ а швкъко фль

В формуле проклятия автор колебался между вариантами *боудеть* и *боудоутъ*, в результате у него оказались совмещенными оба варианта.

Текст прозрачен, за исключением одного слова (*уклъдеть*): ‘Войбудино луконце (= лукошко). Кто его «уклъдет», да будет проклят. А писал Шевко’. Это владельческая запись с заклятием против того, кто нанесет этому предмету (или его владельцу) какой-то ущерб.

Что же такое *уклъдеть* и какой род вреда или ущерба это слово передает?

Может быть, это всего лишь буквенная ошибка вместо *укладеть*? Мы знаем, однако, что предположение об ошибке писавшего — вообще слабое и при расшифровке берестяных грамот уже слишком часто оборачивавшееся ошибкой читающего, а не писавшего. И во всяком случае принять такое предположение допустимо лишь в том случае, если после поправки текст становится совершенно ясен. Но в данном случае это явно не так: даже и при принятии такой поправки ситуация осталась бы непонятной. Что значит «его (лукошко) укладет (т. е. уложит)?» Лукошко можно уложить, например, в сундук или в сарай. Но в чем здесь преступление, да еще такое, за которое положено проклятие? Вероятно, можно также уложить лукошко, как укладывают, например, чемодан, собираясь

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00567а) и INTAS (проект № 03-51-3867). Экспедиционные работы в Новгороде поддержаны проектом РГНФ № 06-01-18003е.

в дорогу (т. е. продуманно расположить в нем вещи, ничего не забыв). Но и здесь загадочно, почему владельца волнует не то, что чужак завладеет его вещью, а то, что он будет ее укладывать (в указанном смысле), и в чем здесь все-таки достойное проклятия преступление.

Может быть, Шевко сделал сразу две буквенные ошибки — *укъдеть* вместо *украдеть*? По смыслу *украдеть* подходит прекрасно. Но целых две ошибки в одном слове — это уже слишком вольное предположение.

Остается искать решение, не подвергая сомнению написание *укъдеть*.

Корень *кълд-* (которому в современном языке соответствовало бы *клод-*) нигде не отыскивается. Известно, однако, что в новгородских берестяных грамотах последовательность типа *ТръТ*, *ТльТ* иногда выступает вместо более обычных *ТърТ*, *ТълТ* и *ТъръТ*, *ТъльТ* (см. [ДНД₂, § 2.13]). Поэтому мы вправе искать также корень *кълд-* (которому в современном языке соответствовало бы *колд-*). Основные результаты этого поиска таковы:

- 1) *колд-* в *колдовать*, *колдун*, *колдовство* и т. д.;
- 2) *колд-* в ряде слов со значениями, связанными с образами удара или выбоины: *колдобина* и ряд диалектных — *колдбба* ‘выбоина, ухаб и др.’ и производные от этого слова (см. [СРНГ, 14: 115–116]; также с написанием *калд-* [СРНГ, 12: 345–346]); *колдыхнуть* ‘ударить’ ([СРНГ, 14: 120]; и *колдыхнуть* ‘то же’), также его производное *чекалдыхнуть* (или *чекол-*), отсутствующее в словарях, но широко известное в сочетании *чекалдыхнул стаканчик*;
- 3) *колд-* в ряде диалектных слов со значением увечья, хромоты: *колдыка* (и *колдыга*) ‘хромой человек’, *колдыба* ‘то же’, также глаголы *колдыбать*, *колдыгать*, *колдыхать*, *колдыхкать* ‘хромать’ (см. [СРНГ, 14: 118–120]).

В ЭССЯ [13: 165] для не имеющего общепринятой этимологии слова *колдун* (известного только русскому и белорусскому языкам) предполагается первоначальное значение ‘ тот, кто путает, закручивает, например, колосья, со злым умыслом’. Не исключено, что перечисленные выше группы слов (или хотя бы их часть) сводятся к некоему общему корню со значением нанесения вреда.

Соответственно, для *укъдеть*, если здесь действительно корень *кълд-* (из *кълд-*), можно предполагать значение ‘заколдует’ или более общее значение ‘повредит, наведет порчу’. Заметим, что приставка *у-* хорошо согласуется с этим кругом значений: она представлена в большом числе глаголов, означающих нанесение вреда, например, *укусить*, *уязвить*, *ущемить*, *убить*, *удушить*, *утомить*, *удручить*, *униздить*, *увечить*, *угнетать*.

Если это решение правильно, то перед нами не засвидетельствованный другими памятниками глагол того же морфологического типа, что, например, *толочи*, *тълчеть*, т. е. его инфинитив должен был иметь вид **колости*. В этом нет ничего невозможного — precedents такого рода в истории изучения берестяных грамот уже имеются: это глагол с презенсом *скърбеть* и глагол *рутти* (с презенсом *рубеть*).

Дохристианское двусоставное имя *Воибуда* встречается впервые. В других сочетаниях оба его составных элемента известны; ср. *Воинъгъ*, *Воигость*, *Воиславъ* и др.; *Жизнобудъ*, *Житобудъ*, *Жиробудъ*, *Нѣжебудъ* и др.

Что касается морфологического оформления по *а*-склонению, то такое имя может быть женским (ср., например, *Передъслава*), но может быть и мужским (ср. прозвища *аесова* и *ебехота* в грамоте Ст. Р. 35); часто пол носителя остается неизвестным (как, например, для имен *Рожнѣга* в № 18 из Торжка, *Сновида* в Ст. Р. 19). Вполне возможно, таким образом, что лукошко принадлежало женщине.

Имя *Швъко* тоже встречается в берестяных грамотах впервые. Но оно отмечено у Тупикова [Тупиков 1903: 495]. Оно прозрачным образом произведено от корня *швъ* ‘шить’; ср. позднейшие *Шевченко*, *Шевчук* и т. п.

Представляет интерес указание писавшего: *а Швъко фуль* (сокращение *фуль* вместо *письать* — точно такое же, как в книгах и настенных записях). В берестяных грамотах та-

кая концовка ранее не встречалась. В записях на стенах церквей такие формулы представлены в основном в древнейший период — более всего в XI веке. Очевидно, это связано с тем, что манеры бытового письма тогда еще не успели обособиться от книжных.

Найденная грамота № 957 позволила, как это нередко бывало и раньше, понять непонятное место в одной из давно найденных грамот — № 123 (3-я четв. XI в.). Этот дошедший до нас в виде нескольких обрезков документ заканчивается странной последовательностью ...-[и]е[и]ъс[ъ], для которой до сих пор не было найдено никакого объяснения. А. А. Гиппиус предложил для этой концовки убедительную интерпретацию, основанную на аналогии с грамотой № 957: это конец какого-то имени в И. ед., например, *Жъдане, Бояне, Городъне, Володъне* (для этой эпохи языческие имена намного вероятнее, чем христианские) + *пъсъ* (одно из возможных сокращений для *пъсалъ*), т. е. ‘а Ждан (Боян и т. п.) писал’. Примером сокращения *пъсъ* может служить надпись 2-й пол. XI — 1-й пол. XII в. в новгородском Софийском соборе [Медынцева 1978, № 189] *холотъ Тѣшьцевицъ пъсъ*.

Грамота № 958. Троицкий раскоп. Четыре строки, составляющие конечную часть первоначального документа.

Предварительная стратиграфическая оценка: конец XI — рубеж XI/XII вв.

В грамоте, по-видимому, буквы Ъ и Ъ не различаются, т. е. представлена такая же одноеровая система, как в № 959 (см. ниже). Но уверенности в этом нет, поскольку полностью видимых букв этой группы в грамоте всего две. Ниже соответствующий единый знак условно передан через Ъ.

-[ахъ . є .] гри [на] ...
хъ на вълищевъ гри . гри . гри
и по . й . коу на джеци
нъ гри и по . в . гри

Перевод: ‘... (на) ...ях. Пять гривен на ...ах. На Влищеве гривна [и] три гривны и семь с половиной кун. На Дуйцине гривна и полторы гривны’.

Это реестр некоторого сбора (или недоборов). Влищево и Дуйцино — села или деревни. Указываемая сумма в двух случаях состоит из двух частей, смысл которых либо был указан в утраченной ныне начальной части документа, либо просто был очевиден для адресата. Некоторым аналогом здесь может служить довольно близкая по времени грамота № 739, где требуемая выплата тоже складывается из двух частей: *отъ Глѣбъка къ] воло[ча]ни[омъ: въ]да[ите] сему диаку 5 и гри^н църкъвную*. Вторая часть здесь представляет собой выплату в пользу церкви. Возможно, нечто сходное имеется в виду и в грамоте № 958 (полному отождествлению ситуации с грамотой № 739 препятствует то, что здесь вторые суммы больше первых и их количественное соотношение иное).

По данным картотеки Екатеринбургского университета [ТЭ], деревня *Влищево* существовала в Чагодощенском районе Вологодской области, в 30 км южнее Чагоды (сообщение Е. Л. Березович). С наименованием *Дуйцино* можно сопоставить название деревни *Дуйково* [НПК, VI: 273] близ Удомли (ныне в Тверской области); в топонимах варьирование суффиксов -ъц- и -ък-, равно как -ин- и -ов-, в принципе возможно. Обе эти деревни находились на территории древней Бежецкой пятины.

Упоминание этих населенных пунктов в грамоте конца XI в. важно для уточнения представлений о территориальном объеме Новгородской земли в столь раннее время. Отметим, что к тому же периоду относится найденная еще в 1999 г. на Троицком раскопе берестяная грамота № 902 (от Домагостя к Хотену), в которой мечник Хотен выступает как сборщик государственных доходов в том же участке Бежецкой пятины. Возможно, и грамота № 958 была тоже адресована ему.

Отметим запись [j] через е в *Джецинъ*.

Представляет интерес то, как записано число ‘полторы’: *по́лъ въторы*. Отсюда видно, что тогда это еще было сочетание двух отдельных слов: *поль въторы* (или *поль въторѣ*). До сих пор самой ранней фиксацией этого числительного в берестяных грамотах было *во полуторь* в грамоте № 831 второй четверти XII века, и там уже было представлено слияние двух компонентов воедино.

Грамота № 959. Троицкий раскоп. Документ из четырех строк, у которого выгорела вертикальная полоска в правой части и, кроме того, обгорел еще и правый край. Очевидно, в момент пожара свернувшаяся в рулон грамота была уже почти целиком покрыта землей, выступал на поверхность только небольшой участок близ ее правого края. Этот участок и выгорел.

Предварительная стратиграфическая оценка: конец XI – рубеж XI/XII вв.

Буквы Ъ и Ъ не различаются, т. е. грамота написана по одноеровой системе. При этом начертания соответствующей единой буквы варьируют. Обычно они имеют вид Ъ с большим горизонтальным верхом (у которого в части случаев имеется еще засечка слева). Ниже этот единый знак условно передается через Ъ.

По оценке В. И. Поветкина, изучившего документ с физической стороны, выгоревшая вертикальная полоска могла содержать примерно 5–8 букв, а сгоревший правый край — еще 1–2 буквы.

Ѡ станигости къ олоучи то ти - - - - - оуб[л]-
оу мене кобылоу а азъ не в[и]- - - [ъ] въ - -
мъ а тобъ съказъвалъ - - - - до ж[и]-
рънъжъко а продали на - - - - -

В строке 1 остатки букв позволяют читать как *-оуб[л]-*, так и *-оуб[м]-*; но сочетание *бм* для данной эпохи практически исключено.

В строке 4 после *на* · видна еще вертикальная мачта.

Грамота начинается с обычной для самых древних грамот адресной формулы простейшего вида (без дополнительных слов сверх имен автора и адресата): *Ѡ Станигости къ Олоучи*.

Другой вариант словоделения (с выделением частицы чи): *къ Олоу чи то ти ...* — следует отвергнуть, поскольку имя *Оль* не получает никакой поддержки в древнем ономастиконе, а частица чи, как будет видно из дальнейшего разбора, была бы для смысла основной части грамоты неуместной.

Имя *Станигость* встречается впервые и пополняет фонд дохристианских славянских древнейшего типа — двусоставных. Для первой части ср. *Станимиръ*, *Станиславъ*, для второй — *Воигость*, *Домагость*, *Доброгость*, *Милогость*, *Радогость* и др.

Впервые встречается и имя *Олуча*. В отличие от имени автора, это христианское имя — гипокористическое от *Олуфери*. Ближайшее к нему засвидетельствованное имя — *Олучка* [НПК, VI: 390]. В отношении суффикса ср. *Лихоча* (от *Лихославъ* и т. п.) в № 412. Ср. также другие гипокористики от этого имени — *Олухъ*, *Олуши*, *Олушка*, *Олушко*, *Олухно*, отмеченные в новгородских писцовых книгах и в топонимах. В берестяных грамотах встретилось *Олужева* в № 116 (нач. XIII в.) и *Олафъ* на деревянной бирке № 7 (рубеж XII–XIII вв. — [НГБ VIII: 65]).

Следует отметить, что в столь раннее время христианские имена еще представляют собой редкость и их носят в основном лишь знатные новгородцы. Тем самым допустимо предполагать, что данная грамота адресована к высокопоставленному лицу.

Что касается основного текста грамоты, то задача восстановления документа со столь значительными утратами, разумеется, весьма непроста.

Сравнительно легко находится только подходящая конъектура для второй строки: *а азъ не в[и](новат)[ъ] въ (то)мъ*. Это вполне обычная фраза для древнерусских текстов

фраза, ср., например: *и зъ въ всемъ виноватъ передъ Бѣ и пред нимъ* (Ипат., 142 об.). И она хорошо согласуется с общим характером изучаемого документа.

Тем самым, в частности, уточняется величина большой лакуны: она равно примерно шести буквам. Это весьма существенно для остальных строк, для которых поиск конъектур намного сложнее.

После этого начало основного текста грамоты: *то ти - - - - - оуб[л]- | оу мене кобылоу, а зъ не в[и](новат)[ъ] въ (то)мъ* — уже становится в общих чертах понятным. У автора, по-видимому, по причине какого-то обвинения была отобрана кобыла, а он заявляет, что в этом деле (т. е. в том, за что ее отобрали) он не виноват.

Для отрезка *оуб[л]*, по-видимому, есть лишь два реально допустимых пути реконструкции — корень *гоуб* (в таких словоформах, как *погоублю, погоублено*) и корень *роуб* (в таких словоформах, как *пороублю, пороублено, пороубль, пороубли*). Слово *роубль* в грамоте рубежа XI/XII вв. можно не обсуждать — это был бы вопиющий анахронизм.

Словоформа *погоублю* несовместима по смыслу с *оу мене*; словоформа *погоублено* не умещается в строке; и вообще глагол *погубити* в сочетании с *оу мене* плохо подходит к ситуации, где автор был в чем-то обвинен и наказан. Остается глагол *рутти* (*порутти, вырутти*) ‘конфисковать имущество за какую-либо вину’, хорошо известный ныне как раз из берестяных грамот. Он уже очень хорошо подходит к ситуации.

Отсюда самая вероятная из возможных конъектур: *то ти (еси пор)оуб[л](ъ) | оу мене кобылоу* ‘вот ты у меня конфисковал кобылу’ (вместо *пороубль* мог выступать и его синоним *выроубль*). Такая реконструкция означает, что Олуча, к которому обращается Станигость, — это некое административное лицо, в чьи прерогативы входит разрешение гражданских конфликтов, в частности, конфискация имущества.

Можно было бы, правда, представить себе, что Станигость жалуется на действия некоего третьего лица, имя которого стояло после *то ти*. Но для такого имени, даже если оно было очень коротким (вроде *Петръ*) недостаточно места (а предполагать здесь бесприставочную словоформу несовершенного вида *роубль* нереально по смыслу).

Из второй части грамоты (*а тобѣ съказъвалъ - - - - - до Ж[и]рънѣжъко, а продай на . - - - - -*), несмотря на лакуны, можно понять, что автор указывает на человека по имени *Нѣжъко* или *Жирънѣжъко*, который что-то адресату сообщил (*съказъвалъ*), и требует его «продать», т. е. оштрафовать. Кого именно нужно «продать», не сказано, но в таких случаях в древнерусском тексте речь всегда идет о том же человеке, который назван непосредственно перед этим.

Это дает возможность предложить правдоподобную конъектуру для четвертой строки: *а продай на .(г. гривън)ы* ‘так оштрафуй [его] на три гривны’. Выбор числительного определяется тем, что окончание *-ы* здесь возможно только при наличии числительных 3 или 4, а после точки виден вертикальный штрих, т. е. часть буквы *г*, а не *д*.

А. А. Гиппиус высказал предположение, что в третьей строке речь идет о виновнике совершившейся над Станигостем несправедливости, т. е. примерно о таком же «клеветнике», как в знаменитой грамоте № 247, где «клеветник» должно сообщил об ограблении дома или склада и за это должен быть «продан», т. е. подвергнут штрафу. Он указал на то, что глагол *сказывать* (*на кого-либо про что-либо*) засвидетельствован в ряде поздних текстов в значении ‘сообщать (докладывать) о чьих-либо проступках или злоупотреблениях’. Ср. в Соборном Уложении 1647 г. (гл. 10, ст. 7): *А челобитчика, и на кого онъ сказывать про посулы, ставити с очи на очи, и распрашивати и сыскывати про посуль всякими сыски накрѣпко*. Также в рассказе Л. Н. Толстого «Свечка»: «*Да ты порознь расскажи, что кто говорит. Васька что говорит?*» — *Не хотелось старосте сказывать на своих, да с Василем у них давно вражда ила*.

В Слов. XI–XVII [24: 169–172] приведен целый ряд примеров употребления данного слова и его производных в значениях указанного рода, в частности: *А Ивановыхъ ... грамотъ язъ, Романъ, людемъ своимъ имати не веливать, то на меня Онтонъ сказываетъ*

ложно (с. 171); *В Сомарском том Офонасей брата моего и меня лаял, и за то на меня том Офонасей смуту сказывает (там же); Сказывалися есте архиепископу и бояром перед собором во всех тех злых делах повинни* (с. 172); сказка — одно из значений: ‘донесения о событиях, происшествиях, торгах, о выполнении служебных и прочих поручений, доносы на кого-л.’ (с. 169).

Остается самая трудная лакуна — в третьей строке. Здесь прежде всего необходимо понять, как именно звали «клеветника», — *Нѣжъко* или *Жирънѣжъко*. Более простой вариант представляет собой хорошо известное имя *Нѣжъко*, но тогда для отрезка *съказъваль - - - - - дож[и]ръ Нѣжъко* не видно ни одного правдоподобного решения. Можно вообразить, например, фразу *съказъвать (сынъ Ра)дож[и]ръ Нѣжъко* ‘сказывал сын Радожиров Нежко’, но такой способ наименования лиц не встречается в грамотах ни разу.

Имя *Жирънѣжъко*, в отличие от *Нѣжъко*, ранее не встречалось. Но в грамоте № 745 имеется совершенно аналогичное имя *Братонѣжъко*. А двусоставные имена как с начальным *Жир-*, так и с конечным *-нѣжъ* вообще часты, ср. *Жировить, Жирославъ, Жиробудъ* и др.; *Братонѣгъ, Доманѣгъ, Милонѣгъ, Перенѣгъ, Радонѣгъ, Рознѣгъ, Стоинѣгъ, Укнѣгъ* и др.

Имя *Жиронѣгъ* отразилось в топонимике: по данным картотеки Екатеринбургского университета, в том же Чагодощенском районе Вологодской области, где находилось *Влищево*, существовала также деревня *Жеронёгово* (сообщение Е. Л. Березович). Кроме того, в НПК [IV: 47] отмечена деревня *Жинорѣжа*, название которой явно представляет собой результат метатезы из *Жиронѣжа* (другие объяснения здесь нереальны).

Что касается *Жиръ-* (а не *Жиро-*) в первой части имени *Жирънѣжъко*, то это явление тоже имеет аналог в берестяных грамотах: у имени *Мирославъ* (представленного в № 603, 747 и 334) имеется вариант *Мирславъ* (представленный в № 502 и Ст. Р. 17). Поскольку слово *юиръ*, как и слово *тиръ*, относилось к и-склонению, ныне имеется дополнительное основание предпочесть первую из двух версий происхождения таких вариантов, изложенных в [ДНД₂: 406], т. е. существование исконных сложений **Mirъslavъ, *Юирънѣгъ* (а не относительно позднюю утрату *o* в *Миро-*, *Жиро-*).

Если в грамоте представлено имя *Жирънѣжъко*, то отрезок с лакуной имеет вид *съказъвать - - - - - до*. Выбор конъектуры в этом случае оказывается не столь определенным, как для других строк. Например, среди прочих вариантов возможно *a тобѣ съказъвать* (*на ма хоу*до; но во-первых, на лакуну приходится на одну букву больше, чем ожидалось бы, во-вторых, слово *хоудо* представляется слишком общим, недостаточно конкретным для такого делового текста. Неплохо подошла бы по смыслу также конъектура *a тобѣ съказъвать (негораз)до* ‘а тебе докладывал неправильно’, но в ней тоже на одну букву больше, чем ожидалось бы).

С нашей точки зрения, наиболее вероятна конъектура *съказъвать (про ста)до*. Она связывает по смыслу вторую часть грамоты с упоминанием кобылы в первой части. Правда, в современном языке слово *стадо* обычно не применяется к лошадям, для этого служит слово *табун*. Но в древнерусском языке такого ограничения не было; ср. *а конюхъ старыи оу стада* в Русской Правде, *стада коньска и кобыльы* в Ипат. и т. п. (см. [Срезн.], статья *стадо*). Более того, точные германские соответствия славянского слова указывают именно на связь с лошадьми, ср. др.-исл. *styd* ‘конский завод’, нем. *Stute* ‘кобыла’.

Таким образом, с добавлением наиболее вероятных конъектур грамота приобретает следующий вид:

Ш станигости къ олоуучи то ти (еси пор)оуб[л](ъ)
оу мене кобылоу а азъ не в[и](новат)[ъ] въ (то)
мъ а тобѣ съказъвалъ (про ста)до ж[и]
рънѣжъко а продам на ·[Г](· гривън)ы

Для реконструированного таким образом текста уже можно предложить полный перевод: ‘От Станигостя к Олуче. Вот ты конфисковал у меня кобылу. А я в этом [деле] не виноват. А тебе доносил про табун Жирнежко — так оштрафуй [его] на три гривны’.

Вырисовывается, таким образом, следующая картина. Жирнежко донес административному лицу Олуче, что Станигость совершил что-то противоправное с табуном лошадей. За это Олуча конфисковал у Станигости кобылу. Станигость заявляет этой своей грамотой, что он не виноват, и требует от Олучи наказать клеветника штрафом.

Грамота представляет также большой интерес с лингвистической точки зрения.

Как уже отмечено, она написана по одноеровой системе; эта особенность характерна именно для древнейших грамот.

Далее, важная особенность этой грамоты состоит в том, что она совсем не имеет никаких новгородских диалектных признаков. В частности, словоформа *съказъвать* имеет окончание -ъ (а не -е), *Жирнѣжъко* — окончание -о (а не -е), *къ Олучи* — окончание -и (а не -ѣ). Мы уже отмечали повышенную долю грамот с такой особенностью среди грамот самого раннего периода.

Понятно, что эта особенность учитывалась выше и при построении конъектур. В частности, в словосочетании *на три гривны* существительное имеет наддиалектное древнерусское окончание -ы (а не древненовгородское -ѣ).

Но наибольшую ценность для истории русского языка имеет в этой грамоте словоформа *съказъвалъ*.

Прежде всего это самая ранняя фиксация вторичного имперфектива с суффиксом, соответствующим современному русскому -ыва-, -ива-, на Руси, а поскольку в старославянском таких примеров вообще нет, то и во всем славянском мире. До этой находки таковою была словоформа *надѣливати* в найденной восемью годами ранее берестяной грамоте № 794, датируемой 60-ми – 80-ми гг. XII века.

Но еще важнее то, что суффикс здесь имеет вид -ъва- (а не -ыва-, -ива-, как практически во всех прочих древнерусских источниках). Предполагать, что в этом суффиксе ъ — это просто графическая замена для ы, нет никаких специальных оснований, поскольку достоверные ы — в *кобылоу* и в *(гривън)ы* — записаны в грамоте именно с ы.

Чтобы оценить значение этого факта, уместно, по-видимому, привести следующую большую цитату из книги [Зализняк 1985, § 2.23: 148–149]:

Суффикс вторичных имперфективов, который в более позднее время выглядит в великорусских памятниках как -ыва-ти, для раннедревнерусского, по-видимому, должен реконструироваться как -ъва-ти (ср. великорусское произношение типа *подскак[ъ]вать*, украинский рефлекс -ува-ти и в особенности белорусский рефлекс -ва-цъ, например: укр. *показувати*, белор. *нака́зываць*). В составе -ъва-ти морф -ъв- имеет маркировку ↓ (морф -а- здесь тот же, что во всех *aj*-глаголах); поскольку ъ здесь слабый, ударение фактически всегда падает левее суффикса, например: *оправъдъвати* (от акцентной парадигмы *a*), *показъвати* (от *b*), *заяръвати* (от *c*). При последующих нефонетических заменах ъ на другие гласные ударение уже не менялось. Следует учитывать, что историческое развитие данного суффикса известно очень неполно, поскольку в раннюю книжную письменность он проникал довольно редко и, возможно, в части случаев записывался не в соответствии с произношением.

Таким образом, словоформа *съказъвалъ* в данной грамоте непосредственно подтверждает реконструкцию, построенную на основе косвенных соображений (прежде всего акцентологических), но до сих пор не имевшую никакой опоры в древних письменных памятниках.

В этой связи следует, однако, вновь обратиться к одному примеру из берестяной грамоты XIV века, который не имел однозначного объяснения: *присиквали* ‘прирубали, рубили дополнительно’ из грамоты № 20. В [ДНД₂, § 5.12: 217] указывалось, что отсутствие ы между к и в в этой словоформе — возможно, не описка, а отражение того диалектного варианта развития имперфективов на -ывати, который характерен для белорусского

языка и состоит в том, что перед *-ваць* здесь нет вообще никакой гласной, например, *прыцáваць* ‘притягивать’, *аплáкваць* ‘оплакивать’, *праслúхваць* ‘прослушивать’, *высаджваць* ‘высаживать’ и т. п.

Само это белорусское явление не имеет пока что общепринятого объяснения. В принципе это может быть либо архаизм (если нуль здесь восходит к слабому редуцированному), либо результат поздней утраты безударного *ы* (*и*) между согласными. Нахodka грамоты № 959 дает ныне важный дополнительный аргумент в пользу версии об архаизме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ДНД₂ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- ТЭ — картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания, г. Екатеринбург).
- Медынцева 1978 — *А. А. Медынцева*. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.
- НГБ VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб.; Пг., 1859–1915.
- Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–. М., 1975–.
- Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. I–. М.; Л., 1965–.
- Тупиков 1903 — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Прославянский лексический фонд. Вып. I–. М., 1974–.

© 2007 г. А. С. САМИГУЛЛИНА

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СЕМИОТИКА

В рамках разработки современных методик и практик лингвистического исследования автор предлагает осуществить «концептуальную интеграцию» когнитивного и семиотического моделирования. Необходимость такого совмещения автор объясняет особенностями природы языка, которая носит принципиально двойственный характер: язык – это одновременно и система знаков, замещающих предметы речи, и система символов, за которыми стоит духовный опыт людей. Когнитивная лингвистика предстает как наука о символах, а семиотика – как наука о знаках.

1. САМОСОЗНАНИЕ ЛИНГВИСТИКИ – ВЧЕРА И ЗАВТРА

На заре становления отечественной когнитивистики Р.М. Фрумкина справедливо указывала на тот факт, что термин «когнитивизм» неизбежно вплетается в контекст множественных индивидуально обусловленных интерпретативных практик и субъективных ассоциативных приращений. Подобное положение дел получает, тем не менее, вполне закономерное объяснение, так как за когнитивной научной парадигмой закрепляется статус нового идеального проекта, реальные разработки которого еще пребывают *in statu nascendi*, а его появление продиктовано стремлением лингвистики нового поколения уйти от атомарности и «физикализма» позитивистских описаний и найти крупные структуры, детерминированные социально и коммуникативно [Фрумкина 1999].

Однако своеобразный научный «плюрализм», сформировавшийся в пространстве субъективного и с неизменным постоянством культивируемый в рамках когнитивной лингвистики, с одной стороны, все более отдаляет исследователя от редукционистского подхода, а, с другой стороны, «один редукционизм заменяется другим – то в одеждах “полушарной” мифологемы, то в одеждах мифологемы компьютерной» [Там же]. Когнитивизм и по сей день остается научной метафорой, научным фантомом, «мерцающим загадочным светом» перед исследователями языка, а когнитивная лингвистика, все еще являя собой «субформацию» по отношению к психолингвистике и лингвокультурологии, продолжает «отказываться от “импорта” в нее критерия точности, заимствованных из дисциплин естественнонаучного цикла» [Там же]. Подобное спорадическое движение исследовательской мысли в направлении «ЗАЧЕМ/ПОЧЕМУ-лингвистики» (термин А.Е. Кибрика [Кибрик 2003]) оправдывается, в первую очередь, тем, что у когнитивистов нет сложившейся системы методов и процедур анализа фактов языка. В самом общем виде лингвокогнитивный подход направлен на описание тех или иных фрагментов языка в терминах концептуальных абстракций, а также на установление и объяснение «тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [Кубрякова 2004: 9], на своего рода «синергию» или совмещение ментального и верbalного пространств. В этом и состоит, по справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, основной метод (следует заметить, что метод понимается здесь в самом широком смысле) нового «идеального проекта» в науке о языке [Кубрякова 2004]. Подобная мысль красной нитью проходит через целый ряд фундаментальных трудов по когнитивистике. Так, А.Е. Кибрик констатирует, что «когнитивная лингвистика, при всем многообразии ее современных реализаций и понимания, исходит из первичности когнитивных структур по отношению к языку и из представления о языко-

вых единицах и правилах как о конвенционализированных (грамматикализированных) когнитивных структурах и процессах» [Киблик 2003: 51]. Отсюда проистекает конечная цель описания языка в рамках когнитивной лингвистики, а именно – установление соответствий между языком и когнитивным представлением, а также изучение языкового сознания и образа мира, существующего в голове человека [Красных 2001: 29]. Для лингвистики объяснительного толка «языковые объекты существуют не сами по себе как автономные семиотические сущности, а как инструменты, имеющие функциональное предназначение в процессах языковой деятельности» [Киблик 2003: 104]. Действительно, на первый взгляд складывается впечатление, что наконец-то языковеды получили мощный импульс для выявления общих закономерностей в формировании ментальных представлений языковой личности, как это изначально прописано в теоретической базе лингвокогнитивных исследований, которые «в тенденции ориентированы на семасиологический вектор: от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации)» [Воркачев 2003: 7]. Однако оказывается, что дальнейшее развитие когнитивизма направлено на постепенное «выходящивание» объективизма из методологических «недр» когнитивной лингвистики и, как следствие, превращение ее в науку о субъективных смыслах, о когнитивных метафорах и ментальных конфигурациях, о множестве «зонтиковых» (термин С.Г. Воркачева [Воркачев 2003]) терминов, которые покрывают значительную область «нематериального» или субъективного пространства и «препарируются» лишь при помощи интроспективного анализа, то есть посредством самонаблюдения (ср., например [Падучева 2004: 13]) и саморефлексии, «тренированной интроспекции» исследователя [Вежбицкая, 1999]. Тем не менее, интроспективный метод имеет свои очевидные преимущества в силу того, что в фокус лингвистических изысканий попадают интерпретативные способности языковой личности, «рождается» новая реальность, реальность разноформатных смыслов и ассоциативных цепочек; возникает идея о том, что «язык не обозначает объекты и ситуации реального мира, а в каком-то смысле, их создает» [Падучева 2004: 20]. Тот же мотив «полифонии» смыслов звучит и в лингвофилософской работе Б.М. Гаспарова, где язык воспринимается как нечто большее, чем упорядоченный инвентарь форм, поскольку определяющую роль в нем играют не материальные элементы, а релятивные по своей природе знаковые ценности, отношения между которыми образуют структуру [Гаспаров 1996: 23]. «Проникнуть в эту толщу, распутать хотя бы некоторые из бесконечных наслаждений и переплетений смысловой ткани, выделить хотя бы некоторые голоса в этом непрерывно звучащем в нашем сознании оркестре, грандиозном в своей анонимности, – такова задача, встающая при анализе языка как мнемонической среды, в которой протекает языковое существование» [Там же: 107–108]. Ступить дважды в «один и тот же» поток языковой мысли оказывается невозможным, но в действительности, «культурные (или конвенциональные) модели обеспечивают почву для синхронизирующих ассоциаций, которые задают соответствующие рамки для интерпретации реального опыта» [Shore 1991]. Следовательно, когнитивная лингвистика ставит перед собой задачу синхронизировать подобные ассоциативные наслаждения, подвести их под общий знаменатель и упорядочить процесс смыслопорождения и смыслоразличения в ментальном континууме индивида, что значительно облегчается при метафорическом прочтении объекта исследования. «Сила метафоры, ее “голубая кровь” (А.Н. Баранов) – в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в pragматической значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов 2001: 36]. Таким образом, метафора – это основа концептуальной интеграции, базис для совмещения ментальных пространств писателя и читателя, говорящего 1 и говорящего 2, этносоциума 1 и этносоциума 2 и т.д. В работах И. Ричарда и М. Блека метафоры рассматриваются как средства создания и расширения сложных систем человеческого мышления через «интеракционный эффект». Метафора позволяет наложить новую категоризацию на исходный объект, подключая к нему новые импликации [Shore 1991].

Отсюда и проистекает метафоричность самого термина «когнитивный», а также появляются попытки выйти за пределы сознания в сферу бессознательного, что еще больше вводит лингвиста в заблуждение, заставляет его совершать «движение по кругу» и рассуждать не о строгой методике анализа, а о терминологическом аппарате исследования – ведь бессознательное существует за границами *мира-Я*, а потому недосягаемо. Попытка вторжения в сферу бессознательного совершенно оправданно получает критическое осмысление в работах известного отечественного когнитолога Е.С. Кубряковой, которая полагает, что «мы еще не знаем, как протекают процессы мышления, но можем предположить, что некоторые из них протекают все же на сознательном (осознаваемом) уровне, т.е. приобретают характер мышления рационального» [Кубрякова 2004: 20].

Таким образом, современная когнитивистика балансирует между субъективным и объективным, то приближаясь к последнему, то отдаляясь от него, затрудняя тем самым процесс разработки процедуры лингвокогнитивного анализа, который, выводя исследователя на «бескрайние просторы» междисциплинарности, «отчуждает» его от важных обобщений, полученных в рамках собственно лингвистики, а именно в семиотике, в так называемом «трехмерном пространстве языка». Хочется верить, что в скором будущем когнитивная лингвистика приобретет относительно строгую методику и процедуру анализа языковых фактов и станет тем идеальным проектом, который до сих пор отсутствует в современной науке о языке.

2. КОГНИТИВИСТИКА И СЕМИОТИКА: ОБЩНОСТЬ ИЛИ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ В ОНТОЛОГИИ?

Характерной особенностью лингвистической мысли является стремление структурировать пространство научного поиска, «представить» его в соответствии с существующими тенденциями и бытийными предписаниями самого объекта исследования. Таким образом, не только разность культур порождает разность онтологий (при условии, что онтология рассматривается как семантическое ядро культуры, «производящее смыслозначимые каркасы мира» [Ильин 2001: 271]), но и переход от одного аспекта изучения к другому способствует формированию нового взгляда на вещи. По справедливому замечанию Р.М. Фрумкиной, последний подход отражает познавательную установку, согласно которой наука не только описывает «готовый» мир, но и творит его, создает новую реальность для дальнейшей работы исследователя [Фрумкина 2001: 167].

В свете подобной постановки проблемы попытаемся соотнести пространственную метафору с понятиями ‘когнитивизм’ и ‘семиотика’. Существует два классических понимания пространства – по И. Ньютону и по Г.В. Лейбницу, которые различаются тем, что «одно отвлечено от человека-наблюдателя, а другое, напротив, “одушевлено” его присутствием» [Кубрякова 2000: 90]. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии, тогда как лейбницевское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, к так называемой «наивной картине мира» [Там же: 90]. Получается, что изначально семиотические концепции вырастают на почве ОБЪЕКТИВНОГО пространства, тогда как когнитивистика творит в пространстве СУБЪЕКТИВНОГО, неизменно включая в сферу своих непосредственных интересов «человеческий фактор». В конечном счете, мы приходим к тому, что в зависимости от личностных установок человека в фокусе его внимания оказываются разные детали или компоненты ситуации, а потому фон и фигура как бы меняются местами, то высвечивая явление целиком в его разновекторных пространственных связях, то отодвигая его на задний план, ограничиваясь изучением «пустого» структурного континуума с тем, чтобы обозначить предельно возможную минимизацию отношений именования, минимальную схематизацию, необходимую, но достаточную [Степанов 1985: 15]. Поэтому-то в многочисленных лингвистических дискуссиях – иногда в подтексте – читается выбор между «природой» и «культурой», между К.Р. Поппером и М.М. Бахтиным, между К. Леви-Стросом и Л.С. Выготским [Фрумкина 1999].

В данной статье мы предлагаем совместить пространства семиотики и когнитивной лингвистики, обозначив некоторые основополагающие моменты этой потенциальной «научной интеграции». Необходимость подобного рода имеет вполне закономерное объяснение. Дело в том, что именно природа языка принципиально двойственна, язык, как справедливо замечает Н.Д. Арутюнова, есть в одно и то же время и «система знаков, замещающих предметы речи (реальные и идеальные)», и «система символов, за которыми стоит духовная жизнь людей» [Арутюнова 1997: 657]. Символический момент в языке закрепляется в языковом значении и, прежде всего, в значении слова, которое имеет много уровней глубины [Постовалова 2004: 589]. Слова в языке, который по Н.Д. Арутюновой, и есть «совокупность значений, сосредоточивших в себе духовный опыт людей (нации, человечества) – практический, нравственный, эстетический и мифологический», при своей актуализации способны раскрывать разные стороны и «глубины» своего значения в зависимости от внутреннего мира говорящего и целенаправленности дискурса [Там же: 589]. «Знаки требуют понимания, символы и значения – интерпретации» [Арутюнова 1999: 342]. Если знаки «ближе» к общению, то «символы и даже образ ближе к мышлению – художественному, мифическому, религиозному» [Там же: 344]. Когнитивная лингвистика, в самом общем смысле, представляет собой науку о символах (здесь символ является собой метафору «одушевленных» знаков), а семиотика – науку о знаках, в центре внимания которой объективные обобщения, полученные посредством подключения механизмов понимания.

Симптоматичным является и то, что необходимость в своего рода «концептуальной интеграции» прослеживается не только в теоретических моделях когнитивистики, но и в пространстве семиотического измерения. Так, в семиотике выделяют три главенствующих подхода, характеризующих современную науку о знаках, каждый из которых, с одной стороны, стремится к самоутверждению и обособлению, а, с другой стороны, отражает необходимость в интегративности, пытаясь выйти за рамки собственно семиотических методик анализа.

Таким образом, семиотику характеризует ИММАНЕНТИЗМ, где формальное, то есть структура, и является тем, что порождает значение (см., например, работы Ю.М. Лотмана, У. Эко); «ИНТЕРТЕКСТУАЛИЗМ», где весь мир есть текст, а культуры – «резервуар значений, понимаемых в смысле информации, т.е. натурно данного знания» [Горный 1996: 170–171] (см., например, работы Р. Барта); СЕМИОГОНИЗМ, касающийся исследования «семиозиса, т.е. проблемы возникновения знаковых структур из некоторой не- или до-знаковой реальности» [Там же: 172] (см., например, работы Ч. Пирса, Ч. Морриса, М.М. Бахтина). При этом знакообразование (семиозис), как верно замечает Н.Б. Мечковская, представляет собой эксплицитную составляющую процессов приращения и накопления информации [Мечковская 2004: 576].

Семиотика, следовательно, – это перенос метафоры языка на любые неязыковые (с точки зрения обычного, «несемиотического» сознания) феномены. Одним из принципов, на которых основывается семиотика, является расширение значения лингвистических терминов. Таким образом, метод семиотики – это рассмотрение чего угодно как метафоры языка или, говоря иначе, метафорическое описание чего-то в качестве языка. Семиотика XXI века, впрочем, как и когнитивистика, получает метафорическое прочтение и пытается «разорвать оковы» некой упрощенной минимизированной структуры. Тот же лейтмотив звучит и в рассуждениях Вяч.Вс. Иванова о лингвистике третьего тысячелетия: «При рассмотрении того, как абстрактную систему знаков использует конкретный говорящий (и описывает конкретный лингвист), языкознание вступает в область, граничную не только с психологией и философской прагматикой, но и с современной физикой, где на первый план выдвигается наблюдатель и соответственно вырастает роль субъективного начала» [Иванов 2002: 84–85]. Следовательно, семиотика проигрывает когнитивистике по части ‘субъективности’, а когнитивистика – в отношении ‘объективности’.

Однако несколько парадоксальным оказывается то, что комплементарность обсуждаемых научных парадигм долгое время настойчиво игнорировалась. Е.С. Кубрякова

констатирует, что, как ни странно, среди наук когнитивного цикла очень редко упоминается семиотика, хотя «некий семиотический фон явно прослеживается уже у первых ученых, стоявших у истоков когнитивизма» [Кубрякова 2001: 283]. Продолжая свою мысль, когнитолог указывает на тот факт, что применительно к языку акт семиозиса заключается в поисках и нахождении конкретной языковой формы, которая способна «упаковать» складывающееся в голове говорящего (новое) значение [Там же: 286]. «Знак вещи или события есть их смысл, но не просто смысл, а такой, который осуществлен, воплощен или дан на каком-нибудь субстрате» (А.Ф. Лосев, цит. по [Кубрякова 2001: 286]). Таким образом, объективация смысла (его воплощение в языке) происходит посредством выбора той или иной формы материи языка. Р.М. Фрумкина полагает, что подобное планомерное «отчуждение» когнитивистики и семиотики произошло в силу того, что, во-первых, семиотика, в конечном итоге, утратила роль образца «особо чистой науки» [Фрумкина 1999], а, во-вторых, современная наука все еще продолжает «проводить политику» последовательного отрицания психологического позитивизма, который и послужил философско-методологической базой семиотических исследований.

Как известно, философию позитивизма отличают следующие характерные черты:

- 1) отрицание метафизики (только то, что доступно наблюдению, имеет значение для науки);
- 2) отрицание онтологии и замена ее теорией и методологией познания («Семиотика не может быть одновременно оперативной техникой и познанием Абсолюта» [Эко 1998: 24], таким образом, структурализм не может стать онтологией, его место – быть методом, «рабочим инструментом»);
- 3) отрицание самоочевидности и связанный с этим рационализм («Структура – это модель, выстроенная с помощью некоторых упрощающих операций, которые позволяют рассматривать явление с одной единственной точки зрения» [Там же: 63].);
- 4) отрицание субъективности и рассмотрение ее как простой помехи для объективного научного знания («Мы сводим все интересующие нас феномены к довольно простой модели, взяв за основу простейший случай коммуникации. Затем исходные понятия подвергаются критической оценке, расширяются, предстают в ином свете, отвергаются, загоняются в расставленные ловушки, испытываются на прочность» [Там же: 30].);
- 5) концепция нормы (нормальными признаются только чувственный опыт и логическое мышление; все прочее – либо невежество, либо патология).

Принимая во внимание эти философские установки, становится понятным, почему даже термин «интерпретанта» в большей степени наделяется объективным содержанием, в то время как любой процесс интерпретации (даже интерпретации в привычном для нас профанном понимании) предполагает творчество, а значит, активизирует те механизмы сознания, которые отвечают за образование множества индивидуальных ассоциаций и смыслов, выявляемых посредством методов самонаблюдения или эксперимента, используемого, прежде всего, в качестве верификационной процедуры [Селиверстова 2001: 305].

Так, один из основоположников семиотики Ч. Моррис подчеркивает, что термины «знак», «десигнат», «интерпретанта» и «интерпретатор» подразумевают друг друга, поскольку являются лишь способами указания на аспекты процесса семиозиса [Моррис 2001: 48]. Следовательно, интерпретанта, по Ч. Моррису, – это общее знание о предмете, которое можно онтологически соотнести с когнитивной категорией. Ч. Пирс, предвосхитивший концепцию Ч. Морриса, также несколько амбивалентен в определении понятия «интерпретанта». В одних случаях он отождествляет ее с контекстом (знак становится знаком только в определенном контексте). В других случаях интерпретанта понимается Ч. Пирсом как набор правил употребления, то есть рассматривается как чисто прагматическая составляющая акта семиозиса [Пирс 2000]. Доводя концепцию Ч. Пирса до логического завершения, известный итальянский семиотик У. Эко констатирует, что «интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [Эко 1998: 53]. Эта двойная природа интерпретанты и заложила базу для развития

когнитивно-ориентированной теории коммуникации. Именно интерпретанта, по словам В.И. Заботкиной, и является связующим звеном между когнитивистикой и семиотикой [Заботкина 2002: 155], хотя именно семиотики всегда планомерно и последовательно отрицали мощный познавательный потенциал процесса интерпретации фактов языка. Классическим примером тому служит концепция М. Фуко, в которой безапелляционно заявляется, что «не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков» (цит. по [Ильин 2001: 270]). «Если угодно, не существует никакого *interpretandum*, которое не было бы уже *interpretans*. ... Интерпретация не поясняет некий предмет, подлежащий интерпретированию, – она может лишь насильственно овладеть уже имеющейся интерпретацией и должна ее ниспровергнуть, перевернуть, сокрушить. ... Интерпретируется не то, что есть в означаемом, но, по сути дела, следующее: кто именно осуществил интерпретацию, ведь основное в интерпретации – сам интерпретатор» [Там же: 270]. Однако, несмотря на ярко выраженный скептицизм концепции М. Фуко, она приводит нас к интерпретатору, а значит, «оправдывает» роль субъективного фактора в науке о языке, который в сочетании с верифицируемой методикой анализа позволяет «усышать» «многоголосие» так называемой «отсутствующей» структуры (термин в [Эко 1998]) в тот момент, когда говорящий воспринимает чужое высказывание, погружая его в определенный ситуативный контекст. И эта интерпретирующая работа сознания, направленность мышления человека в сторону оценочного осмыслиения бытия заполняет ментальный мир *homo loquens* множеством ассоциаций, реминисценций, отсылок, которые индуцируются в языковой памяти. Конечный образ высказывания в сознании говорящего возникает «из взаимодействия многонаправленных ассоциативных полей, в окружении которых – и через посредство которых – данное высказывание и различные его компоненты находят свое место в конгломерате языкового сознания говорящего» [Гаспаров 1996: 107]. Наша задача – как можно точнее воссоздать этот образ, объединив методики лингвокогнитивного и семиотического анализа.

3. В ПОИСКАХ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА

Исследования, проводимые в рамках когнитивной научной парадигмы, недвусмысленно выявляют одну очень важную закономерность, которая лежит в основе процессов восприятия и обработки информации. Так, когнитивная деятельность, с одной стороны, оперирует определенным набором базовых гештальтов, которые дают несколько упрощенное представление о задействованных в процессе коммуникации мыслительных механизмах; с другой стороны, данный вид деятельности настолько многогранен и вариативен, что ведет к мгновенному «отторжению» какой бы то ни было клишированности и схематизации. Эти две противоположные по своей сути тенденции описываются Е.В. Рахилиной в терминах структурной стабильности (*structural stability*) и гибкой приспособляемости (*flexible adaptability*) [Рахилина 2002: 51]. Структурная стабильность регулируется, в первую очередь, языковым сознанием человека, так как «язык противостоит бесконечной области мыслимого, он должен быть в состоянии найти конечными средствами бесконечное употребление, и он может этого достигнуть вследствие тождества силы, порождающей мысли и язык» [Шпет 2003: 24]. Гибкая приспособляемость же не позволяет минимизировать тот богатейший образно-ассоциативный потенциал, декодирование которого требует перехода от простого «схватывания» так называемой поверхностной структуры сообщения к интерпретации его глубинных смыслов, а именно «к новому пониманию языка как такового» [Кубрякова 2004:45].

Следовательно, сама онтологическая противоречивость когнитивной деятельности языковой личности подсказывает совмещение структурно-ориентированного и собственно интерпретативного подходов к анализу фактов языка, иными словами, указывает на необходимость концептуального «спаивания» методов когнитивистики и семиотики. Основной задачей этой интеграции, на наш взгляд, является все же поиск некоего

образца, единой внутренней структуры языка, «поиск непротиворечивой основы мироздания» [Гурицкий 2002: 88], способный в конечном итоге привести к созданию общей теории науки о языке, в центре которой находится ‘человек говорящий’. Ведь сам процесс представляет собой особый вид когниции, «непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками» [Демьянков 1994: 27].

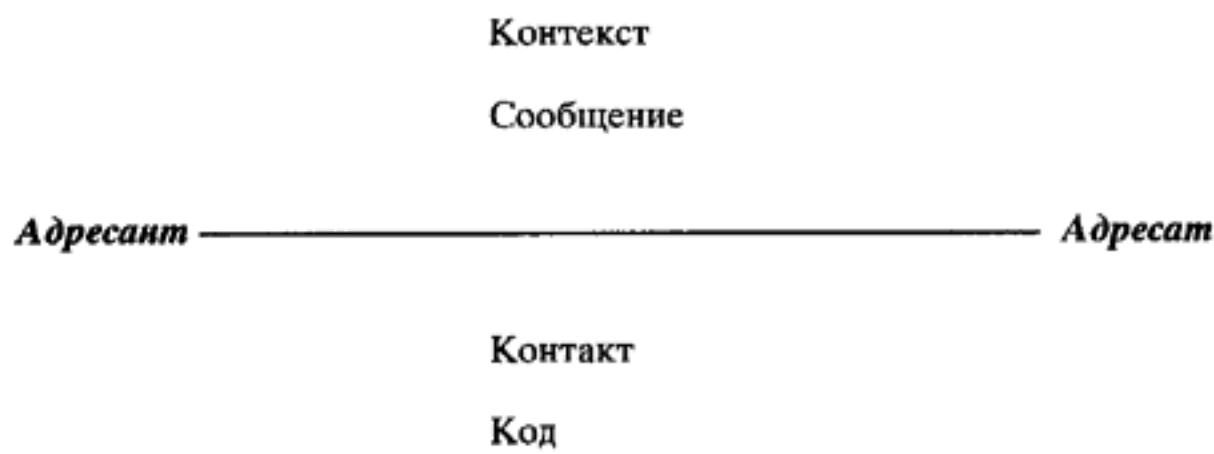
Подобный выбор объекта исследования неслучаен. Он объясняется некой «краевой» спецификой оценочных суждений. С одной стороны, в оценочных суждениях используется все то, что приобретено на первичных этапах обработки информации: сенсорном и перцептивном; с другой стороны, именно оценочными суждениями завершается процесс информационной подготовки действия, и именно на их основе и под их непосредственным влиянием развертываются так называемые регулятивные процессы: принимаются решения, осуществляется целеполагание и планируется поведение. Вместе с тем функциональный аспект высказывания получает свою актуализацию лишь в ситуации реальной коммуникации, а моделирование общения посредством когнитивно-семиотического метода расширяет границы нашего мира, поскольку «язык не только в известном смысле отражает действительность или же воздействует на это отражение, – он является “окном” в сознание человека» [Кубрякова 2004: 12]. К тому же, по прозорливому замечанию Г.Г. Шпета, «язык посредствует не только между человеком и мыслимою им действительностью, но также между человеком и человеком, передавая мыслимое от одного к другому в виде и в формах общественной речи» [Шпет 2003: 41]. Отметим также, что в лингвистике уже предпринимались попытки соположения двух базовых сущностей семиотики и когнитивной лингвистики, а именно знака и концепта (в отличие от высказываний с прямым и косвенным оценочным наполнением). Так, Ю.С. Степанов совершенно справедливо замечает, что «семантический треугольник» и есть тот структурный конструкт, который лежит в основе любого концепта. «“Семантический треугольник” с его тремя вершинами (1–2–3) здесь тот же, что и в основе слова: (1) слово связано с (2) предметом обозначения, что и составляет его “значение”, и со (3) “смыслом”, который и составляет “концепт”» (цит. по [Арутюнова, Кубрякова 2001: 27]). «Семантический треугольник» является собой наилучшую схему, которую, тем не менее, неоднократно упрекали в неполноте, а потому предлагали дополнить ее до «квадрата», «трапеции», «многогранника» и т.д. [Степанов 1985: 15]. «Во всех этих предложениях сквозит непонимание того, что необходима и достаточна именно минимальная схема, тогда как максимальным – нет числа» [Там же: 15]. Тем не менее, формирование концепта – это тот же «процесс редукций результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с ранее усвоенными культурно-ценостными доминантами, выраженными в религии, идеологии, искусстве и т.д.» [Слыскин 2000: 10]. В.И. Карасик также отмечает, что концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание [Карасик 2004: 109].

Обозначение – это выделение того, что актуально для данной лингвокультуры, присвоение этому фрагменту осмысливаемой действительности специального знака – ведь то, что «“схватлено знаком” и получило свое название, свое имя в языке, обладает для человека исключительной значимостью, а потому играет в осуществлении мыслительных процессов едва ли не основополагающую роль» [Кубрякова 2004: 305]. Под выражением концепта понимается вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание. Описание концепта представляет собой специальные исследовательские процедуры толкования значения [Карасик 2004: 109–110]. В концепции В.И. Карасика обозначение соотносится с ценностной составляющей концепта, выражение – с образной, описание актуализирует понятийную характеристику концепта. Жизнь знака в семиотической системе также определяется тремя его «измерениями»: тем, как строится его «тело» и какой субстанцией оно представлено; тем, что оно значит или обозначает (на что указывает), и, наконец, тем, какое воздействие производит (какой эффект вызывает).

ет его употребление). Следовательно, структурная организация концепта – это своего рода микрокоммуникация, некий интертекст, в котором постоянно присутствует элемент игры, игры ценностного, понятийного и образного компонентов, а значит в самом общем смысле – субъективного и объективного.

В процессе реальной коммуникации говорящий оперирует знаками, которые посылают сигналы трех типов: собственное указание на предмет, явление или ситуацию (объективный момент); воздействие на психику адресата (субъективный момент) и апеллирование к его «рацио» с целью «подключения» оценочных механизмов сознания, отвечающих за интерпретативную деятельность (субъективный или объективный момент). В случае равномерного распределения объективного и субъективного «зарядов» в образовавшемся «силовом поле» [которое, по мнению И.Э. Клюканова, является результатом семиозиса, создающего разнонаправленный и многомерный коммуникативный универсум (см. в [Залевская 2000: 44])] наступает состояние равновесия, поскольку разница потенциалов между взаимодействующими субъектами незначительна, а коммуникативная дистрибуция задействованных знаков приблизительно равна. Крайняя разбалансированность силового поля вызывается критической разницей потенциалов между участниками коммуникации. В случае номинаций с прямой оценочной семантикой (то есть, когда интенции говорящего не вуалируются, а открыто выражаются) вероятность гармонии внутри этого силового поля намного больше, так как адресату не приходится прибегать к механизмам интерпретации в полном объеме, он лишь опирается на свою языковую компетенцию и без труда улавливает основное содержание сообщения. В этот самый момент субъективное 1 (то есть восприятие ситуации говорящим) и субъективное 2 (восприятие ситуации слушающим) преобразуются в объективное (мнения партнеров по коммуникации могут и не совпадать, т. к. «границы языка, который субъект понимает, есть границы его мира» [Ильин 2001: 271]). Так, ‘прототипическую модель прямой оценки’ в контексте интеракции можно соотнести с семиотической моделью коммуникации, предложенной Р. Якобсоном [Якобсон 1975] (см. схему № 1).

Схема № 1

Как и в любом акте верbalной коммуникации при концептуальном «развертывании» ‘прототипической модели прямой оценки’ можно выделить шесть конститутивных факторов (оперируя терминологией Р. Якобсона): (1) адресант посылает (2) сообщение с прямой оценочной семантикой (3) адресату; прямая оценочная десигнация нуждается в соответствующем (4) контексте, то есть в «привязке» к конкретной ситуации, иными словами, – в референции: «языковые знаки имеют разную степень семиотической глубины в процессе общения: от минимального «ближайшего значения» (по А.А. Потебне) до широкого культурно-исторического фона» [Карасик 2004: 89–90]; функция (5) кода – осуществление трансляции оценочных смыслов унифицированными средствами с тем, чтобы передаваемое сообщение было правильно декодировано адресатом; наличие (6) контакта, то есть фактического канала связи, обеспечивает сам процесс коммуникации. Соответственно, каждый из указанных факторов обслуживает основные функции языка: референтивную (денотативную), ориентирован-

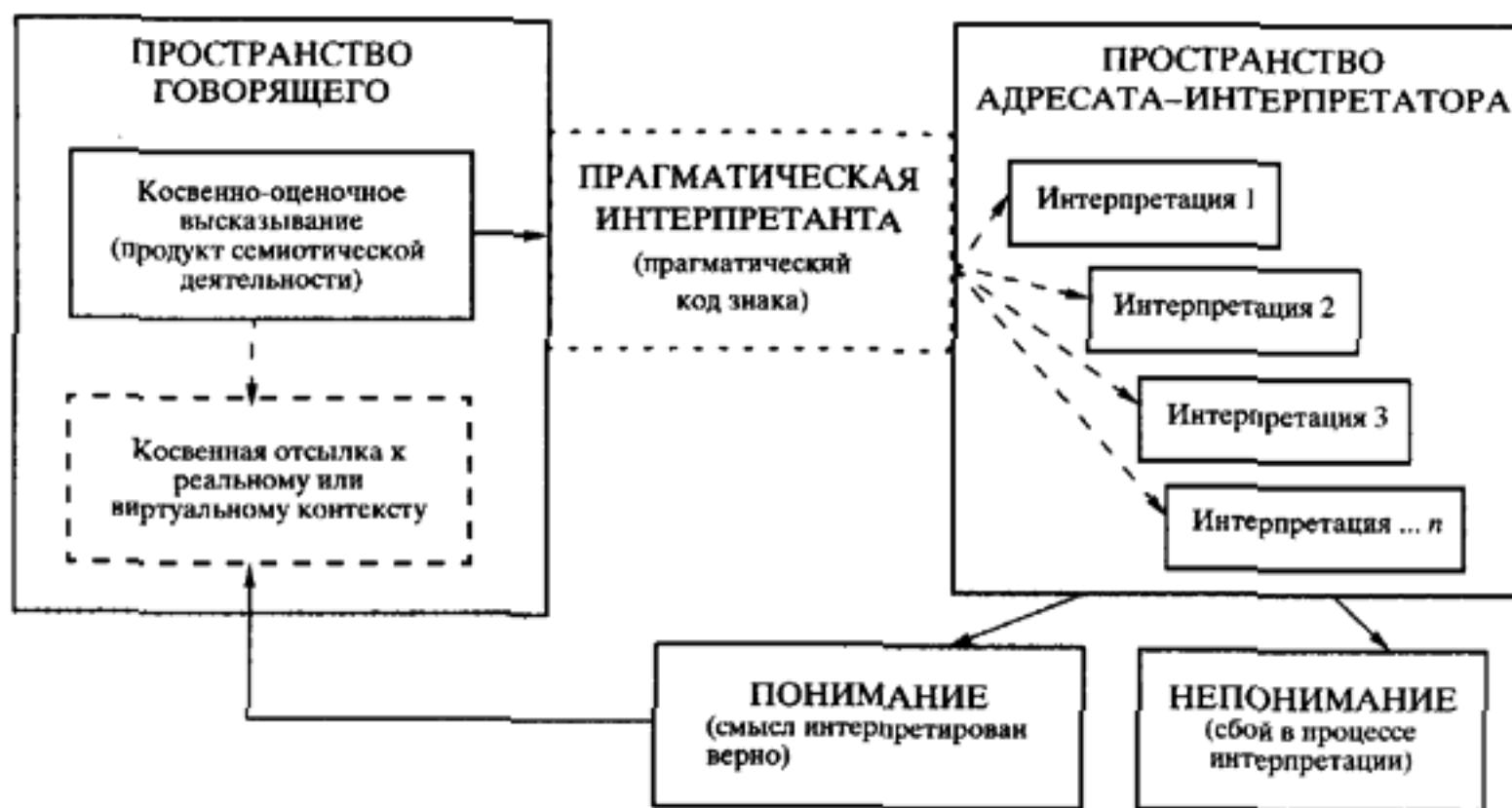
ную на контекст; эмотивную, нацеленную на адресата; контактную, оказывающую соответствующее воздействие на адресата; фатическую, целью которой является установление контакта между коммуникантами; метазыковую, связанную с кодированием сообщения; поэтическую, направленную непосредственно на сообщение.

Однако существенная разница потенциалов внутри создавшегося «силового поля», ведущая к дисбалансу его конститутивных фрагментов, по большей части возникает в контексте косвенно-оценочного осмысления бытия. В данном случае следует уточнить, что речь, в основном, идет не о клишированных конструкциях типа англ. *Could you open the window?* (хотя и здесь вступают в действие те же законы интерпретации), которые без труда соотносятся в сознании адресата с реальной интенциональной компонентой и, соответственно, воспринимаются как готовые знаки косвенности, а о своего рода окказиональных ее проявлениях, лишенных фиксированной формы выражения. Косвенность в данном освещении предполагает активную роль продуцента речи, субъекта, который настраивает коммуникацию на свою «прагматическую волну». В наиболее «скрытом» виде – косвенно и неявно – субъект, по мнению Н.К. Рябцевой, присутствует в пресуппозициях, коннотациях и импликациях со своей «философией “Я”» [Степанов 1985], причем наиболее насыщенными подобным «субъектным» смыслом оказываются самые «малые» и предельно грамматикализованные единицы языка – частицы, союзы и другие «дискурсивные слова». Именно поэтому толкование и интерпретация их речевого поведения является, как известно, одной из самых сложных задач современной семантики [Рябцева 2004: 452].

Реализуя свои так называемые ‘семантические кварки’ (термин Ю.Д. Апресяна), то есть мельчайшие смыслы, находящиеся в прагматическом измерении языка [Апресян 2004: 29], ‘прототипическая модель косвенной оценки’ [Самигуллина, Федорова 2004] в действии или в функциональном аспекте намного сложнее и «неуловимее» предыдущей. К тому же, как справедливо отмечает Вас.Ю. Кузнецов, «восприятие и понимание языка оказывается сконцентрированным вокруг прямореференциальных его возможностей, при том, что практически все косвенные и неявные остаются в тени» [Кузнецов 2001: 218]. Непрямой референции повезло даже меньше, чем молчанию, поскольку непрямая референция не просто «кивает» в сторону чего-то иного, что можно выразить и прямо, она остается единственной возможностью намекнуть на то, что недоступно схватыванию, что постоянно ускользает. Расшифровка косвенных оценочных смыслов подчас зависит от наблюдаемости адресата, его личной сферы (в терминологии Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995: 629–650]), которую образуют «сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально..., все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян 1986: 28], а также от наблюдателя-интерпретатора, который пытается предложить максимально объективный взгляд на вещи и услышать «голоса» взаимодействующих сознаний (подробнее об этом см. в [Мурасов и др. 2004]). Следовательно, ‘прототипическая модель косвенной оценки’ в ситуации коммуникативного взаимодействия обязательно должна включать такие ключевые понятия, как ‘интерпретанта’, ‘интерпретатор’ и ‘интерпретация’ (см. схему № 2), поскольку внутри нее идет постоянная работа с ‘сокровенными смыслами’, которые и затрудняют изучение феномена косвенной референции. При этом говорящий продуцирует косвенно-оценочное высказывание, а задачей адресата-интерпретатора является ментальная реконструкция процесса семиозиса с последующим анализом смысловых потенций сообщения и выбором той или иной интерпретации (1, 2, 3... n), которая в итоге приведет его либо к пониманию, либо к непониманию интенции говорящего. Нам представляется возможным также ввести понятие прагматической интерпретанты с тем, чтобы избежать двусмысленности в определении данной сущности (см., например, работы Ч. Пирса). Прагматическая интерпретанта несет информацию об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров широкого прагматического контекста, к которым относятся статусные характеристики участников коммуникации, возраст, этническая принадлежность, гендер и

т.д. Иными словами, прагматическая интерпретанта является собой определенный прагматический код знака.

Схема № 2

Данная схема относительно условна, но достоинством ее является «расчлененное» представление процесса коммуникации, в котором «присутствует не только отражение объективного мира, мира “как он есть”, но и чисто человеческое отношение к миру со всей субъективностью его взглядов и оценок и – в то же самое время – свободой выбора *собственной позиции*».

Таким образом, мы убеждаемся в том, что так называемая объективная действительность не дана нам в непосредственном наблюдении, в непосредственной эмпирии, поскольку мы постоянно созидаем ее с помощью нашей психики, творя новую реальность языком. Поэтому-то «духовная феноменология» оказывается неустранимой, пока мы находимся в сфере letters [Фрумкина 1999]. Поэтому-то иногда стоит остаться структуралистом-когнитологом и, с одной стороны, попытаться «обуздить» континuum неявных смыслов посредством максимально возможной редукции, а, с другой стороны, не «вынести за скобки» богатейший ассоциативный потенциал «обязательной грамматики мысли» [Рябцева 2004], сохраняя тем самым неразрывную связь языка с духовным миром человека.

4. SMS-КУЛЬТУРА ИЛИ 4-Е ИЗМЕРЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ

В ситуации реального общения нам свойственно достаточно часто прибегать к высказываниям, содержащим косвенно-оценочный компонент, и очевидно, что подобная тенденция связывается не только с нормой говорящего, которая задает соответствующие параметры коммуникации, включая туда «философию “Я”» продуцента сообщения; но и с нормой адресата, которая, по мнению М.А. Кронгауза, «опирается на прагматический постулат вежливости» [Кронгауз 2004: 140]. При общении «глаза – в – глаза» мы находимся во власти фиксированных этикетных установок и конвенций речевого поведения, потому и отдаляем предпочтение разного рода недомолвкам и недосказанностям, создавая вокруг сообщения «ауру неоднозначности», что, по мнению Т.М. Николаевой, часто достигается средствами суперсегментного языкового слоя, в пространстве которого идет постоянное формирование дополнительных смыслов [Николаева 1999: 259].

Однако в настоящий момент существует еще одна модель коммуникации, задающая свои правила ведения диалога, поскольку общение «нового времени» осуществляется по

законам кибер-реальности. Речь идет о SMS (Short Message Service) общении, которое отражает одну из характерных особенностей современного общества, называемую Т.М. Николаевой «неизбежным психологическим одиночеством людей "рыночной экономики"» [Николаева 2001: 234]. SMS-коммуникация – это своеобразное бегство от реальности, форма общения, где теоретически нет места косвенной референции, где в полной мере задействована модель коммуникации Р. Якобсона (см. схему № 1) и отдаётся предпочтение сообщениям прямореференциального толка. Возможно, что появление этого альтернативного вида коммуникативного взаимодействия продиктовано особой реакцией представителей англоязычной культуры на множество условностей, предусматривающихся правилами ведения реальной коммуникации в англоязычной среде.

В настоящий момент SMS – это уже культурное явление, со своей «концепцией» ведения диалога, или точнее псеводиалога, с собственным SMS-фольклором (шутками), SMS-новостями (метеосводками, курсами валют, гороскопами и т.п.).

Основные принципы SMS-коммуникации можно сформулировать следующим образом:

1. SMS-общение изначально нацелено на речевое взаимодействие в пространстве 'СВОЙ – СВОЙ' (реже 'СВОЙ – ЧУЖОЙ'), где можно себе позволить практически все, где ничего не навязывается нормами речевого поведения, где поощряется лаконичность и прямота в актуализации своих интенций.

2. В содержательном аспекте косвенность минимизируется до прямореференциального смысла или же проявляет себя исключительно в виде речевых клише просьбы, извинения и т.п.; эмоциональная составляющая отделяется от rationalной (эмоции кодируются специальными знаками: ☺ :) – эмоция счастья, ☹ :(– эмоция грусти и т.д.), что уподобляет SMS-коммуникацию упрощенному общению при помощи простых сигналов и элементарных знаков. Существенные изменения затрагивают и формальный аспект сообщения. Так, редукции подвергается не только содержательная сторона высказывания, но и сам способ выражения, так как цель такой коммуникации – максимум информации при минимальном нажатии на кнопки телефона. Возникает SMS-код, где не существует понятия правописания, а предпочтение отдается фонетической орфографии (например, *Сонце* вместо *солнце*, -ца вместо -ться: *мыца*, *сушица* и т.д.). Главенствующую роль в SMS-коммуникации играют аббревиатуры и так называемые «мелкие» слова. Приведем в качестве примера несколько SMS сообщений и SMS-клише, характерных для интеракции в англоязычном этносоциуме:

- RU OK? – *Are you OK?*
- Y NY? ~ *Yes and you?*
- OK CU2DAY? – *OK. See you today?*
- NO 2MORO WER? – *No. Tomorrow. Where?*
- @J'S. CUL8TR – *At John's. See you later.*
- LUV B – *Love Bob.*
- F2T? – *Free to talk?*
- N. WER RU? – *No. Where are you?*
- @ WK. NU? – *At work. And you?*
- @ HM. CU L8TR? – *At home. See you later?*
- Y. WEN? – *Yes. When?*
- @7. TA4N. CU – *At 7 o'clock. That's all for now. See you.*
- OK. B4N. – *OK. Bye for now.*
- LOL – *laughed out loud*
- BTW – *by the way*
- IMO – *in my opinion*
- IMHO – *in my humble opinion*
- TTFN – *ta ta for now [bye for now]*

Несмотря на то, что SMS-коммуникация стремится к максимальной объективности, ‘субъективный’ момент все же присутствует, иначе общение будет осуществляться не по линии ‘человек – человек’, а в направлении ‘человек – телефон’. Следовательно, наибольшую «субъективную» нагрузку несут самые «малые» элементы языка – разного рода частицы, междометия и прочие «дискурсивные слова», а также знаки препинания. По словам Н.К. Рябцевой, это «предельно свернутые грамматические выразители присутствия субъекта, его текущих ментальных/внутренних состояний и его отношения к предмету речи, ее адресату, ситуации и пр.» [Рябцева 2004: 455]. Все это как бы и «авторская интонация на дисплее телефона», и выделение, указание, «дейксис», и связывание мыслей в единое целое и т.п. И что самое главное – взаимодействие с адресатом, диалог с ним, проникновение диалогической речи в монологическую, актуализация изложения и одновременно проявление авторского стиля [Там же: 456].

3. Как и любое общение, SMS-коммуникация имеет свои этикетные правила и нормы, хотя они менее регламентированы. К примеру, совершенно приемлемым считается «растягивание» диалога во времени в ситуации «фазовой асимметрии» (термин в [Гак 2004]), когда наступает либо красноречивое молчание (как средство экстериоризации переживаний субъекта), либо молчание, вызванное крайней занятостью адресата сообщения, что в SMS-коммуникации является более вероятным. К тому же, в общении посредством SMS вопросы «из вежливости» не задают, ведь слишком много усилий и времени затрачивается на составление одного такого витиеватого сообщения.

Возвращаясь к проблеме прямых и косвенных референциальных смыслов, следует отметить, что, несмотря на «объективную основу» SMS-коммуникации, декодирование высказываний с прямой оценочной семантикой также затруднено из-за чрезмерной краткости сообщения. Таким образом, SMS-общение – это «общение наоборот», где человек еще не может отключиться от избыточной косвенности привычного ему коммуникативного взаимодействия и продолжает искать скрытое смысловое содержание даже в высказываниях с прямой оценочной семантикой, а значит, продолжает неосознанно трактовать, толковать и интерпретировать, возвращаясь к «прототипической модели косвенной оценки» (см. схему № 2), превращая ОБЪЕКТИВНОЕ в СУБЪЕКТИВНОЕ. И этот процесс бесконечен...

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лингвистика, находясь в поиске «идеального проекта», на протяжении всей своей истории развития «бросается в крайности» то собственно объективистских (семиотических) концепций, то преимущественно субъективистских (например, когнитивных) описаний в процессе работы с языковыми данными.

В настоящий момент философы и культурологи по большей части говорят о живо-творной роли хаоса. Соответственно и в современной лингвистике рационализм в его структуральном варианте признается упрощенной моделью действительности. В.И. Карасик полагает, что подобный антирационализм в науке является реакцией на предшествующий этап сверхрационализма, а также объясняется кризисом науки и общественного развития в целом. Научное видение мира, построение моделей и теорий – это продолжение и углубление наблюдений и переживаний человека, осваивающего и осознающего мир и себя в мире [Карасик 2004: 89]. Следовательно, истину необходимо искать где-то посередине, в построении такой теории, где гибкость и строгость будут находиться в непротиворечивом взаимодействии, будут «существовать», расширяя наше знание о пространстве языкового функционирования. Это будущее лингвистики мы видим в совмещении методик и практик когнитивного и семиотического моделирования, а также в нахождении особой объективно-субъективной позиции исследовательской мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1986 – Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Арутюнова 1997 – Н.Д. Арутюнова. Язык // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
- Арутюнова 1999 – Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999.
- Арутюнова, Кубрякова 2001 – Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Вежбицкая 1999 – А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева / Под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999.
- Воркачев 2003 – С.Г. Воркачев. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003.
- Гак 2004 – В.Г. Гак. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Гаспаров 1996 – Б.М. Гаспаров. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования // Новое литературное обозрение. Вып. IX. 1996.
- Горный 1996 – Е. Горный. Что такое семиотика? // www.kinosemiotika.narod.ru / EGorniy.htm
- Гурицкий 2002 – А.А. Гурицкий. О ведущих тенденциях в языкоznании XXI века // Языкоzнание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Демьянков 1994 – В.З. Демьянков. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. 1994. № 4.
- Заботкина 2002 – В.И. Заботкина. О соотношении когнитивных и семиотических аспектов лингвистических исследований // Языкоzнание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Залевская 2000 – А.А. Залевская. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языкоzнание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.
- Иванов 2002 – Вяч.Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему // Языкоzнание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Ильин 2002 – В.В. Ильин. Язык – Понимание – Культура // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Карасик 2004 – В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Красных 2001 – В.В. Красных. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001.
- Кронгауз 2004 – М.А. Кронгауз. Норма: Семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Кубрякова 2000 – Е.С. Кубрякова. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000.
- Кубрякова 2001 – Е.С. Кубрякова. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Кубрякова 2004 – Е.С. Кубрякова. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Кузнецов 2001 – Вас.Ю. Кузнецов. Философия языка и непрямая референция // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Мечковская 2004 – Н.Б. Мечковская. Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символики креста и мотивированных им знаков) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.

- Моррис 2001 – Ч. Моррис. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.; Екатеринбург, 2001.
- Мурясов и др. 2004 – Р.З. Мурясов, А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова. Опыт анализа оценочного высказывания // ВЯ. 2004. № 5.
- Николаева 1999 – Т.М. Николаева. О параллелизме в функционировании речевых клише и некоторых суперсегментных просодических моделей // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1999.
- Николаева 2001 – Т.М. Николаева. Металингвистический иконизм и социолингвистическая дистрибуция этикетных речевых стереотипов // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пирс 2000 – Ч.С. Пирс. Избранные философские произведения. М., 2000.
- Постовалова 2004 – В.И. Постовалова. Сокровенные смыслы в православной духовной традиции: мистический и символический мир Дионисия Ареопагита // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Рахилина 2002 – Е.В. Рахилина. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Рябцева 2004 – Н.К. Рябцева. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Самигуллина, Федорова 2004 – А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова. Прямая и косвенная оценка; все дело в эмоциональности // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 6.
- Селиверстова 2001 – О.Н. Селиверстова. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Слыщкин 2000 – Г.Г. Слыщкин. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
- Степанов 1985 – Ю.С. Степанов. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В.П. Нерознак. М., 1985.
- Степанов 2002 – Ю.С. Степанов. Интертекст и некоторые современные расширения лингвистики // Языкоzнание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Фрумкина 1999 – Р.М. Фрумкина. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // ИАН СЛЯ. 1999. № 4. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM>
- Фрумкина 2001 – Р.М. Фрумкина. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Чудинов 2001 – А.П. Чудинов. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Шпет 2003 – Г.Г. Шпет. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). 2-е изд. М., 2003.
- Эко 1998 – У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
- Якобсон 1975 – Р. Якобсон. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Shore 1991 – B. Shore. Twice-born, once conceived: meaning construction and cultural cognition // American anthropologist. 1991.

© 2007 г. П. В. ГРАЩЕНКОВ

ТИПОЛОГИЯ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ*

В работе исследуется типология именной посессивности в языках мира. Рассматривается аналитическое, зависимостное, вершинное и вершинно-зависимостное маркирование, случаи согласования посессора с обладаемым. Выделяется особый тип посессивной зависимости, «слабый генитив». Не претендую на полноту выборки, мы, однако, формулируем некоторые наблюдения над внутренним морфосинтаксисом посессивных именных словосочетаний, сделанные на основании рассмотренного нами материала.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема посессивности неоднократно освещалась в работах отечественных ученых, причем в фокусе внимания исследователей была, как правило, семантика посессивности. Так, в [Селиверстова 2004] отмечено, что существует два понимания термина «посессивность» – «широкое» и «узкое». В соответствии с первым, посессивность подразумевает собственно принадлежность, в соответствии со вторым – более широкий спектр отношений между объектами, в частности – отношения между предметом и характеризующим его признаком, ср., например, английское *man of power*, фр. *diable d'enfant* (примеры мои. – Г.П.).

О.Н. Селиверстова, как и Е.М. Вольф в [Вольф 1974; 1987], склоняется к широкому пониманию посессивности, в пользу которого приводят следующие аргументы: многие языки используют одни и те же формальные средства для выражения всего спектра отношений, стоящих за посессивностью; все эти отношения не выводятся одно из другого, но в то же время, как полагает Селиверстова, могут быть сведены к некоторому общему «семантическому примитиву».

Широкой трактовки посессивности придерживается и А.В. Бондарко: «Посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого» [Бондарко 1996: 99]. Похожий подход развит и при анализе семантической типологии посессивности в [Чинчлей 1990].

Основной темой приведенных выше исследований являлась семантика предикативной посессивности, которая в русском языке наиболее часто кодируется предлогом *у* (*У Пети новая машина*). Конструкции с данным предлогом получили широкое освещение. Так, согласно [Jordanskaja, Mel'čuk 1995], предложная конструкция с *у* представляет собой фокусную структуру, выражающую посессивные отношения, в той или иной степени связанные с аргументной структурой главной предикации. Утверждается, что *у + ИГ* кодирует не просто посессивность, а неотчуждаемую принадлежность (относительно неотчуждаемой принадлежности см. также [Журинская 1977; Fox 1981; Dahl,

* Я хотел бы поблагодарить Александра Евгеньевича Кибрика, под чьим руководством я написал свою первую работу про генитив; Марию Копчевскую-Тамм, которая любезно представила мне большое количество своих работ по типологии посессивных конструкций; а также Якова Георгиевича Тестельца, Юрия Ландера и Мишу Даниэля за многочисленные ценные замечания и наблюдения.

Кортевская-Тамм 1998; Кортевская-Тамм 2003а]). Как нам кажется, однако, данная конструкция не ограничена неотчуждаемой принадлежностью, например, в предложении *Зимой у нас (на улице) страшная грязь* данная конструкция задает не посессор, а, скорее, – локализацию.

В [Paducheva 2004] конструкции с посессивным у рассматриваются как один из случаев диатезного преобразования, например: *Сын Маши Смит пошел в школу / У Маши Смит сын пошел в школу*. Е.В. Падучева при этом считает, что за употреблением генитива / у-конструкции стоит выражение автономной vs. зависимой референции обладаемого (соответственно). Подобные расщепленные конструкции обсуждаются и в других работах ведущих отечественных исследователей, см., например [Апресян 1974; Кибрик 2000].

Как можно видеть, круг проблем, обсуждаемых в связи с посессивностью, чрезвычайно велик. Он включает в себя исследование семантики посессивных отношений, проблемы отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, связи посессивности и определенности, проблемы структуры посессивных предикаций, сходства кодирования посессора и главных участников предикации (в частности, падежный синкетизм)¹, подъема посессора, типологии адъективного vs. определительного генитива² и т. д.

В данной работе мы сосредоточимся лишь на одном из аспектов посессивности, а именно, – на формальных средствах кодирования примененной принадлежности в языках мира. Такое сужение темы предпринято лишь с одной целью – сделать цели исследования реалистичными, так как без подобного рода ограничений на описание связанных с посессивностью языковых явлений ушел бы не один год.

Средства, которые выбирает язык для кодирования отношений принадлежности в именной группе, мы будем называть Маркером Посессивности (МП), который понимается нами как наиболее стандартный способ выражения ядерного значения посессивности – неотчуждаемой принадлежности (отношения: часть-целое, термины родства) и обладания³ *Петина рука, сестра друга, дом отца*. Периферийные посессивные значения (например, *портрет поэта, стакан воды, падение Рима, ...*), равно как и альтернативные способы кодирования принадлежности (например, ablativное, dative и другие типы маркирования, основной функцией которых не является выражение принадлежности) нами рассматриваться не будут.

Основная задача данной работы состоит в исчислении морфосинтаксических способов кодирования посессивных отношений в именной группе (далее – ИГ) и иллюстрации каждого способа примерами из естественного языка (рассматриваются примеры 70 языков). Таким образом, нами будут рассмотрены следующие типы кодирования посессивных отношений: аналитическое, зависимостное, вершинное и вершинно-зависимостное маркирование. Все маркеры посессивности будут ниже обозначены как МП.

Кроме того, будут описаны некоторые более «экзотические» случаи кодирования принадлежности в ИГ: примеры согласуемого посессора, а также особо выделяемый нами тип «слабого генитива». Мы также постараемся сформулировать некоторые наблю-

¹ Данная проблема, которая сама по себе достойна стать темой диссертации, почему-то пока не привлекла должного внимания типологов (см., прежде всего [Seiler 1983; Heine 1997]). Однако даже без особого углубления в проблематику можно отметить следующие интересные вопросы: почему в случае совпадения кодирования посессора и главного актанта предикации в языках эргативного строя посессор всегда совпадает с эргативом (и никогда с абсолютивом), а в аккузативных языках – с аккузативом (но не с номинативом, единственное исключение – венгерский)? И более широко: почему в эргативных языках имеет место параллелизм посессора и эргатива (например, общая парадигма лично-числового согласования в абхазо-адыгских, лакском языках, а также языках майя и т.п.), а в аккузативных – посессора и аккузатива (одушевленный генитив в славянских и осетинском, совпадение падежей в эстонском, ...)?

² См. по этому вопросу [Lyons 1986; Plank 1992; Кортевская-Тамм 2003б].

³ Английский термин – «legal ownership».

дения над внутренними свойствами посессивных ИГ в связи с порядком слов в них и их лексическим составом.

Необходимость подобного рода исследования продиктована следующими причинами. Во-первых, сколь это ни парадоксально, но «обзорных» типологических работ по посессивности, т.е. работ, посвященных морфосинтаксической типологии посессивности в языках мира (а не в нескольких генетически/ареально связанных языках), в действительности не так много. Из основных здесь можно перечислить [Ultan 1978; Fox 1981; Seiler 1983; Plank 1992; 1995; Kortjevskaia-Tamm 2001; 2003b]. В то же время, очертить типологическое пространство возможностей, используемое естественным языком при кодировании посессивных отношений, нам представляется задачей достаточно важной.

Кроме того, как нам кажется, полезно рассмотреть и сравнить накопившийся у типологов материал без использования таких ярлыков как «изафетная конструкция», «категория состояния» и т.п. Действительно, часто подобные наименования порождают путаницу, так как одни и те же явления в разных языках получают различные ярлыки. Никто почему-то не говорит, допустим, про финский изафет, но говорят про изафет в тюркских языках, хотя и в финском, и в тюркских языках используется схожая вершинно-зависимостная стратегия кодирования посессивности. Также говорится, например, о «связанном» состоянии в иврите, но не в кабардино-черкесском, хотя свойства неоформленного посессора в этих двух языках частично совпадают⁴.

Насколько нам известно, не зарегистрировано такого языка, в котором отношения принадлежности выражались бы при помощи простой предикации и не могли бы быть выражены в именной группе. Таким образом, ИГ каждого естественного языка способна предоставить пример особого кодирования посессивности. Очевидно, что проанализировать материал нескольких тысяч языков – задача практически невыполнимая, поэтому данное исследование не претендует на полноту выборки и абсолютность устанавливаемых в нем закономерностей. Скорее, его цель – установить типологические тенденции и выявить некоторые общие закономерности, наблюдаемые при кодировании отношений принадлежности.

Далее, сделаем еще одно уточнение относительно объекта исследования. Нас будут интересовать прежде всего способы выражения посессивных отношений в таких конструкциях, где и посессор, и обладаемое выражены полными ИГ. Конструкции, в которых посессор выражен местоимениями или (только) притяжательными аффиксами, будут обсуждаться в основном в связи с кодированием посессивности полных ИГ.

Работа организована следующим образом: в первой части нами рассматривается формальный инвентарь средств кодирования посессивности, разбираются случаи зависимостного (предложно-послеложного, клитического, морфологического маркирования), вершинного и вершинно-зависимостного маркирования, случаи согласования посессора с обладаемым. Вторая часть работы посвящена наблюдениям над некоторым особым типом посессивных ИГ, имеющимся в языках мира («слабый генитив»), а также короткому исследованию связи порядка слов и внутренней структуры/семантики ИГ с посессором.

1. ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

1.1. Аналитическое кодирование посессивности

Данный тип кодирования посессивных отношений предполагает простое соположение вершины (обладаемого) и зависимого (посессора). Направление отношений посессивности определяется, таким образом, порядком слов. Аналитический способ согласно [Ultan 1978] является одним из наиболее частотных. В выборке Ультана, состоящей из 75 языков, данную стратегию (как правило, наряду с другой или другими стратегиями)

⁴ Например, между таким посессором и вершиной не может располагаться определений.

используют 22 языка. Большинство из них, однако, совмещает аналитический способ кодирования с каким-нибудь другим.

Кроме того, в данных Ультана, скорее всего, содержатся ошибки. Так, у него указано, что языками, располагающими данной стратегией оформления посессивности, являются амхарский и полинезийские. Согласно нашим данным, это неверно: амхарский язык использует префиксальные МП, а полинезийские – предлоги *o* и *a*, задающие, соответственно неотчуждаемую и отчуждаемую принадлежность (см. ниже).

К языкам, использующим исключительно аналитический способ, относится, например, йоруба:

(1) йоруба [Яковлева 1963]

a. <i>íwè</i>	<i>baba</i>
книга	отец
<i>книга отца</i>	
b. <i>iran</i>	<i>awon</i> ото <i>oduduwa</i>
потомок Pl	ребенок Одудува
<i>потомки детей Одудувы</i>	

Часто немаркированное выражение посессора развивается из маркированного, имевшего место на более ранней стадии, ср. в креольских языках⁵:

(2) креольский французский (Сент Люсья) [Heine 1997]

ó	<i>latše</i>	<i>košō</i>
Indef	свинья	хвост
	<i>хвост свиньи</i>	

Как утверждается в [Heine 1997], немаркированная конструкция часто развивается из маркированных вариантов оформления посессивной зависимости благодаря опущению (сначала факультативному, затем обязательному) формальных показателей синтаксической связи. Данный процесс чаще всего затрагивает зону неотчуждаемой посессивности, оставляя при этом для отчуждаемого посессора исходное, то есть более маркированное кодирование.

Среди языков, совмещающих аналитическое кодирование посессивности с другими способами, можно упомянуть абхазо-адыгские, тибето-бирманские, тунгусо-маньчжурские, некоторые тюркские (например, кыргызский и карачаево-балкарский), финно-угорские, семитские, западно-африканские, дравидийские, австронезийские, некоторые индейские и многие другие⁶. Приведем примеры:

(3) кабардино-черкесский

<i>аде</i>	<i>wəne</i>
отец	дом
<i>дом отца</i>	

(4) бирманский [Мазо 1978]

<i>ти³</i>	<i>ю³</i>
зонтик	ручка
<i>ручка зонтика</i>	

⁵ Ср. в связи с этим употребление немаркированных посессивных конструкций в так называемом Black American English: *tu matta house* «дом моей мамы».

⁶ По справедливому замечанию рецензента, аппозитивные конструкции маргинально представлены также и в русском, ср.: *туфли Югославия, духи Франция* (примеры анонимного рецензента статьи).

(5) маньчжурский [Аворин 2000]

tasxa	b'a
тигр	месяц
<i>месяц тигра</i>	

(6) кыргызский

adam	dene
человек	тело
<i>человеческое тело</i>	

(7) коми (А. Леонтьев, устное сообщение)

куф	kog-jas
береза	лист-Pl
<i>листья березы</i>	

(8) мальтийский [Koptjevskaja-Tamm 2001]

bin	is-sultān
сын	Def-король
<i>сын короля</i>	

(9) индонезийский [Алиева 1998]

letak	rumah
положение	дом
<i>расположение дома</i>	

(10) дау⁷ [Aikhenvald 2000]

'yām	dūm
хвост	собака
<i>хвост собаки</i>	

Часто зависимые ИГ в подобных конструкциях теряют свою референциальную самостоятельность, что выражается, в частности, в неспособности получать какое бы то ни было грамматическое маркирование или принимать любые определения, ср. примеры (11)–(12) а и б из карачаево-балкарского:

(11) карачаево-балкарский

- a. *el-le škol
село-Pl школа
- b. el-le škol-u
село-Pl школа-3
сельская школа (= школа/школы нескольких сел)

(12) карачаево-балкарский

- a. *ullu el škol
большой село школа
- b. ullu el-ni škol-u
большой село-Poss школа-3
школа большого села

⁷ Язык дау семьи маку «Daw, Macu family», см. [Aikhenvald 2000]. Маку – одна из малых семей языков индейцев Южной Америки, распространена на побережье Бразилии и Колумбии. Для обозначения отчуждаемой принадлежности используются посессивные классификаторы, см. ниже.

В таких конструкциях посессор не исполняет своих функций референциального «якоря»⁸, более того, он может вовсе не иметь конкретного референта, а скорее апеллировать к некоторым свойствам «обладаемого» (ср. оппозиции генитив vs. прилагательное в русском, *песня матери vs. материальная песня*).

Подобное снижение референциального (либо дискурсивного) статуса зависимых имен может и не наблюдаться, ср. примеры из старофранцузского, в которых аппозитивный посессор может быть употреблен вместе с притяжательным местоимением:

- (13) старофранцузский [Кортевская-Тамм 2001]

la	bouche	sa	mere
Def:Fem.Sg	рот.Fem	он:Fem.Sg	мать.Fem
<i>рот его матери</i>			

Типологически аппозитивные конструкции характерны прежде всего для зависимых со значением материала (ср. с примерами выше):

- (14) английский

stone	wall
<i>каменная стена</i>	

- (15) кабардино-черкесский

рже	?ene
дерево	стол
<i>деревянный стол</i>	

- (16) бирманский [Мазо 1978]

швеј ²	ти ³
золото	зонтик
<i>золотой зонтик</i>	

- (17) маньчжурский [Аворин 2000]

селе	чо
железо	лопата
<i>железная лопата</i>	

- (18) коми (А. Леонтьев, устное сообщение)

бумага	коробка-3Sg
бумага	коробка-3Sg
<i>бумажная коробка</i>	

Можно сформулировать следующую универсалию: если посессивные отношения в некотором языке могут кодироваться аналитически, значит и отношения материала (скорее всего) тоже будут выражаться в данном языке при помощи аппозитивной конструкции.

Единственное известное нам исключение – мальтийский, в нем отношение ‘материал’ выражается предлогом (см. ниже), в то время, как отношение неотчуждаемой принадлежности – немаркированной конструкцией:

- (19) мальтийский [Кортевская-Тамм 2005]

(ic-)curkett	ta-d-deheb
(Def-)кольцо	из-Def-золото
<i>золотое кольцо</i>	

⁸ «Anchoring relations» или «reference point», см. [Кортевская-Тамм 2001; 2005] и ссылки в них.

1.2. Зависимостное маркирование: предлоги, послелоги, клитики

В работе Ультана зависимостное маркирование, которое не дифференцируется как предложное/послеложное/клитическое/аффиксальное, названо наиболее распространенным типологическим средством кодирования посессивности. Обсуждая способы морфологического кодирования синтаксических и семантических отношений, невозможно обойти одну из ключевых проблем морфологии – проблему отличия предлогов и послелогов от клитик, а последних – от аффиксов.

Традиционно принято считать, что пред(после)лог имеет жесткую позицию до (в конце) именной группы, в то время как клитика может «дрейфовать» по той составляющей, которую (или элемент которой) она оформляет. У клитик обычно более широкая дистрибуция, они могут повторяться в составе одной и той же ИГ, не принимают ударения.

Очевидно, что провести четкую границу между пред(после)логами и клитиками в типологических исследованиях так же невозможно, как и границу между клитиками и аффиксами. Ниже мы будем полагаться в основном на терминологию, избранную самими авторами цитируемых грамматик.

Кодирование посессивных отношений предлогами распространено в романских и германских языках:

(20) испанский

el	estómago	de	los	niños
Def	желудок	Poss	Def.Pl	дети
желудок детей				

(21) датский

smag-en	af	mælk
вкус-Def	Poss	молоко
вкус молока		

К предложной стратегии (от праславянской падежной) перешел болгарский язык:

(22) болгарский

- a. лъх на пролетта
дыхание Poss весна
дыхание весны [Маслов 2005: 80]
- b. вкус(-ът) на мяко
вкус(-Def) Poss молоко
вкус молока

Предлогами кодируются отношения принадлежности в одном из языков чадской группы, где:

(23) где [Malchukov 2000]

minä	nga	Musa
жена	Poss	Муса
жена Мусы		

В иврите и арабском, наряду с так называемым «status constructus» или связанным состоянием (см. (50)–(51) ниже), также имеет место предложная посессивная группа («свободное состояние»):

(24) иврит [Shlonsky 2004]

ha-dira	šel	ha-sar
Def- помещение	Poss	Def-министр
апартаменты министра		

(25) арабский [Shlonsky 2004]

d-dar	dyal	l-wazir
Def-помещение	Poss	Def-министр
апартаменты министра		

В самоанском языке (как и в других полинезийских) предлог *o* кодирует неотчуждаемую принадлежность, *a* – отчуждаемую:

(26) самоанский [Аракин 1973]

- a. le to'alua o le tuale'ale'a
Def жена Poss Def юноша
жена молодого человека
- b. le solofanua a le faia'oga
Def лошадь Poss Def учитель
лошадь учителя

Тагальский использует предлог *ni* для посессоров, выраженных личными именами, и предлог *ng* для остальных посессоров (а также для кодирования прямого объекта):

(27) тагальский [Ultan 1978]

- a. kaibigan ni arthur
друг Poss.Pers Артур
друг Артура
- b. bata ng dalaga
ребенок Poss девушка
ребенок девушки

В малайском, если верить [Ultan 1978] и указанным там источникам, предлогом кодируется неотчуждаемая принадлежность (а именно, – термины родства; отчуждаемая выражается немаркированно):

(28) малайский [Ultan 1978]

bara	oléh	regemtriap	itu
отец	Poss	женщина	эта
<i>отец этой женщины</i>			

Проблема морфологического статуса показателя посессивности особенно остро встает в случае послелогов/энклитик/падежных аффиксов. Последовательными обычно считаются показатели посессивности в японском и китайском, а также в индийских языках.

Японские падежные частицы присоединяются к крайнему левому члену ИГ, которым обычно является вершинное существительное. Посессивное *no* ведет себя так же, как и показатели других падежей (номинатива, аккузатива и датива):

(29) японский

tomodachi	по	tegami
друг	Poss	письмо
<i>письмо друга</i>		

Однако показатель *no* имеет ряд «странных» для стандартного МП свойств: он может сочетаться не только с именами (или, вернее, ИГ), а и с некоторыми прилагательными и классификаторами. Более того, в случае наличия у ИГ послелога, *no* может располагаться между ним и вершиной:

(30) японский

tomodachi	kara	по	tegami
друг	от	Poss	письмо
<i>письмо от друга</i>			

Очевидно, что данный грамматический элемент трудно отнести как к послелогам, так и к аффиксам, что и повлекло за собой употребление термина «падежная частица».

Что касается китайского *de* и его вариантов, то данный показатель маркирует все типы приименной зависимости и является, таким образом, «слабым генитивом» в нашей терминологии (см. ниже):

(31) хоккиен⁹ [Кортевская-Тамм 2001]

a.	ah	beN	e	pheNko
	Ах	Бенг	Poss	яблоко
	яблоко Ax Бенга			
b.	aN		e	pheNko
	красный		Poss	яблоко
	красное яблоко			
c.	cit		e	pheNko
	это		Poss	яблоко
	это яблоко			
d.	si		e	pheNko
	четыре		Poss	яблоко
	четыре яблока			
e.	tou?	tieN	e	pheNko
	стол	верх	Poss	яблоко
	яблоко наверху стола			
f.	ah	beN bue	e	pheNko
	Ах	Бенг	купить Poss	яблоко
	яблоко, купленное Ax Бенгом			

Очевидно, что китайское *de* не является аффиксом (так как китайский язык изолирующий), но отличить пред- или послелог (в китайском представлены как те, так и другие) от клитики практически не представляется возможным.

Наиболее «чистый», по крайней мере, из всех перечисленных выше пример посессивного послелога мы находим в хинди, однако и этот язык, как и другие индийские, совмещает послеложную стратегию с согласовательной, так как посессивный послелог в хинди всегда выражает род вершины:

(32) хинди

doodh	ka	swaad
молоко	Poss.Masc	вкус.Masc
вкус молока		

Бирманский посессивный показатель *-i¹* определяется в [Мазо 1978] как послелог по следующим причинам: он, как и показатели числа (и некоторые другие грамматические показатели), присоединяется к последнему элементу группы (причем, не обязательно именной) и может располагаться как перед, так и после других служебных слов. В то же время, по мнению автора, главным словом в такой «послеложной» группе является существительное:

(33) бирманский [Мазо 1978]

thi ³ -i ¹	jou ³
зонтик-Poss	ручка
ручка зонтика	

⁹ Hokkien – один из диалектов современного китайского языка, распространен на Сингапуре.

Отметим, что близкими свойствами обладает и так называемый «саксонский генитив». Так, английское посессивное 's также является групповой флексией: оно присоединяется к ИГ справа и может маркировать сочиненные ИГ:

(34) английский

[Mary and John]'s child
ребенок Мэри и Джона

Хорошим кандидатом на выражение посессивных отношений при помощи клитик является баскский. Падежные морфемы в баскском языке, хотя их и принято считать аффиксами, больше напоминают именно клитики: они агглютинативно присоединяются к крайнему правому элементу в именной группе:

(35) баскский

neska	gazte-a-gen	edertasuna
девушка	молодая-Def-Poss	красота
красота молодой девушки		

Похожим образом обстоит дело и в одном из языков паноанской семьи, капанауа – зависимое в посессивной конструкции кодирует показатель -n, прикрепляющийся к крайне правому элементу ИГ:

(36) капанауа [Loos 1969]

- a. ?amii-p ta?ii
капибара-Poss след
след капибары
- b. ?amii hošini-p ta?ii
капибара красный-Poss след
след красной капибары

1.3. Аффиксальное маркирование зависимой ИГ

Среди посессивных конструкций данного типа типологически безусловно преобладает суффиксальное маркирование. Префиксальный МП обнаруживается, например, в малагасийском языке:

(37) малагасийский [Keenan, Ralalaoherivony 2000]

zana d-rabe
ребенок Poss-Рабе
ребенок Рабе

Амхарский язык располагает префиксальным МП с широкой синтаксической дистрибуцией: «определением с префиксом *ує-* может быть любое слово или группа слов, в том числе и предложение» [Титов 1991: 258]:

(38) амхарский [Титов 1991]

ує-ləg karot
Poss-ребенок пальто
пальто ребенка

Наряду с данной техникой используется также маркирование вершины лично-числовыми показателями принадлежности (синонимичными показателями определенности¹⁰).

¹⁰ Типологическая синонимия лично-числовых показателей и маркеров определенности достаточно распространена, ср., например, индонезийские языки.

При наличии МП, однако, префикс З л. не используется. Кроме того, амхарский посессивный префикс снимается в контексте предложной группы, оба члена посессивной конструкции остаются немаркированными (что, очевидно, вынудило Ультана говорить об аппозитивной конструкции в амхарском).

Суффиксальное кодирование – один из наиболее частых способов оформления посессивной зависимости. Оно встречается в дагестанских, славянских, балтийских, финно-угорских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, дравидийских, а также в кечуа и других индейских языках. Приведем некоторые примеры:

(39) чешский

matka	mladé	dívky
матер.Fem.Nom	молодой.Fem.Poss	девушка.Fem.Poss
<i>матер молодой девушки</i>		

(40) монгольский

suu-nij	amt
молоко-Poss	вкус
<i>вкус молока</i>	

(41) маньчжурский [Аврорин 2000]

ama-i	bō
отец-Poss	дом
<i>дом отца</i>	

(42) тамильский

оги	orang-in	allavu
один	апельсин-Poss	размер
<i>величина (одного) апельсина</i>		

(43) имбабура кечуа

José-raj	wasi
Хосе-Poss	дом
<i>дом Хосе</i>	

В финском языке лексически выраженный посессор всегда маркируется только показателем генитива, в то время, как местоименный посессор – генитивом и аффиксом принадлежности на вершине:

(44) финский [Toivonen 2000]

- a. роja-p ystävä(-*nsä)
 мальчик-Poss друг(-3Px)
 друг мальчика
- b. häne-p ystävä*(-nsä)
 он-Poss друг(-3Px)
 его/ее друг

1.4. Вершинное и вершинно-зависимое маркирование – согласование вершины с посессором

Вершинное и вершинно-зависимое маркирование посессивных ИГ также весьма широко распространено типологически. В большинстве случаев маркирование обладающего в подобных ИГ связью с наличием в языке именной категории принадлежности.

Существуют три логические возможности кодирования вершины: вершинное имя при посессоре кодируется теми же средствами, что и при других приименных зависи-

мых; вершинное имя кодируется специальными показателями, не совпадающими с личными притяжательными аффиксами; наконец, обладаемое может кодироваться лично-числовыми показателями принадлежности. Случаев второго типа нам обнаружить не удалось.

Ниже будут разобраны примеры вершинного маркирования, а затем – случаи двойного, вершинно-зависимостного маркирования.

Пример неспецифицированного вершинного маркирования посессивности представляют нам иранские языки¹¹. В них появление справа от вершины любого приименного зависимого имплицирует маркирование вершины изафетным показателем:

(45) персидский [Мельчук 1998]

- a. *tej-e* *sorx*
 вино-**Ez** красный
 красное вино
- b. *tej-e* *daneSDu*
 вино-**Ez** студент
 вино студента

Приведем примеры вершинного маркирования обладаемого. Так, в языке эве (ква, нигеро-конголезские) употребление посессора может сопровождаться появлением местоимения 3 л.:

(46) эве [Ultan 1978]

<i>lä</i>	<i>wō</i>	<i>afə</i>
зверь	его	нога
<i>лапа зверя</i>		

Ситуация в индонезийском напоминает эве с той лишь разницей, что там употребление энклитического показателя 3 л. -*nya* обязательно:

(47) индонезийский [Алиева 1998]

<i>letak-nya</i>	<i>rumah</i>
положение-3	дом
<i>расположение дома</i>	

Клитические посессивные лично-числовые показатели маркируют согласование зависимого с вершиной в языках майя. Как видно из (48), употребление полных ИГ и местоимений в функции посессора отличается – при местоимениях, которые сами по себе факультативны, вершина обязательно маркируется еще и суффиксальными лично-числовыми показателями, которые не используются при лексических зависимых:

(48) юкатекский майя

- a. *u* *k'àaba'* *le* *x-ch'up-pàal-a'*
 Poss.3 имя Def Fem-женщина-ребенок-D1
 имя этой девочки
- b. *a* *k'àaba'-e'x* *(te'x)*
 Poss.2 имя-2Pl (вы)
 ваше имя

(здесь артикль определяет посессор, D1 – дейктический показатель, обозначающий наиболее близкого к говорящему участника [Lehman 2003])

¹¹ Описанный ниже способ маркирования приименной зависимости характерен в основном для западно-иранских языков: различных вариантов персидского, курдского, таджикского и т.д.

Кроме пост- и префиксальных клитических показателей вершина может маркироваться, например, циркумфиксом, как это имеет место в языке алси:

(49) алси [Buckley 1989]

a-s	xámni	c-ħaqúsíñ-ķ
этот-Def	кит	Poss.3-коха-Poss.3
кожа этого кита		

В семитских языках вершинное имя выступает в особой «сопряженной» форме при наличии посессивного зависимого (немаркированного в иврите и генитивного в арабском). В данной форме оно не может принимать префиксального артикля (а также отличается некоторыми другими свойствами, см. (97)):

(50) иврит [Danon 1996]

beyt	ha-mora
учитель	Def-дом
дом учителя	

(51) арабский

umm-i	-l-bint-i
мать-Nom	Def-девушка-Poss
мать девушки	

Случаи двойного, вершинно-зависимостного маркирования также чрезвычайно распространены, оно встречается в абхазо-адыгских, тюркских, финно-угорских, эскимосско-алеутских языках, лезгинских языках Дагестана и многих других.

В алеутском языке имеет место «частичное» вершинно-зависимостное маркирование: в единственном числе посессор принимает окончание, кумулятивно выраждающее так называемый «относительный» падеж и единственное число, в то время как множественное число по падежу не маркировано:

(52) алеутский [Malchukov 2000]

- a. hla-**m** ukina-a
мальчик-**Rel.Sg** knife-3Sg
нож мальчика
- b. hla-**m** ukina-ngis
мальчик-**Rel.Sg** нож-3Pl
ножи мальчика
- c. hla-s ukina-a
мальчик-**Pl** нож-3Sg
нож мальчиков
- d. hla-s ukina-ngis
мальчик-**Pl** нож-3Pl
ножи мальчиков

Примечательно, что «относительный» падеж используется не только при обозначении посессивных отношений, но и для выражения других типов приименной зависимости. Так, он употребляется и в случае наличия у имени зависимых прилагательных. Однако в данном случае падежным показателем маркируется расположенная слева (как и посессор) «вершина» ИГ. Столь нестандартное кодирование синтаксической зависимости связано с частеречным статусом прилагательных, которые в данном языке почти не отличаются от имен и являются столь же полноправной вершиной именной группы, как и существительные:

(53) алеутский [Malchukov 2000]

ula-m	tagada-a
дом-Rel.Sg	новый-3Sg
новый дом	

В адыгейском языке посессор принимает тот же падеж, что и агенс переходных глаголов (то есть эргатив), а вершина посессивной конструкции маркируется показателем 3 л.:

(54) адыгейский (Ю. Ландер, устное сообщение)

č'elejevaže-m	ə-š _w əz
учитель-Erg	З-жена
жена учителя	

В одних языках, как например, в тюркских, обладаемое обязательно должно быть маркировано лично-числовым показателем при наличии зависимых, в других, например, в некоторых финно-угорских, такое маркирование факультативно:

(55) чувашский

aläk-än	xäläp*(-e)
дверь-Poss	ручка-3
ручка двери	

(56) коми (А. Леонтьев, устное сообщение)

tajon-łen	glava(-ys)
район-Poss	глава-3Sg
глава района	

Весьма сложная стратегия кодирования посессивности в языке масай. Во-первых, зависимая ИГ маркируется тем же падежом, что и прямой объект¹². Во-вторых, первая часть клитического согласовательного показателя, *l*, отражает род вершины. Наконец, вторая часть клитики, *-aa*, согласуется с посессором в лице, числе и падеже:

(57) масай [Koopman 2005]

oldià	I	-aa	(i)lay-б`k
собака	Def.Masc	Pl.Acc	мальчик-Pl.Acc
собака	мальчиков		

1.5. Согласуемый посессор

В данном пункте мы обсудим такие посессивные конструкции, в которых определенные грамматические характеристики обладаемого должны быть продублированы либо на посессоре, либо на других элементах, оформляющих синтаксическую зависимость в ИГ. Сначала будут разобраны случаи копирования посессором падежа, затем согласование в падеже, числе и роде, после чего мы обсудим случаи маркирования рода/класса обладаемого на посессивной ИГ, в частности, так называемые языки с посессивными классификаторами.

Копирование падежа вершины может быть реализовано одним из трех способов: (i) зависимая ИГ кроме маркера посессивной связи (МП) присоединяет еще один, «внешний» падежный показатель; (ii) «внешний» падеж замещает МП; (iii) посессивная

¹² В примере ниже сохранен оригинальный глоссинг автора, таким образом, Acc = Poss.

морфема имеет разные реализации в зависимости от падежа (числа, рода) вершины именной группы. Рассмотрим подробнее примеры каждой из стратегий.

Во многих австралийских языках распространено двойное падежное маркирование зависимых в ИГ: кроме оформляющего приименную зависимость МП, зависимое существительное маркируется также падежом, который получает вся ИГ в целом. В языке гумбайнгир двойное падежное маркирование наблюдается только с грамматическими падежами (однако в других австралийских языках оно распространяется и на семантические падежи):

(58) гумбайнгир [Malouf 2000]

ba:ba-gu	gunuy-gundi-yu	ju:ngu
отец-Erg	ребенок-Poss-Erg	скажет
jala:ny	jamay	barway.
язык-Abs	слишком	большой-Abs

Отец ребенка скажет: «Твой рот слишком большой».

Двойное маркирование, впрочем, не является уникальной особенностью генитивных зависимых. Кроме генитива оно распространяется и на другие приименные падежи, пропrietив (= комитатив), приватив (= каритив) и проч., а часто двойное (а иногда и тройное) маркирование получают ИГ зависимых клауз:

(59) панийима [Dench, Evans 1988]

Ngatha	pilanyjayi-nha	nyinku	mirta-yu
я.Nom	испугаться-Pst	2Sg.Acc	не-Acc
raka-tnu-ku	ngalimpa-tharntu-karta-ku		yurlu-karta-ku.

приходить-Rel-Acc 1Du-Poss-All-Acc лагерь-All-Acc
Я испугался, что ты не пришел в наш лагерь.

В древнегрузинском постпозитивный посессор кроме собственных показателей падежа и числа присоединял также падежные и числовые показатели вершины:

(60) древнегрузинский [Plank 1995]

- a. gwam-isa krist-es-isa
тело-Poss Христос-Poss-Poss
тела Христа
- b. çq'oba-sa mt'er-ta-sa
атака-Dat враг-Poss.Pl-Dat
атаке врагов
- c. çinamsrbol-n-i lašk'ar-ta-n-i
идущий.впереди-Pl-Nom армия-Poss.Pl-Pl-Nom
передовые отряды армий

В действительности, не все элементы зависимой ИГ повторяли «внешний» падеж (то есть падеж всей составляющей), а лишь последний ее член, (61a). Падежным показателем вершины (в (61b) – нарративом) оформлялись даже послелоги, вводящие приименное зависимое:

(61) древнегрузинский [Harris 2002]

- a. opl-ita p'ir-isa šen-isa-yta
пот-Instr лицо-Poss ты.Sg-Poss-Instr
потом лица твоего
- b. morg'mune-ta mat misa mimart-ta
верующий-Pl.Nar Def он.Poss в-Pl.Nar
верующие в него

В древнеармянском языке также наблюдается ассимиляция падежных окончаний вершины и посессивного зависимого. В отличие от рассмотренных выше языков, древнеармянский не допускает выражения двух падежных значений, а прибегает к другой технике – (неотчуждаемый) посессор заменяет исходный генитив падежом своей вершины:

(62) древнеармянский [Plank 1995]

i knōj-ē	t'agawor-i-n	→ i knōj-ē t'agawor-ē-n
Ртр жена-Abl	король-Poss-Def	Ртр жена-Abl король- Abl -Def
<i>женой короля</i>		

Интересен случай корейского языка. Посессор в корейском так же, как и в древнеармянском, может кодироваться не только генитивом, но и при помощи копирования падежного окончания вершины ИГ. Однако, если при копировании номинатива посессор не имеет ограничений на тип посессивных отношений, (63), то в позиции прямого объекта падеж (аккузатив) может дублироваться только при неотчуждаемой принадлежности, ср. (64):

(63) корейский¹³

a.	Swuni- uy	catongcha-ka	kocangnass-ta.
	Сууни-Poss	машина-Nom	сломанный-Decl
b.	Swuni- ka	catongcha-ka	kocangnass-ta.
	Сууни-Nom	машина-Nom	сломанный-Decl
	<i>Машина Сууни сломалась.</i>		

(64) корейский

a.	Magu-ka	john- uy	tali-lul	cha-ess-ta.
	Мэри-Nom	Джон-Poss	нога-Acc	бить-Pst-Decl
b.	Magu-ka	john-ul	tali-lul	cha-ess-ta.
	Мэри-Nom	Джон-Acc	нога-Acc	бить-Pst-Decl
	<i>Мэри ударила ногу Джона (Джона по ноге).</i>			
c.	*John-i	ku cibang-ul	sakwa-lul	cohaha-p-ta.
	Джон-Nom	этот район-Acc	яблоко-Acc	любить-Pres-Decl
	<i>Джон любит яблоки из этой местности.</i>			

Примечательно, что ИГ с негенитивным посессором могут разрываться, более того, посессор (но не обладаемое) может топикализовываться:

(65) корейский

a.	John-ul	magu-ka	tali-lul	cha-ess-ta.
	Джон-Acc	Мэри-Nom	нога-Acc	бить-Pst-Decl
	<i>Мэри ударила ногу Джона (Джона по ноге).</i>			
b.	John-un	magu-ka	tali-lul	cha-ess-ta
	Джон-Тор	Мэри-Nom	нога-Acc	бить-Pst-Decl
	<i>Что касается Джона, то Мэри ударила его ногу.</i>			
c.	*tali-pun	magu-ka	John-ul	cha-ess-ta
	нога-Тор	Мэри-Nom	Джон-Acc	бить-Pst-Decl
	<i>Что касается ноги, то Мэри ударила Джона (по ней).</i>			

Согласование посессора с обладаемым по роду, числу, падежу – достаточно известное явление, ср. русские притяжательные прилагательные *Петин, Петина, Петины, Пе-*

¹³ Все корейские примеры взяты с интернет-страницы Сунчжун Чо, www.guestbook.paver.com/guestbook/guestbook.php?uid=lama071&tid=6&page=2.

того,... В цыганском языке генитив также обязательно должен быть согласован с вершиной по трем данным категориям:

(66) цыганский [Koptjevskaia-Tamm 2001]

a.	е	тапиš-еs- qoro	kher
	Def:Masc.Sg	человек-Sg.Masc-Poss:Masc.Sg.Nom	дом.Masc
	<i>дом человека</i>		
b.	е	тапиš-еs- qiri	buzni
	Def:Masc.Sg	человек-Sg.Masc-Poss:Fem.Sg.Nom	коза.Fem
	<i>коза человека</i>		

Артикль в (66) относится к зависимому имени, вершинное существительное при наличии посессора артиклем не оформляется.

Албанский посессор принимает МП (совпадающий с дативной, в глоссинге ему соответствует обозначение Obl). В то же время артикль, обычно располагающийся после существительного, в случае неотчуждаемой принадлежности находится в препозиции и согласуется с обладаемым в падеже, числе и роде:

(67) албанский (А.Ю. Русаков, устное сообщение)

a.	djal-i		
	сын-Nom.Sg.Masc.Def		
	i	fshatar-it	
	Def = Nom.Sg.Masc	крестьянин-Sg.Masc.Def	
	<i>сын крестьянина</i>		
b.	djal-it		
	сын-Sg.Masc.Def		
	të	fshatar-it	
	Def = Sg.Masc	крестьянин-Sg.Masc.Def	
	<i>сына крестьянина/к сыну крестьянина</i>		
c.	djal-in		
	сын-Acc.Sg.Masc.Def		
	е	fshatar-it	
	Def = Acc.Sg.Masc	крестьянин-Sg.Masc.Def	
	<i>сына крестьянина</i>		

Чамалинский язык Дагестана также располагает согласуемыми формами генитива (в основном для мужского класса единственного числа). При этом согласуемый генитив скорее будет трактован как референтный, несогласуемый – как нереферентный (см. [Koptjevskaia-Tamm 2005]):

(68) чамалинский [Koptjevskaia-Tamm 2005]

a.	hadamso-i	jela	
	человек-Poss.Inan.Sg	рука	
	<i>рука человека, человеческая рука</i>		
b.	hadam-L	jela	
	человек-Poss	рука	
	<i>человеческая рука, рука человека</i>		

В другом андийском языке Дагестана, багвалинском, посессор первого (мужского) класса обязательно отражает классную принадлежность обладаемого, в то время, как посессоры остальных классов – нет:

(69) багвалинский [Кибрик 2001]

a.	fa =b	misa	
	Али=N	дом	
	<i>дом Али</i>		

b.	ila- ^č i- ^č	misa
	мать-Obl-Poss	дом
	дом матери	
c.	Xap-i-č	up
	лошадь-Obl-Poss	голова
	голова лошади	

Согласование посессивной группы по роду обладаемого отмечено, например, в индийских языках, где посессивный послелог согласуется с вершиной-обладаемым:

(70)

a. хинди [Чернышев 1965]

pitā	kī	pustak
отец	Poss.Fem	книга.Fem
<i>книга отца</i>		

b. авадхи [Липеровский 1997]

wajīg	kā	larikā
визирь	Poss.Masc	сын.Masc
<i>сын визира</i>		

Наряду с согласованием в роде обладаемого также хорошо известны случаи так называемых посессивных классификаторов. Основной особенностью таких языков является то, что классификаторы в них используются исключительно для кодирования посессивных отношений.

А.Ю. Айхенвальд (см. [Aikhenvald 2000]) различает следующие типы языков с посессивными классификаторами: языки, использующие классификацию только для отчуждаемой принадлежности; языки, где классификаторы используются независимо от (не)отчуждаемости, и языки, где классификатор характеризует тип посессивной связи между именами (так называемые реляционные классификаторы).

В качестве примера языка первого типа можно привести юто-ацтекский язык панаре:

(71) панаре [Aikhenvald 2000]

u- <i>uki</i> - <i>n</i>	wanē
я-Cl.Liquid-Poss	мед
<i>мой мед (разбавленный водой для питья)</i>	

Второй тип, не ограничивающий посессивные классификаторы лишь отчуждаемой принадлежностью, может быть продемонстрирован на примере языка мба (убандийская ветвь нигеро-конголезской семьи). Данный язык кроме «обычных» показателей именного класса располагает десятью специальными классификаторами для кодирования посессивных отношений (частицы *dà* и *kə* в примерах ниже), передающих тип обладаемого:

(72) мба [Aikhenvald 2000]

a.	bì-gb	\emptyset -á	dà	te
	леопард-Cl.7	Cl.1-Poss	Cl.Animal.Poss	1Sg
	мой леопард			
b.	nzí	má	kə	đi-gò
	кровь	Cl.11-Poss	Cl.Body.Part.Poss	леопард-Cl.7
	кровь леопарда			

Наконец, языком с реляционными классификаторами является, например, кипеа, один из языков семьи же. В данном языке один из двенадцати суффиксальных классификаторов выбирается в зависимости от того, как посессор использует обладаемое:

(73) кипеа [Aikhenvald 2000]

a.	dz-upodó	do	sabuka
	1Sg-Cl.жареный	Poss	птица
	<i>моя жареная птица</i>		
b.	dz-udé	do	sabuka
	1Sg-Cl.вареный	Poss	птица
	<i>моя вареная птица</i>		
c.	dz-ukisí	do	sabuka
	1Sg-Cl.частичное.обладание	Poss	птица
	<i>птица, частью которой я владел</i>		
d.	dz-ubá	do	sabuka
	1Sg-Cl.полученный.извне	Poss	птица
	<i>птица, подаренная мне</i>		

Кроме языков с посессивной классификацией можно выделить также тип языков, в которых классное согласование в посессивной конструкции обязательно, но не ограничивается только данным типом синтаксических отношений. Такие языки похожи на языки с согласованием посессора по роду, с той лишь разницей, что система классов является гораздо более детальной, чем родовая система.

Подобная ситуация имеет место в языках банту. В них посессивность (равно как и атрибутивные отношения) передается специальной посессивно-атрибутивной частицей. Данная частица всегда согласуется с обладаемым в классе:

(74) лингала [Топорова 1994]

a.	ndako	ya	mokinzi
	9.дом	Poss.9	1.вождь
	<i>дом вождя</i>		
b.	tooumbu	wa	mokinzi
	1.раб	Poss.1	1.вождь
	<i>раб вождя</i>		

Согласно [Aikhenvald 2000], согласование по классу посессора – чрезвычайно редкое явление. Одним из немногочисленных примеров является язык дау. В нем подобное согласование демонстрируют ИГ, задающие отчуждаемую принадлежность. В (75a) *dâw* – так называемый генерический классификатор, его употребление мотивировано одушевленностью посессора. Собственно посессивный классификатор представлен суффиксами *-ēj* для одушевленных имен и *-dee'* – для неодушевленных:

(75) дау [Aikhenvald 2000]

a.	yut	dâw	tog-ēj
	одежда	Cl.Human	дочь-Cl.Anim.Poss
	<i>одежда дочери</i>		
b.	yak		kaw-wâ'-dee'
	манюка		сад-верх-Cl.Inan.Poss
	<i>манюка (из) сада</i>		

В небольшом количестве языков отношения между посессором и обладаемым имеют временную референцию, что может быть продемонстрировано на примере одного из карибских языков, хикскарьяна:

(76) хикскарьяна [Koptjevskaia-Tamm 2001]

a.	ro-kanawa-ri
	1Sg-каноз-Pres.Poss
	<i>мое каноз</i>

- b. go-kanawa-tho
1Sg-каноэ-Past.Poss
мое бывшее каноэ

Аналогичное явление наблюдается в языке сомали, где, согласно [Lecarme 2004], посессивные отношения (так же как и отношения, задаваемые другими определениями) способны иметь временную атрибуцию:

- (77) сомали [Lecarme 2004]

[ardáy-d-ay-dii студент-f-Poss1Sg-F[+past] (waa ilá soo xagiiran) (общаются со мной)	hore прежде	dhammáan-t-ood] все-F-Poss3P
<i>все мои бывшие студенты (общаются со мной)</i>		

2. НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПОСЕССИВНЫХ ИГ

2.1. «Слабый генитив»

Слабым генитивом мы будем называть особый тип посессивной зависимости, обладающей рядом специфических характеристик. Основное отличие, выделяющее данный тип посессивных зависимых, состоит в то, что маркер посессивных отношений должен иметь широкую семантическую и синтаксическую сочетаемость. Оформление показателями слабого генитива получают в таких языках ИГ с различными типами зависимых: прилагательными, указательными местоимениями, разными семантическими типами ИГ и т.п.

Подобные генитивы обычно могут сочиняться с прилагательными и способны использоваться в качестве присвязочного комплемента в предложениях с бытийным сказуемым, хотя обратная импликация и неверна (не всякий генитив, который может сочиняться с прилагательными и употребляется в составе именного сказуемого, слабый).

Установить принадлежность языка к данному типу по обычным грамматическим описаниям обычно достаточно непросто. Можно утверждать, что подобным типом посессивных конструкций располагают следующие языки: амхарский, банту, индийские, китайский (и его диалекты), курдский (и другие западноиранские), тагальский, цахурский, японский.

Так называемый атрибутив, кодирующий посессивность в цахурском, способен выражать также целый ряд других отношений:

- (78) цахурский [Кибрик, Тестелец 1999]

a. adamí-na	dost
мужчина-Atr	друг
друг мужа	
b. saXs-in	ragč
глина-Atr	кувшин
глиняный кувшин	
c. wiRil-ena	guž
мужчина-Atr	сила
мужская сила	
d. XoI-jna	mašuk'
мука-Atr	мешок
мешок муки	

Более того, показатель атрибутива оформляет относительные предложения, послеложные и косвенно-падежные зависимости в ИГ:

(79) цахурский [Кибрик, Тестелец 1999]

- a. āli malktab-biš-ē-qa a = p'=k'īn-ni
высший школа-Pl-Iness-All H.Pl = уходить.Pfct-Atr
žawan-āši-k-e
молодой-Pl-Cont-El
о молодых, поехавших в высшие учебные заведения (он рассказал)
- b. rasul-ni halk'ē-na maʃnī
Расул-Atr про-Atr песня
песня про Расула
- c. kitab-ik.a-na insan
книга-Comit-Atr человек
человек с книгой

Примечательно, что в отличие от посессивных показателей других дагестанских языков, цахурский атрибутив не может оформлять аргументы финитного глагола. Таким образом, атрибутив в цахурском языке является предельно десемантизованным средством кодирования приименной зависимости.

Похожая ситуация имеет место в западноиранских языках. Изаетный показатель, присоединяемый к вершине именной группы при наличии постпозитивных определений, оформляет зависимость прилагательных, посессивных ИГ и предложных групп:

(80) курдский [Strunk 2003]¹⁴

- a. mal-a sor
дом-Ez.Fem.Sg красный
красный дом
- b. mal-a vi meğ-e
дом-Ez.Fem.Sg этот.Sg.Obl человек-Sg.Obl
дом этого человека
- c. mal-a sere çiua
дом-Ez.Fem.Sg на горе
дом на горе

Изаетный показатель (Ez) прикрепляется к любому элементу ИГ, правее которого располагаются другие определения, и принимает разные формы в зависимости от рода основы, к которой присоединяется. В случае, если изаетный маркер присоединяется к прилагательному, он выбирает то значение родового признака, которое имеет его (прилагательного) вершина, см. (79).

Порядок слов в курдских ИГ также нефиксирован – лексически выраженный посессор располагается обычно правее прилагательных, но может находиться и перед ними:

(81) курдский [Strunk 2003]

- a. mal-a piçûk = a
дом-Ez.Fem.Sg маленький = Ez.Fem.Sg
bira=yê min = a
брат=Ez.Masc.Sg я = Ez.Fem.Sg
- b. mal-a bira = yê min = a
дом-Ez.Fem.Sg брат = Ez.Masc.Sg я = Ez.Fem.Sg
piçûk
маленький
маленький дом моего брата

¹⁴ См. также пример (31) из диалекта хоккиен китайского языка.

Варьирует порядок слов и в цахурской посессивной ИГ. Посессор может находиться как до, так и после прилагательных, а также способен выноситься в постпозицию (приобретая в последнем случае обязательную рестриктивную интерпретацию):

(82) цахурский [Киблик, Тестелец 1999]

a.	jiz-di	dost-unā	žag-ara-na	balkan
	я-Atr	друг-Atr	белый-Atr	лошадь
b.	žag-ara-na	jiz-di	dost-unā	balkan
	белый-Atr	я-Atr	друг-Atr	лошадь
	<i>белая лошадь моего друга</i>			
c.	žag-ara-na	balkan	jiz-di	dost-unā
	белый-Atr	лошадь	я-Atr	друг-Atr
	<i>белая лошадь МОЕГО ДРУГА</i>			

2.2. Порядок слов

В данном пункте мы обсудим возможные вариации порядка слов в посессивных ИГ и постараемся сделать определенные типологические наблюдения, связанные с данным явлением. Сначала мы рассмотрим примеры языков, допускающих пре- и постпозитивное расположение МП, затем обсудим контактность/дистантность МП.

Некоторые языки допускают наряду с базовым порядком слов также вариант с инверсией расположения вершины и зависимого. Этот процесс может быть ограничен, либо не ограничен семантикой посессивной конструкции, и прежде всего, (не)отчуждаемостью.

Вベンгальском языке наблюдается так называемая инверсия терминов родства – не-маркированная препозиция МП в случае, если вершиной посессивной ИГ является термин родства, может заменяться на постпозицию:

(83)ベンгальский [Bhattacharya 1998]

a.	rakhal-er	bhai
	Рахал-Poss	брать
b.	bhai	rakhal-er
	брать	Рахал-Poss
	<i>брать Рахала</i>	

Встречаются случаи, когда один тип маркирования накладывает ограничения на не-базовую пре- или постпозицию, а другой нет. Так в one, одном из языков пама-ньюнга, существуют два типа посессивных конструкций: аппозитивная (84a,b) и с зависимостным маркированием (84c,d). Первая конструкция допускает как пре-, так и постпозицию, в то время как вторая – только постпозицию.

(84) one [Donohue 2000]

a.	imfla	malesia
	муж	Малезия
b.	malesia	imfla
	Малезия	муж
c.	imfla	malesia-enu
	муж	Малезия-Poss
d.	*malesia-enu	imfla
	Малезия-Poss	муж
	<i>муж Малезии</i>	

Как и в случае простой предикации, порядок слов в ИГ может влиять на коммуникативную структуру составляющей. В новогреческом, согласно [Ntelitheos 2004], посессор

обычно располагается после вершины, (85a). Однако, будучи выделен дополнительными просодическими средствами (ударение, интонация), он приобретает дополнительную функцию фокуса контраста, (85c)¹⁵:

(85) новогреческий [Ntelitheos 2004]

- a. to vivlio tis Maria-s
Def книга-Nom Def Мария-Poss
книга Марии
- b. ?tis Maria-s to vivlio
Def Мария-Poss Def книга-Nom
?Марии книга
- c. tis MARIA-S to vivlio (ki ohi tu Kosta)
Def Мария-Poss Def книга-Nom (а не Кости)
МАРИИ книга (а не Кости)

Достаточно регулярно обнаруживается следующее явление: посессор не может употребляться с артиклем/(не)определенным местоимением, относящимися к вершинному имени в том случае, если располагается в своей базовой пре- или постпозиции. При смене порядка слов на обратный данный запрет также снимается.

В языке алси препозитивный посессор не может сочетаться с определенными местоимениями (86a). Однако в случае постпозиции посессора данный запрет нерелевантен:

(86) алси [Buckley 1989]

- a. a-s xámni c-ɬaqúsín-k
этот-Def кит Poss.3-коха-Poss.3
кожа этого кита
**эта кожа кита*
- b. a=c-məla'násti'yu'-k = iłx a-s ɬeyá'cit
этот=Poss.3-вождь-Poss.3 = Pl этот-Def деревенский.житель
(этот) вождь этих жителей деревни

То же в цыганском: употребление артикла вершины с препозитивным посессором неграмматично, а с постпозитивным – обязательно:

(87) цыганский [Koptjevskaia-Tamm 2003b]

- a. [le çav-es-ko] šlemo
Def.Masc.Sg мальчик-Sg.Masc-Poss.Masc.Sg шапка.Masc.Sg.Nom
- b. o slemo
Def.Masc.Sg.Nom шапка.Masc.Sg.Nom
[le çav-es-ko]
Def.Masc.Sg мальчик-Sg.Masc-Poss.Masc.Sg
шапка мальчика

Иногда разные средства выражения посессора предписывают различный порядок слов при одной и той же технике кодирования. Так, в индейских языках часто различается порядок слов для лексического посессора и посессора, выраженного вопросительным местоимением. В отомангейском языке сапотек посессор должен располагаться постпозитивно (88a), его препозиция невозможна (88b):

¹⁵ Ср. аналогичное явление в русском: если вся ИГ при фокусном выделении передвигается в абсолютное начало предложения, посессор также легко может перемещаться в начало ИГ: *ВАШЕГО СЫНА работа мне не понравилась* (но ??*Мне не понравилась ВАШЕГО СЫНА работа*).

(88) сапотек [Broadwell 2001]

- a. Juàany cù'á x-pèh'cw màgíi.
Хуан красть Poss-собака Мария
- b. *Juàany cù'á maria x-pèh'cw.
Хуан красть Мария Poss-собака
Хуан украл собаку Марии.

Однако в том случае, когда посессор попадает в фокус вопроса и выражается вопросительным местоимением, неграмматичной становится уже постпозиция:

(89) сапотек [Broadwell 2001]

- a. ¿ Túú x-pèh'cw cù'á Juàany?
чей Poss-собака красть Хуан
- b. *¿ X-pèh'cw túú cù'á Juàany?
Poss-собака чей красть Хуан
Чью собаку украл Хуан?

Аналогичная ситуация наблюдается в языке цоциль (майя):

(90) цоциль [Trechsel 2000]¹⁶

- a. Icham [x-ch'amal] li Xune].
умер 3-ребенок Def Ксун
Ребенок Ксун умер.
- b. [Buch'u x-ch'amal] icham.
кто 3-ребенок умер
Чей ребенок умер?

Пре-/постпозитивное расположение может зависеть также от семантики МП. Так, в исландском собственно посессор обычно следует за вершиной, в то время как «качественный генитив»¹⁷, подобно прилагательным, предшествует ей, причем средства кодирования в данном случае не меняются:

(91) исландский [Koptjevskaia-Tamm 2003b]

- a. hús Jon-s
дом Джон-Poss
дом Джона
- b. mikil-s háttar-g maDur
великий-Poss поведение-Poss человек
знаменитый человек

Рассмотрим примеры дистантного и контактного употреблений посессивных ИГ. Посессор, будучи «тяжелым» зависимым, то есть обладая способностью неограниченно расширять свою внутреннюю структуру, часто обязан располагаться дистантически с вершиной. Данное правило может быть грамматикализовано, как это имеет место в тюркских языках (см. примеры ниже), а может носить предписывающий характер, ср. при-

¹⁶ Подобные конструкции являются хорошим примером pied-piping'a, постепенного «вытягивания» элементов предложения один за другим в некоторую фокусную вопросительную позицию в начале предложения; в данной главе, однако, нас интересует прежде всего типологическая таксономия посессивных ИГ, поэтому мы оставим конструкции с посессором – вопросительным словом в индейских языках без дальнейшего обсуждения.

¹⁷ Или дескриптивный генитив, в русском представлен многочисленными примерами прилагательное + «имя-параметр»: *человек высокого роста, машина красного цвета* и т. п.

мер из амхарского языка, где посессор в случае отсутствия у него собственных зависимых может располагаться между прилагательным и вершиной:

(92) амхарский [Титов 1991]

təlləq	ya-bbat	bet
большой	Poss-отец	дом
большой дом отца		

В тюркских языках вершинно-зависимое маркирование предписывает обязательное дистантное расположение, а просто вершинное – контактное:

(93) татарский

- a. malaj-**пчы** matur at-ꝑ
мальчик-Poss красивый лошадь-
- b. *matur malaj-**пчы** at-ꝑ
красивый мальчик-Poss лошадь-
- c. matur malaj at-ꝑ
красивый мальчик лошадь-
- d. *malaj matur at-ꝑ
мальчик красивый лошадь-
красивая лошадь мальчика

Иногда при смене контактного расположения на дистантное, претерпевают изменения и средства кодирования. Так, в языке хауса при контактном расположении посессивность кодируется прикрепляемыми к вершине и согласуемыми с ней суффиксальными показателями *-n/-r*. Если у обладаемого появляются другие зависимые, то морфологический показатель *-n/-r* заменяется на клитический *-na/-ta*, который всегда располагается перед группой посессора, «куда бы последняя не перемещалась в предложении» [Щеглов 1970]:

(94) хауса [Щеглов 1970]

- a. waka-**г** nasara
песня.Fem-Poss.Fem победа
песнь победы
- b. jawabin nan na sarki
речь.Masc эта Poss.Masc царь
эта речь царя

Часто дистантная/контактная позиция зависит от степени маркированности конструкции. Прежде всего это проявляется в тех языках, где существуют маркированный и немаркированный варианты посессивных конструкций: аппозитивная конструкция всегда должна располагаться контактно, оформленная может (должна) дистанцироваться.

В ненецком языке МП на зависимом может сопровождаться, либо не сопровождаться маркированием вершины показателем третьего лица. В первом случае МП обязательно должен предшествовать определенному местоимению, во втором – следовать за ним:

(95) ненецкий [Nikolaeva forthc.]

- a. tyuku° wata-**һ** ti / *te-da
этот Вата-Poss олень / олень-3Sg
- b. wata-**һ** tyuku° te-da / *ti
Вата-Poss этот олень-3SG / олень
этот олень Ваты

Посессивные отношения в румынском языке могут быть выражены либо МП на зависимом имени, (96а), либо МП в сочетании с определенным артиклем (96с). В первом случае дистантное расположение запрещено, см. (96б), во втором допустимо:

(96) румынский [Dobrovie-Sorin 2000]

- a. carteа profesor-ului
книга.Def учитель-Def.Poss
книга учителя
- b. *cartea nouă profesor-ului
книга.Def новый учитель-Def.Poss
- c. carteа nouă a profesor-ului
книга.Def новый Poss учитель-Def.Poss
новая книга учителя

Похожая ситуация в иврите – посессор в сопряженном состоянии обязательно располагается контактно, а посессор, вводимый предлогом, дистантно:

(97) иврит [Danon 1996]

- a. ha-bayit ha-yafe šel ha-moga
Def-дом Def-красивый Poss Def-учитель
- b. beyt ha-moga ha-yafe
house Def-учитель Def-красивый
красивый дом учителя

Часто расположение посессора в абсолютном начале/конце ИГ либо между прилагательными и вершиной определяется ее семантическими и референциальными свойствами. Так, например, в латышском примере (94а) генитивное зависимое будет, вероятнее всего, иметь определенное референтное прочтение, в то время как в примере (94б) перед нами, скорее, качественный нереферентный генитив¹⁸:

(98) латышский (С. Сай, устное сообщение)

- a. maz-ās meiten-es jaunais krēsls
маленький-Poss девочка-Poss новый стул
- b. jaunais maz-ās meiten-es krēsls
новый маленький-Poss девочка-Poss стул
новый стул маленькой девочки

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулируем некоторые наиболее существенные наблюдения над посессивными ИГ, сделанные нами на материале рассмотренных языков.

Аналитическое кодирование является одним из наиболее развитых способов кодирования посессивности, часто оно бывает связано с неотчуждаемой принадлежностью или нереферентностью посессора. Если в языке посессивность кодируется аналитически, такое же оформление, скорее всего, ожидается и для значения 'материал, из которого сделан объект' (ср., однако, мальтийский).

Зависимостное маркирование. Если сравнивать кодирование посессора предлогами и послелогами, то первых случаев оказывается гораздо больше, чем вторых (отметим, что достаточно «чистых» примеров послеложного кодирования, т.е. случаев фонологически самостоятельных, не копирующих характеристики оформленной вершины послелогов, нами не встречено). Точно так же суффиксальное кодирование посессивности встречается существенно чаще префиксального.

¹⁸ То есть такой стул, который обычно бывает у маленьких девочек, а не принадлежит какой-то одной конкретной девочке.

Вершинное и вершинно-зависимое маркирование. Если кодирование синтаксической зависимости посессора на вершине ИГ отличается от кодирования других зависимых элементов¹⁹, оно осуществляется при помощи лично-числовых показателей принадлежности. Вершина ИГ может согласовываться с посессором по лицу и числу, но никогда по классу/роду (единственное исключение – язык дау, пример (75)). Наконец, при лично-числовом согласовании посессор всегда является контролером, а обладаемое – мишенью согласования.

Согласуемый посессор. Копирование посессором падежных показателей вершины-обладаемого, очевидно, связано с нарушением локальности падежа: генитив, который должен присваиваться в пределах ИГ, либо замещается «внешним падежом» (древнеармянский, корейский), либо совмещается с ним (древнегрузинский, австралийские языки). Напротив, чисто локальным явлением, распространяющимся «внутри» именной группы, является согласование посессора с вершиной по роду/классу и числу. Примечательно, что нам не встретилось языка, в котором обладаемое выражало бы лично-числовые характеристики посессора, а посессор, в свою очередь, копировал бы падеж, число, род/класс обладаемого (единственным исключением здесь является язык масай, в котором, впрочем, все указанные грамматические характеристики кодируются клитически, см. (57)).

Отмечены также редкие случаи временной атрибуции посессивных отношений (хиксарьяна (76), сомали (77)).

Слабый генитив. Был выделен особый тип посессивной зависимости, который мы назвали слабым генитивом. Основной отличительной особенностью таких посессивных ИГ является широкая синтаксическая дистрибуция МП, не ограничивающаяся традиционной зоной посессивности. Как показано в [Гращенков 2006], посессор в языках со слабым генитивом обладает и рядом других отличительных свойств. Скорее всего, справедливым будет следующее утверждение: слабый генитив не встречается в тех языках, где вершина посессивной конструкции оформлена лично-числовыми показателями.

Порядок слов. Наиболее важное наблюдение состоит в следующем: практически не встречается случаев изменения расположения посессора относительно вершины при смене стратегии кодирования. То есть язык, располагающий несколькими способами маркирования посессивных отношений, будет последовательно использовать пре- либо постпозитицию для всех конструкций.

Изменения базового расположения вершины и зависимого в языке, впрочем, могут допускаться одними конструкциями и быть запрещенными в случае других (язык оне, пример (84)).

Возможность использования небазового порядка слов в некоторой конструкции некоторого языка может быть связана со снятием запрета на сочетаемость посессора с артиклем или определенным местоимением, с (не)отчуждаемостью, коммуникативной структурой ИГ, референтностью посессора и т.д.

Единственное известное нам исключение из сформулированной закономерности – германские языки, где конструкции с падежным препозитивным 's-генитивом (*my elder brother's book*) синонимичны конструкциям с предложным постпозитивным *of-генитивом* (*the book of my elder brother*)²⁰.

Отметим, что данное обобщение касается только посессоров, выраженных полными ИГ. Различие в порядке слов местоименного и лексического посессора – чрезвычайно распространенное явление, ср. любой из европейских языков.

Варьирование дистантности/контактности обычно мотивировано типом конструкции и распространенностью составляющей.

¹⁹ Напомним, что таких случаев подавляющее большинство (примером альтернативной стратегии являются иранские языки).

²⁰ В качестве другого исключения можно также привести пример маргинальных конструкций в славянских языках типа русского *дяди Петина машина*.

Корреляции порядка слов в посессивной конструкции с порядком следования других элементов предложения

Интересные наблюдения могут быть сделаны также при рассмотрении типологии порядка слов, начатом в знаменитой работе Джона Гринберга [Greenberg 1963] и продолженной впоследствии другими исследователями. Так, один из ведущих специалистов в области типологии порядка слов, Джон Хокинз в своей работе [Hawkins 1983] исследует корреляцию основных параметров порядка слов приблизительно для 350 языков. В случае абсолютной препозиции глагола (всего 53 языка) препозиция посессора встречается лишь однажды. В SOV языках (всего 174) посессор бывает в препозиции в 103 случаях. При порядке слов SVO (109 языков) постпозиция посессора встречается 73 раза, препозиция – 36.

Итак, в случае постпозитивного расположения подлежащего и прямого объекта посессор всегда располагается в постпозиции; в случае препозиции обоих главных участников посессор бывает постпозитивным примерно в 60% случаев; если подлежащее предшествует глаголу, а объект следует за ним, две трети языков располагают посессор в постпозиции.

Из приведенных Хокинзом данных можно заключить, что в случае препозиции глагола наблюдается корреляция между расположением посессора в ИГ и подлежащего/прямого объекта в простой предикации. В других случаях утверждать, что позиция какого-то одного из двух главных актантов коррелирует с позицией посессора, достаточно сложно. Скорее можно говорить о склонности посессивных ИГ к правостороннему расположению относительно вершины²¹.

Примечательно при этом, что выборке Хокинза нет ни одного SOV-NGen-AdjN языка, то есть случая, при котором расположение посессора не соответствовало бы расположению подлежащего или прямого объекта относительно глагола либо прилагательного относительно вершины ИГ. Таким образом, можно предположить, что в некотором случайно взятом языке позиция посессора относительно именной вершины будет повторять либо расположение подлежащего/прямого объекта относительно глагола, либо расположение прилагательного по отношению к вершинному имени.

Другая известная корреляция связана с наличием в языке предлогов или послелогов. Лишь в 11 языках с послелогами зафиксирована постпозиция посессора, остальные 177 языков располагают посессор препозитивно. Среди предложных языков 14 имеют препозитивный посессор, а 134 – постпозитивный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аворин 2000 – *В.А. Аворин*. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб., 2000.
 Алиева 1998 – *Н.Ф. Алиева*. Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М., 1998.
 Апресян 1974 – *Ю.Д. Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
 Аракин 1973 – *В.Д. Аракин*. Самоанский язык. М., 1973.
 Бондарко 1996 – *А.В. Бондарко*. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
 Вольф 1974 – *Е.М. Вольф*. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
 Вольф 1987 – *Е.М. Вольф* (ред.). Функциональная семантика и проблемы синтаксиса. М., 1987.
 Гращенков 2006 – *П.В. Гращенков*. Синтаксис и типология генитивной группы. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2006.

²¹ Стремление тяжелых актантов к постпозиции относительно вершины – достаточно известный факт, исчерпывающее объяснение которому дал сам Хокинз, см. [Hawkins 1990].

- Журинская 1977 – *М.А. Журинская*. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания. М., 1977.
- Иванов 1989 – *В.В. Иванов* (ред.). Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- Кибrik 2000 – *А.Е. Кибrik*. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.). Слово в тексте и словаре. Сб. статей к семидесятилетию Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Кибrik 2001 – *А.Е. Кибrik* (ред.). Багвалинский Язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Кибrik, Тестелец 1999 – *А.Е. Кибrik, Я.Г. Тестелец* (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Липеровский 1997 – *В.П. Липеровский*. Очерки грамматики современного авадхи. М., 1997.
- Мазо 1978 – *В.Д. Мазо*. Группа существительного в бирманском языке. М., 1978.
- Маслов 2005 – *Ю.С. Маслов*. Болгарский язык // А.М. Молдован и др. (ред.). Языки мира: славянские языки. М., 2005.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. II (Часть вторая: Морфологические значения). Москва; Вена, 1998.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 2004.
- Селиверстова 2004 – *О.Н. Селиверстова*. Труды по семантике. М., 2004.
- Титов 1991 – *Е.Г. Титов*. Грамматика амхарского языка. М., 1991.
- Топорова 1994 – *И.Н. Топорова*. Грамматика языка лингала. М., 1994.
- Успенский 2004 – *Б.А. Успенский*. Часть и целое в русской грамматике. М., 2004.
- Чернышев 1965 – *В.А. Чернышев*. Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
- Чинчлей 1990 – *К.Г. Чинчлей*. Типология категории посессивности. Кишинев, 1990.
- Щеглов 1970 – *Ю.В. Щеглов*. Очерк грамматики языка хауса. М., 1970.
- Яковлева 1963 – *В.К. Яковлева*. Язык Йоруба. М., 1963.
- Aikhenvald 2000 – *A.Y. Aikhenvald*. Classifiers. A typology of noun categorization devices. New York, 2000.
- Bhattacharya 1998 – *T. Bhattacharya*. DP-Internal NP Movement // UCL working papers. 1998. 10.
- Broadwell 2001 – *G.A. Broadwell*. Optimal order and pied-piping in San Dionisio Zapotec // P. Sells (ed.). Formal and empirical issues in optimality theory. Stanford, 2001.
- Buckley 1989 – *E. Buckley*. The Alsea noun phrase // Kansas working paper in linguistics: Studies in native American languages. V. 14. 1989. № 2.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 1998 – *O. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm*. Alienability splits and the grammaticalization of possessive constructions // Papers from the XVIth Scandinavian conference of linguistics. Turku, 1998.
- Danon 1996 – *G. Danon*. The syntax of determiners in Hebrew. PhD thesis. Tel-Aviv, 1996.
- Dench, Evans 1988 – *A.C. Dench, N. Evans*. Multiple case-marking in Australian languages // Australian journal of linguistics. 1988. 8.
- Dobrovie-Sorin 2000 – *C. Dobrovie-Sorin*. Génétifs et déterminant // G. Kleiber, B. Laca, L. Tasmowski (eds.). Typologie des groupes nominaux. Rennes, 2000.
- Donohue 2000 – *M. Donohue*. One phrase structure // Proceedings of ALS2k, Conference of the Australian linguistic society. 2000.
- Fox 1981 – *B. Fox*. Body part syntax: towards a universal characterization // Studies in language. 1981. 5 (3).
- Greenberg 1963 – *J.H. Greenberg*. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J.H. Greenberg (ed.). Universals of language, Cambridge, 1963.
- Harris 2002 – *A.C. Harris*. Origins of apparent violations of the 'no phrase' constraint in modern Georgian // Linguistic discovery. 2002. I/2.
- Hawkins 1983 – *J.A. Hawkins*. Word order universals. New York, 1983.
- Heine 1997 – *B. Heine*. Possession. Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge, 1997.
- Iordanskaja, Mel'čuk 1995 – *L.N. Iordanskaja, I.A. Mel'čuk*. Glaza Maši golubye vs. Glaza u Maši golubye: Choosing between two Russians constructions in the domain of body parts // И.А. Мельчук. Русский Язык в Модели Смысл-Текст. М., 1995.
- Keenan, Ralalaohervony 2000 – *E.L. Keenan, B. Ralalaohervony*. Raising from NP in Malagasy // Lingvisticae investigationes. 2000. 23.

- Kolliakou 1998 – *D. Kolliakou*. A composition approach to modern Greek «week form» possessives // G. Webelhuth, J.-P. Koenig, A. Katol (eds.). Lexical and constructional aspects of Linguistic explanation. Stanford, 1998.
- Koopman 2005 – *H. Koopman*. On the parallelism of DPs and clauses: Evidence from Kisongo Maasai // Verb first. Amsterdam, 2005.
- Koptjevskaja-Tamm 2000 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Romani genitives in the typological perspective // Y. Matras, V. Elsik (eds.). Grammatical relations in Romani: The noun phrase. Amsterdam, 2000.
- Koptjevskaja-Tamm, Bernhard 2001 – *M. Koptjevskaja-Tamm, W. Bernhard*. The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The Circum-Baltic languages: Typology and contacts. Amsterdam, 2001.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Adnominal possession // M. Haspelmath, E. König (eds.). Language typology and language universals. Berlin, 2001.
- Koptjevskaja-Tamm 2003a – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). Noun phrase structure in the languages of Europe. Berlin, 2003.
- Koptjevskaja-Tamm 2003b – *M. Koptjevskaja-Tamm*. «A woman of sin», «a man of duty» and «a hell of a mess»: non-determiner genitives in Swedish // The noun phrase in the European languages. Berlin, 2003.
- Koptjevskaja-Tamm 2005 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Maria's ring of gold: adnominal possession and non-anchoring relations in the European languages // Ji-yung Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee (eds.). Possessives and beyond: Semantics and syntax. Amherst, 2005.
- Lecarme 2004 – *J. Lecarme*. Tense in nominals // J. Guéron, J. Lecarme (eds.). The syntax of time. Cambridge, 2004.
- Lehman 2003 – *Chr. Lehman*. Possession in Yucatec Maya // Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt. 10. Erfurt, 2003.
- Loos 1969 – *E.E. Loos*. The phonology of Capanahua and its grammatical basis. Norman, 1969.
- Malchukov 2000 – *A.L. Malchukov*. Dependency reversal in noun-attribute constructions: Towards a typology. München, 2000.
- Malouf 2000 – *R. Malouf*. A head-driven account of long-distance case assignment // A collection of papers on head-driven phrase structure grammar. Stanford, 2000.
- Nikolaeva forthc. – *I. Nikolaeva*. The structure of the Tundra Nenets noun phrase // M. Bakro-Nagy, K. Reedi (ed.). Honti Festschrift. Budapest (гот. к печ.).
- Ntelitheos 2004 – *D. Ntelitheos*. Syntax of elliptical and discontinuous nominals // A thesis submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of master of arts in linguistics. Los Angeles, 2004.
- Paducheva 2004 – *E.V. Paducheva*. Splitting of possessor NPs and external possessor in Russian // Ji-yung Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee (eds.). Possessives and beyond: Semantics and syntax, Amherst, 2004.
- Plank 1992 – *F. Plank*. Possessives and the distinction between determiners and modifiers // Journal of linguistics. 1992. 28.
- Plank 1995 – *F. Plank* (Re-)Introducing Suffixaufnahme // F. Plank (ed.). Double case. Agreement by Suffixaufnahme. New York; Oxford, 1995.
- Seiler 1983 – *H. Seiler*. Possessivity, subject and object // Studies in language. 7 (1). Amsterdam, 1983.
- Shlonsky 2004 – *U. Shlonsky*. The form of Semitic noun phrases // Lingua. 2004. 114.
- Strunk 2003 – *J. Strunk*. The structure of the Kurdish noun phrase. www.linguistics.ruhr-uni-bochum.de/~strunk/KurdishNounPhrase.pdf
- Toivonen 2000 – *I. Toivonen*. The morphsyntax of Finnish possessives // Natural language and linguistic theory. 18. Dordrecht, 2000.
- Trechsel 2000 – *F.R. Trechsel*. A CCG account of Tzotzil Pied-Piping // Natural language and linguistic theory. 18. Dordrecht, 2000.
- Ultan 1978 – *R. Ultan*. Towards a typology of substantival possession // J. Greenberg et al. (eds.). Universals of human language. 4: Syntax. Stanford, 1978.

© 2007 г. Л. В. КАЛИНИНА

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИМЕТАХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В статье рассматриваются словоизменительный, синтаксический, словообразовательный и семантический критерии выделения лексико-грамматических разрядов существительных: имен конкретных, вещественных, собирательных, абстрактных. Показывается, что в современном русском языке грамматические приметы существительных данных разрядов часто не соответствуют приписываемым им грамматическим характеристикам. В качестве основного критерия распределения существительных по лексико-грамматическим разрядам рассматривается семантический. Особый акцент делается на когнитивно-прагматическом подходе к систематизации существительных указанных разрядов.

В русском языке выделяются четыре лексико-грамматических разряда существительных: имена конкретные (*книга, заяц, дом*), вещественные (*соль, молоко, железо*), собирательные (*ребята, листья, мебель*) и абстрактные (*гордость, ложь, страх*). Если само наличие данных разрядов сомнений не вызывает, то вопрос о критериях их выделения, о лексико-грамматических признаках слов, входящих в эти разряды, остается до сих пор нерешенным до конца.

Цель настоящей статьи – представить существующие в литературе предмета подходы к принципам выделения лексико-грамматических разрядов существительных и рассмотреть данные разряды с когнитивно-прагматических позиций.

Когнитивно-прагматический анализ предполагает установление связи между единицами языка и объектами реальной действительности в их восприятии человеком: какие свойства объектов окружающего мира кажутся человеку наиболее значимыми; как, исходя из этих свойств, человек может использовать эти объекты для своих целей и потребностей; как представления человека об объектах действительности отражаются в языке. Известно, что «именно человеческим фактором, то есть отношением человека к какому-либо предмету или явлению мира на определенной ступени овладения этим миром и объясняется не только последующий выбор наименования для него, но и способ его описания, отображающий практическое использование соответствующего объекта» [Колшанский 1990: 32].

Когнитивно-прагматический подход не исключает строгих грамматических (морфологических и синтаксических) оснований для классификации существительных по разрядам. Как подчеркивал Э. Бенвенист, «языковая форма является... не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками» [Бенвенист 1974: 105]. Проследим, каким образом обнаруживается взаимосвязь содержания и формы, семантики и грамматики в сфере лексико-грамматических разрядов имен существительных.

Под лексико-грамматическими разрядами мы вслед за А.В. Бондарко понимаем «грамматически значимые группировки слов в рамках данной части речи (т.е. подклассы той или иной части речи)... которые... обладают общим семантическим признаком... могут, но не должны обязательно характеризоваться общим морфемным показателем... взаимодействуют с морфологическими категориями, связанными с ними семантически» [Бондарко 1976: 156–157]. Значит, лексико-грамматическая принадлежность

существительного устанавливается по совокупности таких критериев, как семантический, словообразовательный, морфологический (словоизменительный). Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» указывают в числе критериев разграничения лексико-грамматических разрядов частей речи еще и синтаксический, ср. [Золотова и др. 1998: 40]. Рассмотрим роль каждого из этих критериев в лексико-грамматической классификации субстантивных имен.

Традиционно наиболее строгим признается **морфологический критерий**. Предлагается обращать внимание на словоизменение существительных, в частности на их числовую парадигму. Считается, что полной парадигмой форм единственного и множественного числа обладают лишь конкретные существительные (ср.: *стол, стола, столу, стол, столом, о столе – столы, столов, столам, столы, столами, о столах*). Существительные же абстрактные, вещественные и собирательные употребляются, как правило, только в единственном числе и имеют анумеральную семантику, образуя все вместе разряд *singularia tantum*. Формы множественного числа от таких существительных допускаются лишь в редких случаях и специально оговариваются как стилистически маркованные (публицистические, поэтические, профессиональные, разговорные и пр.). В.В. Виноградов писал, что существительные *singularia tantum* – это разряд слов, «обнаруживающих только формы единственного числа и вовсе не относимых ко множественному, так как они не соединяются с представлением о счете» [Виноградов 1938: 97]. Ср. такой же подход в [Грамматика русского языка 1953; Гвоздев 1958; Русская грамматика 1980; Камынина 1999; Рахманова, Суздальцева 2003; Современный русский литературный язык 2003; Современный русский язык 2003; Современный русский язык 2004]. Таким образом, с морфологической точки зрения конкретные существительные, казалось бы, четко противопоставляются трем остальным разрядам (абстрактным, вещественным и собирательным существительным).

Но, во-первых, опора лишь на словоизменение не позволяет провести более детального противопоставления: не только конкретных существительных всем остальным, но и абстрактных, вещественных, собирательных между собой. Во-вторых, в современном русском языке во всех стилях и жанрах все более активно употребляются формы множественного числа от существительных анумеральной семантики (особенно от абстрактных). Их семантика и функционирование описываются в научной и профессиональной речи [Граудина 1980; Даниленко 1977; Комарова 1988], в языке публицистики [Граудина 1980; Сергеев 1996], в художественных текстах [Бондаренко 1991; Винокур 1991], в разговорном дискурсе [Красильникова 1990]. Факт широкой, не зависящей от стилистической принадлежности текста употребительности форм множественного числа неконкретных существительных подтверждают и наши наблюдения [Калинина 1999; 2001а; 2005]. Ср., например, тексты СМИ и рекламы: *Спасибо за лестности в наш адрес* (Московский комсомолец. 18–25.01.2001); *В продаже обувь больших полнот* (телереклама обувного магазина, Киров, апрель–май 2005); *Эта линия выводит страну в разряд растущих экономик* (Литературная газета. 24.05.1995); *Какие риски ожидают тех, кто приобретает квартиры в новостройках?* (Комсомольская правда, 21.06.2005); – *Она [Людмила Путин. – Л.К.] хотела сюда [в Китай. – Л.К.] приехать, но испугалась жары... – А другие президенты были с женами? – Да. Но я им объяснил про жару. Вообще она у меня не любит всяких официозов* (Комсомольская правда. 17.06.2006, интервью В.В. Путина); *В отдельных районах области гололёды* (прогноз погоды на КГТРК «Вятка». Эфир от 26.02.2004); *«Гарньер Фруктис Стайл» с микровосками фруктов* (телереклама на 1-м канале. Эфир от 30.01.2006).

Такого же рода картину наблюдаем в художественной речи, в научном стиле, в разговорном дискурсе. Ср. соответственно:

а) *Как Россия подзастраяла – ни туды и ни сюды. Вместо стройматериалов – лишь стыды, стыды, стыды* (Е. Евтушенко. Стыды); *Одежду в корыто бросил, кипятки толстые пустил* (В. Попов. Не спать, не спать...); *Сколько трудных любовей в России!* (Ю. Ряшенцев. Утешение по поводу грустного свидания); *Наука заросла средневе-*

ковыми ахинеями: граб порождает дуб, ель порождает сосну, пшеница превращается в рожь (Д. Гранин, Зубр);

б) *Массовая коммуникация... широко отражает сложные формы речевого общения и взаимодействия и структурные своеобразия того общества, в котором она осуществляется* (В.В. Виноградов. Задачи стилистики); *В экзистенциализме все жуткости человеческого существования предстанут как очевидности* (из лекции по философии Е.Ф. Владыкиной. 10.05.1995);

в) *Подвесили бы свинцы к ногам / чтобы Вы не воспаривали //; У меня там целлофаны лежали //; Все ваши нерешительности мне надоели //; Ой / какие чуши попадаются у нее //; Опять всяких вкуснот нанесут //* (примеры взяты из работы [Красильникова 1990: 69]).

В речи, как видим, реализуются потенциальные возможности существительных *singularia tantum*, на вероятность чего указывал в свое время А.А. Зализняк. Ср.: «В человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности “лай”, или “гордость”, или “медь” и т.п. Однако, если такая потребность все же возникает (а это в принципе всегда возможно), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками множественного числа без труда будут построены: лай, гордости, меди и т.п. Иначе говоря, *singularia tantum* – это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется лишь половина форм» [Зализняк 1967: 57–58]. Ср. также языковые факты, представленные в работах: [Брусенская 1987; 1994; Валгина 2001: 225–226; Граудина 1980: 175, 179; Калинина 1999; Озерова 1987; Яцкевич 1981]. Факты, приводимые в данных исследованиях, подтверждают вывод Л.А. Брусенской о том, что «традиционно формулируемое правило об отсутствии у существительных неконкретной семантики форм множественного числа представляет собой анахронизм» [Брусенская 1994: 19].

Можно, стало быть, утверждать, что словоизменение существительных (их числовая парадигма) в настоящее время уже не может быть основным критерием при отнесении их к тому или иному лексико-грамматическому разряду.

Достаточно четким основанием для различения лексико-грамматической принадлежности слов признается также **синтаксический критерий**. Ср.: «Более всего различия в значениях групп или разрядов слов в пределах каждой части речи проявляются в их синтаксическом функционировании» [Золотова и др. 1998: 40]. Ср. также [Арутюнова 1999: 1–7; Золотова 1982; Кадъкалов 1966; Лукин 1990: 10; Мирошникова 2004; Потебня 1958: 98; Чернейко 1997: 250 и др.].

Наиболее заметна разница в синтаксическом функционировании абстрактных и конкретных имен. Так, Н.Д. Арутюнова, рассматривая логико-коммуникативные функции слов и сопоставляя их с синтаксическими функциями, отмечает, что конкретные существительные относятся к так называемой идентифицирующей (предметной) лексике и выступают обычно в функции подлежащего (логического субъекта), а абстрактные существительные принадлежат к предикатной (признаковой, характеризующей) лексике и выступают, как правило, в функции сказуемого (логического предиката). Ср. [Арутюнова 1999: 5–7]. На эту закономерность обращает внимание и В.А. Лукин. Ср.: «Если слово употребляется в функции субъекта предложения, то оно менее абстрактно; более абстрактно то, которое употребляется в функции предиката» [Лукин 1990: 10].

Эти наблюдения согласуются также с мнением авторов «Коммуникативной грамматики русского языка», которые считают, что абстрактные существительные, обозначающие отвлеченные качества, действия, состояния, не могут выступать в роли подлежащего, если словоформу, занимающую позицию подлежащего, рассматривать как активного производителя реального действия. Ср.: «Ни действие, ни качество не могут совершать действие, это привилегия только живого существа» [Золотова и др. 1998: 41]. В этом смысле, отмечается далее в «Коммуникативной грамматике», не совсем корректно употреблять термин «подлежащее» по отношению к абстрактному существительному *езды* в предложении *Быстрая езда успокоила его* (Л. Толстой), так как это

«подлежащее» отличается от главного члена в предложении типа *Она увидела его*. Ср. [Золотова и др. 1998: 41].

В типичных случаях синтаксический анализ высказывания позволяет отличить конкретное существительное от абстрактного. Однако, как уже отмечалось, в современной речи активно употребляются абстрактные существительные множественного числа. При этом в семантике абстрактного имени происходят определенные изменения, связанные с конкретизацией его значения, и мы сталкиваемся со случаями семантической переходности, когда абстрактное содержание выражается с помощью формы, характерной для конкретных имен. Можно с уверенностью констатировать, что абстрактные существительные множественного числа свободно употребляются в синтаксических позициях дополнения и подлежащего. Ср., например: *Пробиваясь сквозь все волокиты, ненависти, кануелярчины, тупости – ставлю второй вариант мистерии* (В. Маяковский. Я сам); *Местные элиты в шоке* (Сегодня. 7.10.1993); *Фашизмы обречены всегда проигрывать войны* (Литературная газета. 4.10.1995).

Нами изучены особенности функционирования в разных синтаксических позициях абстрактных, вещественных и собирательных существительных. По нашим наблюдениям, синтаксическое употребление абстрактных существительных множественного числа практически не отличается от функционирования в предложении конкретных имен: основными синтаксическими позициями дополнения (57% случаев) и подлежащего (22%). В функции сказуемого, свойственной предикатной лексике, абстрактные существительные множественного числа представлены крайне немногочисленными примерами (2%). В роли обстоятельства и определения абстрактные существительные множественного числа употребляются соответственно в 11% и 8% случаев. Отметим также, что похожее синтаксическое поведение характерно и для других аномальных существительных множественного числа (вещественных, собирательных). Ср.: *Эта шаль пропахла многими табаками и духами* (Б. Пильняк. Человеческий ветер); ...*обвиняли председателя, что эти асфальты, которые он кладет, через три года разваливаются* (А. Курчаткин. Газификация); *Я не коснулся его поэтики, вернее, многих поэтов, ибо Мандельштам чуть ли не единственный поэт, который в движении своего поэтического времени менялся до неузнаваемости* (Ю. Нагибин. Голгофа Мандельштама); *Мелкие гнусы большой политики* (Окна. № 24. 2005). Подробнее об этом см. [Калинина 2006].

Анализ конкретного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что синтаксический критерий не может служить надежной основой для распределения существительных по лексико-грамматическим разрядам.

В качестве вспомогательного можно было бы использовать **словообразовательный критерий**, то есть морфемные показатели существительных, те суффиксы, которые считаются специфическими приметами существительных разных разрядов. О различии словообразовательных типов существительных ср., например [Алексеева 1977; Безрукова 1990; Гаглоева 1993; Земская 1992 и др.]. Но и этот критерий не может рассматриваться как достаточно надежный из-за широкой омонимии суффиксов существительных. Ср.: *крестьян-ств-о* (собир.) и *благород-ств-о* (абстр.); *стир-к-а* (абстр.) и *фигур-к-а* (конкр.); *гон-ец* (конкр.) и *холод-ец* (веществ.); *тиши-ин-а* (абстр.), *свин-ин-а* (веществ.), *льд-ин-а* (конкр.), *скот-ин-а* (собир.).

Таким образом, несмотря на эксплицитный характер выражения, ни словоизменительный, ни синтаксический, ни словообразовательный критерии не позволяют четко разграничить лексико-грамматические разряды существительных.

Обратимся к **семантике** субстантивных имен. Семантика слова – это то, что выражается скрыто, имплицитно, но в итоге определяет и возможности словоизменения, и коммуникативно-синтаксическое функционирование лексемы. В качестве доказательства можно привести факт различной лексико-грамматической принадлежности лексико-семантических вариантов многозначного слова. Ср., например: *Пряно пахли с клумб белые цветы табака* (М. Рошин. Южная ветка); *В кармане нашелся кусок сахара, облепленный табаком* (Ю. Коваль. Вишня); *Эта шаль пропахла многими табаками и духами*.

ми (Б. Пильняк. Человеческий ветер). В первом из этих предложений существительное *табак* выступает в конкретном значении (табак = «цветок, растение»), во втором – в вещественном (табак = «продукт, получаемый из растения»), а в третьем семантика существительного приближается к абстрактной (табак(и) = «запах(и) вещества»). Ср. также: *любовь* «чувство» (абстр.) и *любовь* «объект любви» (конкр.); *старина* «давно минувшее время» (абстр.) и *старина* «антиквариат» (собир.). Показательно, что подобные случаи нашли свое отражение в «Большом толковом словаре русских существительных». Во вступительной статье к данному словарю отмечается: «Если ЛСВ многозначного слова относятся к разным лексико-семантическим группам слов, то каждый ЛСВ семантизируется отдельно в их составе вне соотнесенности значений в семантической структуре слова» [Большой толковый словарь русских существительных 2005: 19].

Как видим, существительные, в основном своем значении относящиеся к одному разряду, в контексте могут употребляться с семантическими и грамматическими признаками другого разряда. Чаще всего семантическая переходность бывает связана с конкретизацией вещественных, абстрактных и отчасти собирательных существительных. Вследствие этого они, преодолевая приписываемую им грамматиками норму (употребление только в единственном числе), приобретают возможность выступать во множественном числе. Ср., например: *Мы не встречались в Латинской Америке с особенно убойными москитами и гнусами* (Комсомольская правда. 20.10.2001) – собирательное в конкретизированном значении «представители гнуса: комары, мошки»; *Одежду (в бане. – Л.К.) в корыто бросил, кипятки толстые пустил, а сам... такой танец в пару устроил, развеселился, распелся* (В. Попов. Не спать, не спать) – то есть «струи кипятка» – вещественное в конкретизированном значении; *В кафелях печей отражались лачатые тени больших латаний и синева окон* (В Ходасевич. Брюсов) – то есть «в блестящих стенах печей, покрытых кафелем» – вещественное в конкретизированном значении; *Природа не создает бессмысленностей и бесцельностей, это удел людей* (Ю. Нагибин. Рассказ синего лягушонка) – то есть «бессмысленных и бесцельных предметов или существ», абстрактное в конкретизированном значении; *В его* (переводчика И. Введенского. – Л.К.) «*Давиде Копперфильде* немало отсебятины и ошибок» (К. Чуковский. Из воспоминаний. Горький) – то есть «мест, содержащих высказывания, которых нет в оригинале произведения» – абстрактное в конкретизированном употреблении; *Бывают у меня и тяжкие похмелья, но и периоды трезвости случаются* (Собеседник. 2001. № 31) – то есть «периоды, в которые я переживаю состояние похмелья» – абстрактное в конкретизированном значении; *Мир трагичен: он представляет собой соперничество различных правд* (Литературная газета. 9. 08.1995) – то есть «точки зрения, каждая из которых по-своему справедлива» – абстрактное в конкретизированном значении.

В рассматриваемых случаях именно семантический сдвиг, изменение значения (вследствие метонимического или, реже, метафорического переноса) влияет на изменение лексико-грамматической характеристики существительного, вследствие чего слова *singularia tantum* приобретают возможность употребляться во множественном числе, абстрактные существительные используются в качестве подлежащего и т.д. Вот как об этом пишет Л.А. Брусенская: «Наибольшую трудность для описания... представляют многочисленные и разнообразные сдвиги в семантике при образовании форм числа... Характер семантических сдвигов находится в прямом соотношении с принадлежностью существительного к определенному лексико-грамматическому разряду» [Брусенская 1994: 33]. Ср. в связи с этим также [Калинина 2001б; 2001в; 2003; Озерова 1987].

Есть все основания полагать, что именно семантика слова играет наиболее важную роль при отнесении слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду. Семантический критерий предполагает наличие переходных и пограничных случаев. Но точно так же не являются строгими, однозначными, абсолютными и все другие рассмотренные критерии (словоизменительный, синтаксический, словообразовательный). При опоре на каждый из них, как это было показано выше, мы находим немало исключений из правил, возможностей различного толкования, несоответствия теории реальному

употреблению слов. Однако надо учитывать, что именно семантический сдвиг вызывает изменения в грамматической форме, в синтаксическом функционировании; именно семантика определяет выбор суффикса с тем или иным значением. Поэтому при равных «стартовых возможностях» семантического, словоизменительного, синтаксического, словообразовательного критериев (то есть при наличии у каждого из них определенных плюсов и минусов) предпочтение следует отдавать именно семантике.

Понять семантические отношения слов – значит понять их системно-иерархические отношения, установить главные и второстепенные направления смыслового взаимодействия, установить смысловую субординацию. Эту задачу ставят перед собой и авторы «Русского семантического словаря». Ср.: «Важной и не решенной до конца проблемой является вопрос о “пересечении классов”. Такие пересечения, безусловно, существуют. В то же время очевидно, что изучению разных видов семантических пересечений обязательно должно предшествовать установление самих лексических классов и их иерархической устроенности» [Русский семантический словарь 1998: XI].

Признавая главным критерием распределения существительных по разрядам семантический, мы должны попытаться найти тот стержень, вокруг которого строятся смысловые отношения существительных. Бряд ли можно признать полностью удовлетворительными традиционно приводимые семантические характеристики существительных: «*конкретные* существительные обозначают предметы, которые существуют в виде отдельных экземпляров или особей... *отвлеченные* (абстрактные) существительные обозначают абстрактные понятия – свойства, качества, а также действия и состояния... *вещественные* существительные обозначают однородные по составу вещества (однородную массу чего-либо), материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого... *собирательные* существительные обозначают неопределенное множество предметов или лиц как одно неделимое целое» [Шанский, Тихонов 1981: 102–103]. Такого рода характеристики являются общепринятыми. Однако они нуждаются в уточнении. Для их уточнения целесообразно обратиться к когнитивным категориям.

Совмещение когнитивных и семантических оснований для классификации существительных вполне возможно. Вот как об этом пишет Л.М. Васильев: «При всем их своеобразии когнитивные и семантические категории, равно как и их модели, очень тесно связаны друг с другом, ибо и те и другие имеют концептуальную природу... и поэтому любая речевая (текстовая) реализация языка опирается не только на языковое, но и на неязыковое значение; когнитивные категории как бы включают языковую картину мира в ментальную его картину» [Васильев 2006: 209]. Попытаемся ответить на вопрос о том, на каком когнитивном основании предметный мир в представлении человека делится на объекты конкретные, вещественные, собирательные и абстрактные, которые в языке репрезентируются с помощью соответствующих лексико-грамматических разрядов существительных. Как пишет Дж. Лакофф, «понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем, и следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами» [Лакофф 2004: 20]. Обратимся к характеристике лексико-грамматических разрядов существительных с обозначенными позициями.

По всей вероятности, расчленение действительности на отдельные предметы, неделимые вещества, совокупные множества и отвлеченные качества наиболее удобно для человеческого мышления, для человеческого видения мира. Ср. суждение Е.С. Кубряковой: «Вместо того, чтобы спрашивать о том, что значат слова отдельных частей речи, целесообразнее задаваться вопросом о том, на обозначение каких фрагментов мира они направлены и номинацией каких величин, каких сущностей в мире действительном и в мире вымышленном они служат» [Кубрякова 1996: 219–220]. Как подчеркивает Е.В. Рахилина, «для понимания природы этих отношений чрезвычайно существенно, что они не присущи действительности как таковой, а вносятся человеческим разумом» [Рахилина 2000: 36]. Человеку же свойственно прежде всего прагматически-оценочное отношение к действительности, то есть такое, при котором человек исходит из необходимости удовлетворять свои потребности и желания и именно с этой точки зрения оце-

нивает явления и факты действительности. Каким образом для нужд человека может быть использован тот или иной объект, представляет ли он ценность сам по себе или только в комбинации с другими объектами, какие свойства объекта являются наиболее значимыми (опасными, полезными) для человека и т.п. – такого рода вопросы и обнаруживаются в человеке прагматика (о чертах, присущих субъекту-прагматику, и о моделях его поведения ср. [Чернова 2001]). С учетом когнитивно-прагматических факторов семантические приметы существительных разных лексико-грамматических разрядов могут быть определенным образом уточнены.

Основную массу существительных составляют **конкретные имена**, то есть слова, имеющие отдельные, единичные предметы, экземпляры, особи. Что дает нам анализ такой характеристики, как «отдельность» предмета? Не вызывает сомнений, что под «отдельностью» следует понимать и ограниченность предметов в пространстве и/или времени, и возможность оперировать этими предметами, и возможность воспринимать их всеми органами чувств, и возможность свободно исчислять такие предметы. Все эти признаки «отдельности» являются справедливыми и учитываются при классификации существительных. Но все они отражают лишь внешние приметы объектов действительности и дают лишь самое общее представление о том, каков объект.

На наш взгляд, при установлении лексико-грамматического разряда существительного следует задаваться еще и такими вопросами: *для чего* этот объект? *Какую роль* он играет в жизни человека и/или в мире вообще? *Каково предназначение* этого объекта с точки зрения человека? И с этих позиций на «отдельность» конкретного предмета можно взглянуть по-другому: конкретные предметы – это такие, которые *значимы даже в одном (или единственном) экземпляре, значимы каждый по отдельности*. То есть *каждый конкретный (отдельный) предмет имеет в представлении человека определенную ценность, определенное предназначение, определенную область применения*. В простейшей форме это можно выразить так, как это сделал в известном стихотворении для детей С. Маршак: «Это стул, на нем сидят. Это стол, за ним едят». Именно конкретные существительные представляют в языке когнитивные категории базового уровня, то есть такого уровня, «на котором единичный ментальный образ может отражать целую категорию» [Лакофф 2004: 71].

Свое назначение есть не только у предмета в целом, но и у его части, детали. Например, целый дом нужен для того, чтобы в нем жить. Но и каждая часть дома: фундамент, стены, крыша, крыльце, окна и т.д. – тоже имеет свое предназначение и выполняет его, даже будучи представленной в одном экземпляре. В одно окно (как и в несколько) можно видеть мир, одна стена (как и три остальные) защищает от ветра и поддерживает крышу и т.п. При желании дом можно разобрать «по кирпичику», и до тех пор, пока мы будем способны определить предназначение *отдельной* детали (оконная рама, дверная ручка, плинтус, гвоздь...), мы и будем иметь дело с *конкретными* предметами. Это положение соответствует выводу ученых-когнитивистов о том, что «наши знания на базовом уровне организуются главным образом по линии разделения *целое – часть*» [Лакофф 2004: 73].

Каждый из конкретных предметов существует не просто так, а *зачем-то*. Вопросы *зачем* и *для чего* являются очень важными в жизни человека, и адресует их человек прежде всего самому себе. Как только человек осознает свою *отдельность и самостоятельность в мире*, он спрашивает себя: *зачем я есть?* Человек – это главный конкретный объект в мире, по крайней мере в собственных глазах. И все другие материальные объекты, которые человек считает значимыми в одном экземпляре, по отдельности, признаются им конкретными и «равновеликими» себе, способными выполнять собственное предназначение. Как пишет Дж. Лакофф, «возможно, наилучший способ обрисовать специфику категорий базового уровня – это сказать, что они “соразмерны с человеком”» [Лакофф 2004: 78]. Ср. в этой связи рассуждения героя Пауло Коэльо: «“Лучше быть готовым к сюрпризам погоды”, – думал Сантьяго с чувством благодарности к куртке за то, что она такая тяжелая и теплая. В общем, как у нее свое предназначение, так у Сантьяго – свое» (П. Коэльо. Алхимик). Примерами таких, зна-

чимых для человека даже в одном экземпляре, конкретных объектов могут служить все без исключения артефакты – предметы, «являющиеся продуктом целенаправленной человеческой деятельности» [Крысин 2005: 89]: дом, стол, автомобиль, тетрадь, бомба, ракета, компьютер и т.д., а также любые их части и детали. Конкретными объектами в этом смысле признаются все животные: сельскохозяйственные, промысловые, домашние, дикие, так как все животные либо как-то используются человеком в его интересах (то есть имеют предназначение, осознаваемое человеком), либо «соразмерны с человеком» как базовые категории окружающего мира. То же самое можно сказать о большей части растений (о тех, которые воспринимаются «поштучно»: дуб, береза, тополь, ромашка, одуванчик и под.).

Объекты, которые представляются человеку такими же отдельными, самостоятельными, индивидуальными, как он сам; имеющими определенную ценность, которая свойственна каждой отдельной особи, каждому отдельному экземпляру, обозначаются в языке конкретными существительными. На языковом уровне категория конкретности поддерживается (но не определяется) такими факторами, как свободное употребление в формах обоих чисел, непосредственная сочетаемость с количественными определителями, прецессивное употребление в синтаксической позиции подлежащего и дополнения, оформление с помощью ряда специфических суффиксов. В случае с конкретными существительными мы обнаруживаем гармоничное соответствие между семантикой «отдельности» и ее грамматическим оформлением.

Именно на базе конкретных имен (названий целостно воспринимаемых отдельных объектов) исторически возникли все остальные разряды существительных. Их появление обусловлено развитием абстрактного мышления. Имена древнего языка были по своей природе синкетичны, выражали представление сразу о множестве свойств и функций объекта (см. об этом [Дегтярев 1982: 40, 57; Пименова 2001; Безман 2001] и др.). По мере развития человеческого мышления из синкетичной семантики древних имен выделились идеи вещественности, собирательности, отвлеченностии. Но для чего, зачем в языке появились эти категории, какие отношения они призваны передать?

Вещественные существительные определяют обычно так: «Вещественные существительные лексически обозначают вещества» [Русская грамматика 1980: 462; Камынина 1999: 39], а затем следует подробное перечисление (пищевые продукты, материалы, виды тканей, ископаемые, металлы, химические элементы и т.д.). При использовании такого аморфного определения может возникнуть проблема, сформулированная Е.П. Калечиц. Ср.: «...Расплывчато само понятие “вещество”, обозначение которого и выделяет существительные в разряд вещественных. В самом деле, *молоко* – это вещественное существительное, но ведь молоко в житейском понимании – это не вещество, поскольку слово *вещество* скорее воспринимается как книжно-техническое» [Калечиц 1977: 62]. Что же такое «вещество»?

В «Большом толковом словаре русских существительных», структура которого сформирована «на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности» [Большой толковый словарь русских существительных 2005: 17], вещество характеризуется следующим образом.

Выделяется особая денотативная сфера под названием «Вещество». В эту большую группу включаются существительные, обозначающие физические и химические свойства, биологическую активность вещества (*антистатик*, *диэлектрик*, *электролит*); обозначающие металлы (*алюминий*, *железо*, *хром*); металлические сплавы (*бронза*, *мельхиор*, *чугун*); кристаллические и порошкообразные вещества (*йод*, *мука*, *пудра*); жидкости вещества (*алкоголь*, *деготь*, *кипяток*); жировые и маслянистые вещества (*вакса*, *жир*, *помада*); затвердевающие вещества, вязкие массы, смеси (*асфальт*, *пластмасса*, *эмаль*); обозначающие газы (*водород*, *озон*, *фтор*); продукты живой природы (*воск*, *глюкоза*, *мочевина*); красящие вещества (*белила*, *охра*, *хна*); ядовитые, отравляющие, наркотические вещества (*анаша*, *героин*, *никотин*); горючие вещества (*бензин*, *кокс*, *нефть*); обозначающие часть вещества (*накипь*, *осадок*, *пыль*).

Вещество представлено в словаре и в составе других денотативных сфер и групп: «физиологические жидкости, физиологические вещества, продукты жизнедеятельности организма живого существа» (кровь, моча, перхоть); «минералы» (гипс, глина, мрамор); «почва» (грязь, гумус, чернозем); «атмосферные осадки» (град, роса, снег); «травянистые растения со съедобными плодами и листьями» (картофель, овес, ячмень); «пищевые продукты» (ванилин, колбаса, свинина); «кушанье» (варенье, каша, суп); «напиток» (вино, кефир, шартрез); «материал» (для изготовления одежды) (бархат, замша, хлопок); «корма и удобрения» (компост, навоз, сено); «материал, вещество» (на производстве) (вискоза, древесина, сталь); «лекарства» (вазелин, микстура, присыпка); «строительный материал» (алебастр, кафель, пакля).

Как видим, в «Большом толковом словаре русских существительных» денотативная сфера «Вещество» представлена весьма разнообразно. Однако все слова, обозначающие вещество, можно разделить на две основные группы. Первая связана с «книжно-техническим», по словам Е.П. Калечиц, пониманием вещества как исходной материи (твердой, жидкой, газообразной; органической или неорганической и т.п.), из которой состоят (полностью или частично) все конкретные объекты. Вторая группа называет «расходные материалы», «сырье» для поддержания существования конкретных объектов и отчасти – «отходы» их существования. Например, конкретный объект гора состоит из гранита, который обеспечивает само существование, наличие в мире этой горы. Разрушаясь, гора превращается в гранитную крошику, песок, пыль. Эти «отходы», в свою очередь, могут быть использованы для создания других конкретных объектов (например, для строительства домов, возведения монументов) и т.д. Исходя из этого, попытаемся найти инвариантное, обобщающее определение вещества.

Можно полагать, что вещественные существительные обозначают *то, из чего изначально состоит или создается объект (и его детали) и то, что нужно для дальнейшего продления его бытия, а также отходы его материального существования*. Поскольку, как уже было отмечено, самым важным конкретным объектом является сам человек, то большая часть вещественных существительных называет субстанции, необходимые для обеспечения материального существования человека. Историческое появление категории вещественности, по-видимому, объясняется pragmatischen, во многом потребительским взглядом человека на мир. Ср. в связи с этим замечание А.А. Потебни: «Древний... человек смотрел на природу только своекорыстно; ...как детям, природа нравилась ему, насколько была полезна» [Потебня 1999: 67]. Поэтому значительная часть «вещества» – это все то, что может служить материальной основой для обеспечения жизненно важных для человека процессов. Например, для питания нужны продукты и напитки: мясо, хлеб, горох, картофель, тесто; вода, квас, пиво, чай, молоко. Для заботы о здоровье нужны лекарства: микстура, мазь, бальзам, анальгин, дикасол. Для строительных работ – глина, песок, гипс, гранит, древесина. Для производства одежды – шерсть, шелк, хлопок, лен, бархат. Для чеканки денег и изготовления украшений – золото, серебро, медь, платина, мельхиор. Об этом же пишет А.В. Олянич. Ср.: «Весь материальный мир с точки зрения Человека Потребляющего так или иначе расценивается как объект потребления и утилизации; главной целью рода человеческого по отношению к материальному миру является поиск и изъятие из него вещества, годного к продолжению жизни человеческого организма... Этот глобальный когнитивный посыл связан с базовым стремлением человека к всеобщей утилизации материального мира» [Олянич 2003: 169]. Ю.Е. Перевозова описывает эксперимент, в ходе которого информанты должны были обнаружить свои представления о веществах (водороде, гелии, литии, углероде и других; всего 48 наименований). Эксперимент показал, что «в основе систематизации категории “Простое химическое вещество” обыденными носителями языка лежат как научные знания, в соответствии с которыми все простые вещества делятся на металлы, газы, так и “обыденные” признаки (“Перцепция”, “Ценность”, “Полезность”, “Использование”)... Обыденное сознание является pragmatically ориентированным... Именно на основе функции обычный человек классифицирует вещи» [Перевозова 2005: 413]. Следовательно, значительная часть вещественных существи-

тельных именует то, что может быть использовано в чисто утилитарном отношении: съедено, выпито, применено для изготовления других полезных предметов, для строительства и т.п. Ср. ряд примеров: *Стены и пол были из железа* (В. Попов. Южнее, чем прежде); *Курицы действительно не было, но были горячие щи из свежего мяса... да еще пироги с капустой и творогом* (В. Попов. Поиски корня); *Накинув фланелевые пижамы, пили кофе, шоколад, какао* (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско); *Над диваном висела огромная картина маслом, освещенная двумя электрическими бра* (К. Вагинов. Бамбочада); *Успокоиться изволь ты: Сплошь одни каракули Здесь отпущены на польты. Ай, люли* (Г. Оболдуев. Вариации). В лингвистической литературе отмечается особый рост в языке количества вещественных существительных в последние десятилетия, вызванный развитием науки (химии, фармакологии): человек создает для себя новые полезные вещества, и их названия входят в язык (ср., например [Шанский, Тихонов 1981: 77]).

Традиционная грамматика рекомендует употреблять вещественные существительные только в единственном числе, хотя допускает употребление множественного числа от вещественных существительных в тех случаях, когда их значение конкретизируется и они обозначают: 1) сорта или виды вещества (*грузинские вина, лечебные грязи*), 2) изделия из данного вещества (*ходить в бархатах, есть на хрусталах*), 3) большое пространство, покрытое веществом (*льды Арктики, пески Сахары*) [Современный русский язык 2003: 398–399]. По мнению многих лингвистов, в современной речи эти случаи должны рассматриваться уже не как исключения, а как норма, ввиду того что конкретизированные формы множественного числа от вещественных имен получили сегодня крайне широкое распространение. Ср., например [Брусенская 1994; Валгина 2001; Градина 1980; Калинина 2004; 2005; 2006]. Поэтому грамматический признак этих существительных (употребление в форме единственного числа) уже не может считаться определяющим, в то время как их когнитивно-семантическая природа остается неизменной.

Собирательные существительные, согласно традиционным определениям, называют «совокупность однородных предметов или лиц как единое целое» [Современный русский литературный язык 2003: 370]; ср. также [Рахманова, Суздальцева 2003: 264; Камынина 1999: 40] и употребляются в единственном числе. Данное определение не дает однозначного представления о собирательности. При таком подходе так и остается нерешенным вопрос о словах типа *толпа, стадо, группа*, которые ряд исследователей (А.А. Шахматов, А.Н. Гвоздев, Е.П. Калечиц) также «по чисто смысловым основаниям» [Гвоздев 1958: 145] относит к собирательным. Ср. рассуждения Е.П. Калечиц: «Сомнения, относить ли их к собирательным или не относить, могут возникнуть не потому, что они имеют форму множественного числа или сочетаются с числительными, а потому, что они занимают промежуточное положение между собирательными существительными и неопределенно-счетными словами: это слова, которые сами используются как единицы измерения, но неразрывно связаны с представлением о совокупности... Значение совокупности существительных *полк, труппа, комиссия, стая* и т.п. вполне естественно вводит их в разряд собирательных существительных» [Калечиц 1977: 59–60].

Как нам кажется, разрешить существующие сомнения можно было бы, уточнив определение собирательных существительных с когнитивно-прагматической точки зрения, указав на то, что собирательные имена используются при необходимости назвать только такую совокупность предметов, которая приобретает новое качество по сравнению как с отдельным предметом, так и с раздельным множеством предметов этого класса (*посуда, студенчество, зверье, мебель, молодежь*). Ср. остроумное замечание В.А. Плунгяна: «...три стакана – это еще не посуда, пять студентов – еще не студенчество» [Плунгян 2000: 279]. По словам В.И. Дегтярева, «собирательность – это совокупное множество однородных предметов, мыслимое материально-качественно, безотносительно к его количественному содержанию» [Дегтярев 1982: 56]. Поэтому указание на то, что собирательные существительные, в отличие от вещественных, называют «объединения отдельных экземпляров, допускающих счет» [Гвоздев 1958: 144],

представляется нерелевантным: зачем считать студентов в студенчестве, если это не важно для идеи собирательности? Важным является другое: собирательность предполагает такое сущностное, значимое качество, которое отличает данный класс от объектов другого класса. Ср. об этом у А.А. Холодовича: «Каждое множество – это особая единица, особая индивидуальность» [Холодович 1979: 190]. Очевидно, назначение собирательных существительных изначально было в том, чтобы отличить, «кто с кем одной крови», отличить классы объектов друг от друга. Это значит, что категория собирательности находится на ином, более высоком уровне абстракции по сравнению с названиями конкретных предметов. Вот как это показывает Дж. Лакофф: «Например, мы имеем ментальные образы стульев – абстрактные образы, которые не соответствуют какому-либоциальному стулу... Но когда мы переходим от категории базового уровня *стул* к вышестоящей категории *мебель*, ситуация меняется. У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые бы не были образами объектов базового уровня, таких, как *стул*, *стол*, *кровать* и т.д. Попытайтесь представить предмет мебели, который бы выглядел не как *стул*, *стол*, *кровать* и т.д., но как нечто более абстрактное. Очевидно, что это невозможно» [Лакофф 2004: 78]. Если подойти с этой точки зрения к словам типа *толпа*, *стадо*, *полк*, *отряд*, *табун*, *группа*, то их «ментальный образ» вполне можно представить, потому что они характеризуют совокупность лишь количественно, без перехода «количество в качество»: *толпа*, *отряд*, *полк*, *группа* – это определенное количество *людей*, а ментальный образ человека есть у каждого; *табун*, *стадо*, *стая* – это определенное количество *животных* (лошадей, коров, волков), и эти образы также существуют в нашем сознании. Поэтому рассматриваемые слова целесообразно признать конкретными, ср.: *солдат* – *солдаты*, *полк* *солдат*; *лошадь* – *лошади*, *табун лошадей*. Значимым остается и то, что слова типа *толпа*, *стадо*, *полк*, *отряд* называют «такие совокупности, которые имеют место наряду с другими такими же совокупностями, а потому могут быть сосчитанными» [Современный русский литературный язык 2003: 371].

В смысловом отношении качественное отличие собирательности от простой множественности подчеркивается также тем, что собирательные существительные нередко приобретают оценочное значение (чаще отрицательное), не свойственное соответствующим конкретным существительным. Ср.: *вороны* (не содержит оценки в прямом значении) и *воронье* (с коннотациями ‘черное’, ‘крикливое’, ‘летает тучами’, ‘не к добру’); *солдаты* (нейтральное) и *солдатня* (‘грубая’, ‘неотесанная’). Как отмечают И.А. Букринская и О.Е. Кармакова, «многие собирательные существительные эмоционально окрашены, они передают отношение к данному классу предметов, актуализируя набор признаков, присущих именно этому классу» [Букринская, Кармакова 2003: 413]. Наш материал подтверждает наблюдения И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой. Ср., например: *люди* (как простое увеличение количества объектов) и *человечество* (‘все, когда-либо жившие или живущие на Земле люди’, ‘обобщенный носитель всех лучших черт, какие могут присутствовать в человеке’). 1) *Легко представить себе какой-нибудь день во Флоренции или в Венеции в очень давнюю эпоху. Лето, синева неба, золото соборов, статуи... Менялы, солдаты, торговцы, ремесленники, дети, женщины с золотыми сеточками в прическе. Словом – люди, те же люди, ничем не отличающиеся от нас, такие же люди на паре ног, с парой глаз, с парой рук, с соринками, влетающими в ветреный день в глаз* (Ю. Олеша. Ни дня без строчки). 2) *Осенью сорок первого выходили они из окружения на Смоленищине, двенадцать человек, все из разных частей, до этой поры не знавшие друг друга. И вот эти двенадцать человек – понял тогда Николай Иванович, почувствовал это – и есть человечество... Двенадцать человек, которых вел он из окружения, веривших ему, и были – человечество* (Г. Бакланов. Свет вечерний). В первом из приведенных примеров подчеркивается тождество объектов (людей) друг другу («*те же люди, ничем не отличающиеся от нас, такие же люди на паре ног, с парой глаз, с парой рук...*»), их разъединенное множество, в котором четко выделяются отдельные его составляющие (*менялы, солдаты, торговцы, ремесленники, дети, женщины*), поэтому используется обычная форма множественного числа конкретного су-

ществительного. Во втором примере подчеркивается качественное отличие, качественное изменение, произошедшее с совокупностью объектов (людей) – они стали восприниматься не просто как разрозненные «люди с парой глаз, с парой рук», а стали олицетворять собою человечество как весь человеческий род в целом, добрые свойства и природу людей вообще. Поэтому для обозначения таких объектов выбирается уже не форма множественного числа (*люди*), а собирательное существительное (*человечество*). Собирательные объекты, как видим, приобретают в своей совокупности новую значимость по сравнению с конкретными, и именно в выражении этой новой значимости и состоит их предназначение.

Собирательные существительные составляют, по словам Л.А. Брусенской, «самую стойкую сингулярную группу среди неконкретных существительных» [Брусенская 1994: 22]. Тем не менее в современной речи встречаются случаи конкретизации и последующей плурализации собирательных существительных. Прежде всего следует отметить случаи метонимии, когда название совокупности переносится на отдельные предметы, составляющие эту совокупность. Ср., например: *Кое-как расставив тяжелые мебели быта, математики усаживаются на них вычислять* (А. Белый. На рубеже двух столетий) – то есть «предметы мебели»; *Мы не встречались в Латинской Америке с какими-то особенно убойными москитами и гнусами* (Комсомольская правда. 20 октября 2001) – то есть «с представителями гнуса»; *Граненый столбик. Простачок. Среди других посуд Он тем хороши, что одинок. Такой простой сосуд* (А. Кушнер. Стакан) – то есть «среди других предметов посуды». Этот факт говорит о том, что грамматические приметы собирательных существительных могут изменяться, но их категориальное значение, их когнитивные характеристики такому изменению не подвержены.

Следовательно, собирательными следует признавать в первую очередь те слова/понятия, которые объединяют предметы в совокупности на основе найденного человеком и важного для него категориального признака качественно нового, более высокого уровня, и которые трудно представить в виде определенного «ментального образа». Ср. также замечания о выделении центра и периферии в разряде собирательных существительных в работе [Букринская, Кармакова 2003].

Абстрактные существительные находятся в наиболее сложных, противоречивых отношениях с конкретными именами. Абстрактное – это противоположность конкретному, хотя исторически, как пишет В.И. Дегтярев, «отвлеченность... формируется на основе конкретности... Абстрагирование совершается на базе слова путем дифференциации смыслов, обобщения семантики, преодоления многозначности и семантической дробности, изменения предметно-логического содержания» [Дегтярев 1982: 283–284]. Яркий пример того, как на базе конкретного понятия могло возникнуть абстрактное, находим у Р. Киплинга, который рассказывает древнеиндийскую легенду о том, «как Страх пришел в джунгли», вкладывая ее в уста слона Хатхи. Ср.: «...бульволы принесли весть, что в одной пещере в джунглях сидит Страх, что он безволосый и ходит на задних лапах. Тогда все мы пошли за стадом буйволов к этой пещере, и Страх стоял там у входа... Увидев нас, он крикнул, и его голос вселил в нас тот страх, который мы знаем теперь» (Р. Киплинг. Маугли).

Когнитивно-прагматическая значимость абстрактных существительных состоит в том, чтобы дать имя нематериальным сущностям, в частности назвать: а) отвлеченный признак, присущий разным объектам действительности (*быстрота лошади, бега, танца, мысли, реакции*); б) отвлеченное действие, которое может совершаться разными деятелями или производиться над разными объектами (*чтение мамы, артиста, учителья; чтение книги, газеты, лекции*); в) отвлеченное состояние или чувство, которое может возникать в разных ситуациях (*затишье перед бурей, в перестрелке, в отношениях; любовь к матери, сыну, Родине*); г) отвлеченное понятие, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно (*философия, справедливость, совесть*). Ср.: *Есть диковинные слова, которые обозначают вещи, не существующие в природе, например, суть* (В. Пьецух. Предсказание будущего). Ср. в

связи с этим разделение абстрактных существительных на отвлеченные и собственно абстрактные в работе [Чернейко 1997].

Абстрактные понятия и категории сами по себе не удовлетворяют мыслительных и духовных потребностей человека. Все абстрактное в широком смысле в реальной жизни оценивается человеком как нечто неорганизованное, аморфное, не имеющее четкого содержания и потому раздражающее, бесполезное, мертвое. Ср. некоторые примеры из художественной литературы, иллюстрирующие эту особенность отношения человека к абстрактному: *На мой взгляд, – сказал я, – основная масса наших ошибок заключается в склонности к обобщениям* (В. Пьецух. Предсказание будущего); *Лев Михайлович, при всей широте взглядов... тем не менее никогда не понимал и не любил абстракций* (М. Рошин. Синдром Сушкина); *Страх перед реальным мужем всегда оказывается сильнее, нежели перед абстрактным, о котором говорят "мой идиот"* (М. Рошин. Южная ветка); *Поругали профессора теормеха и заодно сам теормех, потому что в жизни таких абстракций не существует* (И. Грекова. Вдовий пароход); *Уходящие вещи оставляли умирающему свои имена. В мире было яблоко. Оно блестало в листве, легонько вращалось, схватывало и поворачивало с собой куски дня, голубизну сада, переплет окна... В яблоке таилось множество причин, могущее вызвать еще большее множество следствий. Но ни одна из этих причин не предназначалась для Пономарева. Яблоко стало для него абстракцией... И то, что плоть вещи исчезала от него, а абстракция оставалась – было для него мучительно* (Ю. Олеша. Лиомпа).

В речи, как мы уже отмечали, абстрактные существительные часто тем или иным образом конкретизируются, что ведет к появлению переходных случаев, требующих особой лексико-грамматической характеристики. Конкретизация абстрактных существительных в настоящее время активно изучается. В частности выделяются особые типы контекстов, в которых такая конкретизация совершается чаще всего и в которых формы множественного числа абстрактных существительных воспринимаются как закономерные. Ср., например [Брусенская 1987; 1994; Калинина 1999; Озерова 1987; Яцкевич 1981]. Абстрактные существительные из всех так называемых *singularia tantum* наиболее склонны к конкретизации, поэтому для них грамматическое правило об употреблении в форме только единственного числа уже практически не соблюдается. Поэтому и необходимо при классификации существительных обращать внимание на их семантику и когнитивно-прагматическую предназначенность.

Существование разнообразных семантических пересечений приводит к необходимости выделять в рамках каждого разряда центр и периферию, то есть случаи бесспорной лексико-грамматической принадлежности и случаи, допускающие неоднозначное толкование. В настоящей статье мы попытались показать, какие существительные в каждом из разрядов можно отнести к «центру», если традиционные семантические определения подкрепить когнитивно-прагматическими основаниями. Наши выводы состоят в следующем.

Лексико-грамматические разряды существительных – это прагматически необходимое человеку языковое средство характеристики объектов действительности, средство структурирования окружающего мира. Каждый разряд выполняет в языке свое предназначение, каждый отражает какую-то сторону языковой картины мира человека. *Конкретные существительные* называют самоценные в человеческом представлении объекты, то есть объекты, значимые для человека даже в одном отдельном экземпляре. *Вещественные существительные* называют материю, из которой изначально состоит или создается объект (и его детали) и которая нужна для дальнейшего продления его бытия, а также отходы существования объекта. *Собирательные существительные* называют объекты, значимые только в своей совокупности, приобретающие в этой совокупности новое качество. *Абстрактные существительные* представляют собой имена нематериальных сущностей (идей), важные для обеспечения интеллектуально-духовной жизни человека.

Таким образом, когнитивно-прагматический подход к классификации субстантивных имен, то есть учет того, как человек воспринимает и классифицирует внеязыковые объ-

екты, помогает понять, для чего в языке существует каждый из лексико-грамматических разрядов. Это в свою очередь ведет к уточнению семантических оснований классификации существительных по данным разрядам. Поскольку содержание и форма, означаемое и означающее – это две взаимообусловленные и взаимосвязанные стороны языкового знака, то уточнение семантического критерия классификации придаст большую объяснительную силу и грамматическим критериям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева 1977 – Э.В. Алексеева. О морфологической структуре имен существительных с суффиксом -ств(о) // ФН. 1977. № 3.
- Арутюнова 1999 – Н.Д. Арутюнова. Логико-коммуникативная функция и значение слова // Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999.
- Безман 2001 – Е.В. Безман. Философские истоки синкремизма как древнерусского языкового явления // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.
- Безрукова 1990 – А.А. Безрукова. Существительные с графическими финалями -ie, -ье (словообразовательный, семантический и нормативный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.
- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Категории мышления и категории языка // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Большой толковый словарь русских существительных 2005 – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2005.
- Бондаренко 1991 – М.Г. Бондаренко. Множественное поэтическое: Функциональный и сущностный аспекты (На материале русской поэзии 1-й трети XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1991.
- Бондарко 1976 – А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Брусянская 1987 – Л.А. Брусянская. Множественное число отвлеченных существительных и норма // РЯШ. 1987. № 6.
- Брусянская 1994 – Л.А. Брусянская. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1994.
- Букринская, Кармакова 2003 – И.А. Букринская, О.Е. Кармакова. О категории субъектности в литературном языке и русских говорах // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. М., 2003.
- Валгина 2001 – Н.С. Валгина. Активные процессы в современном русском языке: Уч. пособие для студентов вузов. М., 2001.
- Васильев 2006 – Л.М. Васильев. Когнитивные, семантические и грамматические категории языка // Л.М. Васильев. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа, 2006.
- Виноградов 1938 – В.В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М., 1938.
- Винокур 1991 – Г.О. Винокур. О языке художественной литературы. М., 1991.
- Гаглоева 1993 – Э.Х. Гаглоева. Новообразования с суффиксом «ация» в современном русском языке // Структурно-семантический и функционально-стилистический анализ единиц русского языка. Тула, 1993.
- Гвоздев 1958 – А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1958.
- Грамматика русского языка 1953 – Грамматика русского языка: В 2-х томах. Т. 1. М., 1953.
- Граудина 1980 – Л.К. Граудина. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.
- Даниленко 1977 – В.П. Даниленко. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Дегтярев 1982 – В.И. Дегтярев. Категория числа в славянских языках. Ростов, 1982.
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Земская 1992 – Е.А. Земская. Словообразование как деятельность. М., 1992.

- Золотова 1982 – Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова и др. 1998 – Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кадькалов 1966 – Ю.Г. Кадькалов. О значении и употреблении однокоренных имен существительных с суффиксами -ость и -ие // РЯШ. 1966. № 5.
- Калечиц 1977 – Е.П. Калечиц. Переходные явления в области частей речи. Уч. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1977.
- Калинина 1999 – Л.В. Калинина. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киров, 1999.
- Калинина 2001а – Л.В. Калинина. К проблеме жанрово-стилевой обусловленности форм абстрактных существительных множественного числа // Научный вестник Кировского филиала Московского государственно-экономического ин-та. № 9. Т. 2. Киров, 2001.
- Калинина 2001б – Л.В. Калинина. О разной лексико-грамматической принадлежности лексико-семантических вариантов существительного // Теория языкоznания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.
- Калинина 2001в – Л.В. Калинина. О влиянии процесса метонимии на возможность сочетания существительных *singularia tantum* с количественными определителями // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф. Владимир, 2001.
- Калинина 2003 – Л.В. Калинина. «Мешок визга», или Метафора как средство квантификации анумеральных существительных // Актуальные проблемы современной филологии. Языкоznание. Сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Киров, 2003.
- Калинина 2004 – Л.В. Калинина. К вопросу о квантификации анумеральных существительных // Семантика. Функционирование. Текст. Межвуз. сборник науч. трудов. Киров, 2004.
- Калинина 2005 – Л.В. Калинина. От единства к единице // Вестник Вятского гос. гуманит. ун-та. Науч.-метод. журнал. Киров, 2005. № 12.
- Калинина 2006 – Л.В. Калинина. К вопросу о синтаксическом употреблении вещественных и собирательных существительных // Семантика. Функционирование. Текст. Межвуз. сборник науч. трудов. Киров, 2006.
- Камынина 1999 – А.А. Камынина. Современный русский язык. Морфология. М., 1999.
- Колшанский 1990 – В.Г. Колшанский. Объективная картина мира в познании и в языке. М., 1990.
- Комарова 1988 – Н.Ю. Комарова. Стилистически направленное изучение категории числа существительного в курсе современного русского языка // РЯШ. 1988. № 6.
- Красильникова 1990 – Е.В. Красильникова. Имя существительное в разговорной речи. Функциональный аспект. М., 1990.
- Крысин 2005 – Л.П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
- Кубрякова 1996 – Е.С. Кубрякова. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. Сборник статей. М., 1996.
- Лакофф 2004 – Дж. Лакофф. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Лукин 1990 – В.А. Лукин. Семантические примитивы русского языка. Основы теории. М., 1990.
- Мирошникова 2004 – З.А. Мирошникова. Когнитивно-функциональные особенности отвлеченных имен действия // Русский язык и славистика в наши дни. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова. М., 2004.
- Озерова 1987 – Н.Г. Озерова. Многозначность существительного и его грамматическая характеристика // ВЯ. 1987. № 5.
- Олянич 2003 – А.В. Олянич. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже ХХ–XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник науч. трудов. М., 2003.
- Перевозова 2005 – Ю.Е. Перевозова. Категоризация естественных объектов и ее отражение в категоризации лексических единиц // Реальность, язык и сознание. Междунар. межвуз. сборник науч. трудов. Тамбов, 2005.
- Пименова 2001 – М.В. Пименова. Трансформация семантического синкрезизма // Теория языкоznания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.

- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Потебня 1958 – *А.А. Потебня*. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Потебня 1999 – *А.А. Потебня*. Мысль и язык. М., 1999.
- Рахилина 2000 – *Е.В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рахманова, Сузальцева 2003 – *Л.И. Рахманова, В.Н. Сузальцева*. Современный русский язык. М., 2003.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2-х томах. Т. 1. М., 1980.
- Русский семантический словарь 1998 – Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1998.
- Сергеев 1996 – *В.А. Сергеев*. Категория количества и особенности ее выражения в языке публицистики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Современный русский литературный язык 2003 – Современный русский литературный язык / Под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова. М., 2003.
- Современный русский язык 2003 – Современный русский язык / Под общ. ред. Л.А. Новикова. М., 2003.
- Современный русский язык 2004 – Современный русский язык / Под ред. Е.Ю. Кузнецовой. М., 2004.
- Холодович 1979 – *А.А. Холодович*. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Чернейко 1997 – *Л.О. Чернейко*. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чернова 2001 – *С.В. Чернова*. О терминологическом и нетерминологическом употреблении слов *прагматизм, прагматика, прагматик, прагматичный* // Теория языкоznания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.
- Шанский, Тихонов 1981 – *Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов*. Современный русский язык: В 3-х томах. Ч. 2. М., 1981.
- Яцкевич 1981 – *Л.Г. Яцкевич*. О семантической и функциональной неоднородности форм числа существительных в речи // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981.

© 2007 г. А. В. ШАЦКОВ

К ВОПРОСУ О НАЗАЛЬНОМ ПРЕЗЕНСЕ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ: *DUWARNE-*

В статье рассматривается морфологическая структура хеттского глагола *duwarne-* «ломать». В противоположность существующим этимологическим толкованиям хеттского слова автор выдвигает гипотезу о том, что глагол *duwame-* был построен по аналогии с назальным презенсом уже в праанатолийский период.

В хеттском языке засвидетельствовано около 20 глаголов с назальным инфиксом. У некоторых из них инфикс выделяется на синхронном уровне из-за наличия однокоренного глагола без инфиксса (например, *hark-* «пропадать» – *harnink-* «уничтожать», *istark-* «болеть» – *istarnink-* «делать больным»), однако большую часть из них можно причислять к инфиксальным только на основании этимологии. Пять глаголов образуют особый подкласс с инфиксом *-ni(n)-*; кроме *harnink-* и *istarnink-*, это *hunink-* «закалывать, бить», *ninink-* «перемещать, поднимать (восстание)» и *sarnink-* «возмещать». Из глаголов с основой на смычный инфиксальные являются также *tamenk-* «прикреплять» и, возможно, *galank-* «насыщать». Остальные инфиксальные глаголы образованы от корней с основой на ларингальный.

Хеттский глагол *duwarne-* «ломать»¹ в течение длительного времени считался относящимся к этой группе. В частности, в своей книге, посвященной словообразованию глаголов в хеттском языке, Н. Эттингер [Oettinger 1979: 151] включает это слово в список глаголов, содержащих назальный инфикс и образованных от корней с основой на **-h₁-*. Этимология у этого глагола также достаточно хорошо разработана. Среди анатолийских языков в качестве соответствия указывается лувийский глагол *lawarr-* «грабить, лишать» [Cartuba 1966: 17f., Tischler 1977- 10: 494]. За пределами анатолийских языков рассматриваемое слово сопоставлялось с др.-инд. *dhváratí* ‘повреждать’. Эта пара возводится к индоевропейскому корню **dʰ^huer(H)-* [Pokorny 1959: 277; LIV 2001: 159 f.; Tischler 1977- 10: 492 ff.]. К тому же корню относится и лат. *fraus* «обман».

Эттингер возводил *duwarne-* к праформе **dʰ^hur-né-h₁-/dʰ^hur-n-h₁-*. К этой же группе глаголов с назальными инфиксами от основ на **-h₁-* Эттингер причисляет хет. *zinne-* «закрывать», хет. *hurne-* «разбрзгивать» [Oettinger 1979: 151], к которым позже добавили *hu(wa)me-* «охотиться» [Kimball 1999: 248], *hulle-* «побеждать» [Puhvel 1984- 3: 367f.; Melchert 1994: 82]. Мелчерт² [Melchert 1984: 114 ff.] отметил особенность спряжения этой группы: исходя из реконструкции **h_{2/3}ul-né-h₁-ti/*h_{2/3}ul-n-h₁-énti*, мы ожидали бы формы **hullezi/*hullanzi*. На самом же деле, мы находим написания с *-i-*: *zi-in-ni-iz-zi* (в том числе в древнехеттском: КВо 20.10 I 5), *tu-wa-a[r-n]i-iz-zi* (КВо 6.3 I 29: древнехеттский текст, среднехеттский дукт), *tu-wa-ar-ni-ir* (KUB 36.104 vs. 7', древнехеттский дукт), *hu-ul-li-iz-zi* (KUB 29.32 4. 5), *hu-ul-li-it* (например, КВо 22.2 Rs. 8)³. Мелчерт, за отсут-

¹ В своде законов и других древнехеттских текстах объектом этого глагола выступают, в основном, части тела.

² Впрочем, по указанным ниже причинам он не причисляет *duwarne-* к числу глаголов с назальным инфиксом.

³ Само по себе написание LI-IT и LI-IZ ничего не говорит об огласовке этого слова (так как знаки LE и ET отсутствуют), однако огласовку *i* подтверждает окказиональные формы *hi-* спряжения вроде *hulliš*.

ствием других объяснений, считает вокализм *-i-* в этих формах результатом влияния глаголов с суффиксом *-anni-*.

Тем не менее, хет. *duwarne-* выделяется среди других предполагаемых глаголов с назальным инфиксом тем, что у него наблюдается полная ступень корня, в то время как для глаголов с назальным инфиксом традиционно постулируется слабая ступень корня и полная ступень инфиксса [Szemerédy 1996: 270ff.: 272, примеч. 2; Meier-Brügger 2003: 170]⁴. Согласно этому представлению, если бы глагол *duwarne-* действительно содержал назальный инфикс, то мы должны бы были исходить из праформы **d^hur-né-h₁-/d^hur-n-h₁-*. Однако слабая ступень корня **d^hur-n-* в хеттском могла отражаться только как **durn-*, ср. *hurne-* < **h₂ur-n-*⁵. У всех остальных глаголов, которые предположительно содержат инфикс засвидетельствована слабая ступень корня.

По этим соображениям Х. Айхнер [Eichner 1973: 75] предположил, что *duwarne-* является не инфиксальным глаголом, а отыменным образованием **d^huor-ne-yé-* от отглагольного прилагательного **d^huor-no-*. К. Мелчерт [Melchert 1984: 36, 114⁷¹] исправил эту реконструкцию на **d^huerto-*, так как *-w-* выпадает в позиции между зубным смычным и *-o-*, ср. хет. *idālu-* «плохой» < **h₁eduol-* и хет. *dān* «дважды» < **duoom*. Эта огласовка нашла также подтверждение в исследовании [Schulze-Thulin 2001: 390 и примеч. 10]. По мнению исследовательницы, глагол *duwarne-* не перешел в *hi*-спряжение из-за огласовки корня *-e-*. С этой точки зрения *duwarne-* оказывается отыменным образованием. Однако и это объяснение не является удовлетворительным, так как такая словообразовательная модель не находит параллелей в хеттском языке. Известные отыменные глаголы от основ на *ā* (**o*), куда должно было бы попасть и гипотетическое **d^huerno-*, часто попадают в класс *hatrāi-* с окончаниями 3 л. ед. ч. мн. ч. *-āizzi/-anzi*. В качестве примера можно привести хет. ^{G1S}*tarma-* «кол, деревянный гвоздь» и хет. *tarmāi-* «прибивать» [Oettinger 1979: 365]. В качестве продуктивного класса отыменных глаголов Эттингер также упоминает глаголы на *-ua-*, которые могли образовываться от разных типов именных основ, в том числе и от основ на *ā* (**o*) [Oettinger: 355]. Однако два из приведенных им в качестве примера глаголов (хет. *marse-* «быть/стать вероломными, лживыми» и хет. *arsane-* «злиться, завидовать») относятся скорее к классу глаголов состояния, который сам Эттингер позже включает в обновленный список в предисловии к переизданию своей книги о словообразовании глаголов [Oettinger 2002: XX]. Большинство форм третьего глагола, *uss(a)niya-* «продавать, выставлять на продажу», относится как раз к классу глаголов на *-ua-*, то есть также не соответствуют предполагаемой для *duwarne-* словообразовательной модели. Однако Мелчерт [Melchert 1984: 36f.] упоминает это слово в каче-

⁴ С другой стороны, К. Штрунк, вслед за Э. Бенвенистом, считает, что при образовании назальных презенсов в основу аориста (в ступень I CeRC или в ступень II CReC для корней типа CeRC) вставлялся неизменяемый инфикс *-n-*. При этом действовало следующее правило: инфикс *-n-* вставляется перед последним согласным корня в основе аориста – CeR-n-C-. Если же перед этим согласным стоит аблautирующая гласная, то инфикс оказывается в третьей позиции с конца основы – CR-n-eC- [Strunk 1973: 67]. Таким образом, в зависимости от структуры корневого аориста ед. ч. настоящего времени у таких глаголов могло выглядеть либо как CeRnC, либо как CRneC. По этому правилу лат. *sternō* «распространять» < **ster-n-h₃-* с последующей тематизацией является регулярным рефлексом протоиндоевропейского назального презенса, а др.-инд. *stṛṇāti* «распространять» (подразумевающее праформу **stṛneh₃-*) появилось в результате структурного преобразования этого типа глаголов в индоиранских языках.

⁵ Следует отметить, что в хеттском языке *-i-* и *-(i)wa-* могут чередоваться. Как показала Э. Рикен [Rieken 2001], имеются примеры, когда в определенном окружении *-i-* переходит в *-(i)wa-*, например, такое развитие следует признать в случае вариантов *huhhurta-* и *huwahhurti-* «горло» или для упомянутого выше глагола *huwarniske-* с вариантом написания *hurniske-* (здесь приведены формы итератива на *-ske-*). Однако огласовка *-wa-* в глаголе *duwarne-* засвидетельствована уже в самых ранних примерах (в частности, *ti-wa-a/r* KBo 6.2 I 20 (OS) и среднехеттской копии *ti-wa-qr-ni-iz-zī* KBo 6.3 I 29) и никогда не чередуется с написанием *-i-*. По этим причинам предположение о том, что *-wa-* в *duwarne-* является фонетическим развитием *-i-*, крайне маловероятно.

стве единственно возможной параллели *duwarne-*. Основанием для этого служит древнехеттская форма итератива *ušneškatta* (KUB 29.29 Vs 12, 15). В древнехеттском итеративе от глаголов на -уа- мог быть представлен только с огласовкой -и-, ср., например, *anniske-* (KBo 6.2 I 18), *zahhiske-* (KBo 17.36 II 7) и т.д. Соответственно, форма *ušneškatta* в таком случае должна быть образована от другой глагольной основы, либо **ušnā(i)-* (как *tarmāi-*), либо **usne-ye/o-* (как и предполагаемое **d^huerne-ye/o-*). К этому вопросу Мелчерт возвращается и в своей статье, посвященной отымененным глаголам в анатолийских языках [Melchert 1997: 134ff.]. В ней он указывает, что модель **d^huerne-ye/o-* может иметь параллели в других языках, в частности, в лувийском, где представлена группа глаголов с окончаниями *-iti/-idi* в 3 л. ед. ч. и *-ainti/-eiti* в 3 л. мн. ч. (о выделении этого класса глаголов см. [Morgurgo Davies 1982–1983: 266ff.]).

В любом случае, собственно в хеттском языке нет надежных примеров предполагаемой для *duwarne-* деривационной модели. Кроме того, важно отметить следующий факт: *duwarne-* вместе с инфиксальными глаголами от основ на *-h₁- (вроде *zinne-*) попадает в «тематический» класс (I 2 а по классификации Эттингера), к которому также относятся и некоторые глаголы, продолжающие индоевропейский ‘каузатив’ на *-éye-: именно *lukke-* «зажигать» и *wasse-* «одевать» [Oettinger 2002: XX]. В древнехеттском *wasse-* обнаруживает в 3 л. ед. ч. огласовку -е-: *wa-aš-še-iz-[zi]* (KBo 20.18 Rs.3’), в то время как *duwarne-*, как указывалось выше, обнаруживает огласовку -и-: *tu-wa-a[r-n]i-iz-zi* (ОН / MS, KBo 6.3 I 29) и *tu-wa-ar-ni-ir* (KUB 36.104 Vs. 7’, древнехеттский дукт). Таким образом, если предполагать общую словообразовательную структуру **usne-ye-* и *duwarne-ye-*, то необходимо объяснить, почему *duwarne-* обнаруживает те же особенности спряжения, что и глаголы, содержащие назальный инфикс (*hurne-* < **h₂uṛ-né-h₁-* и т.д.), и не согласуется с другими, значительно более похожими по своей словообразовательной структуре «тематическими» глаголами, например, *wasse-* < **uoz-éye-*. Следовательно, отыменное происхождение *duwarne-* теоретически возможно, но не находит параллелей в хеттском языке.

Сам Эттингер следующим образом объяснял полную ступень корня у *duwarne-*: по его мнению, в этой форме произошло выравнивание по аористу **d^huerh₁-t* [Oettinger 1994: 316]. Это объяснение широко применяется в тех случаях, когда мы сталкиваемся с полной ступенью корня у назальных презенсов в других языках⁶. Однако следует помнить, что в хеттском языке, как и в других языках этой группы, основа глагола не изменяется. Такие категории, как время, наклонение или залог, в рамках одной глагольной парадигмы можно определить только по окончанию или контексту. Соответственно, индоевропейская система с тремя различными основами у глаголов должна была прекратить свое существование на достаточно раннем этапе развития анатолийских языков, и постулируемое Эттингером выравнивание также должно было произойти очень рано.

С другой стороны, полная ступень корня могла бы объясняться по теории Штрунка (см. выше). Если предположить, что у корня **d^huerh₁-* (ср. [LIV 2001: 159f.]), кроме зафиксированного в древнеиндийском сигматическом аористе *ádhīrṣata*, был и корневой аорист со ступенью **d^huerh₁-*⁷, то согласно сформулированному Штрунком правилу [Strunk 1973: 67] назальный презенс должен выглядеть как **d^huer-n-h₁-*. В этом случае полная ступень корня у *duwarne-* также выглядит закономерной.

Однако считать *duwarne-* отражением индоевропейского презенса мешает не только полная ступень корня, но и вопросы этимологического характера. Во-первых, нельзя с полной уверенностью утверждать, что лув. *lawarr(i)-* (< пра-анатол. **d^huerneye* [Melchert 1994: 270] < **d^huer(e)rh₁-ye-* [Oettinger 1979: 151]) связано с *duwarne-*, так как значения этих

⁶ См., например [Klingenschmitt 1982: 176, примеч. 21], для лит. *aīti*, *aipū* «обувать, разувать», *gáuti*, *gáipi* «получать» [LIV 2001: 470–71] для корня **pelh₂-* «приближаться», в частности лат. *pello* «гнать», арм. *elanem* «подниматься», др.-ирл. *ad:ella-* «навещать».

⁷ Однако ср. [Елизаренкова 1960: 91], где отмечается, что сочетание атематического корневого аориста и аориста с сигматическим суффиксом *-sa-* в «Ригведе» не встречается.

глаголов не очень близки, очевидные случаи семантического развития «грабить» > «ломать» неизвестны, а условия перехода **d(h) > l* в лувийском, несмотря на наличие таких примеров, как *labarna-/tabana-* «царь» или *la-* (< **deh₃-*, см. [Melchert 1994: 238 «брать»]), неочевидны.

Но более важным является то, что в древнеиндийском зафиксированы как формы, указывающие на наличие ларингального (так называемые *seṭ*-формы, например, наст. вр. *dhūrva-*, сигм. аор. *ādhūrsata*, имя *dhūrvan-*), так и формы, не содержащие ларингального (так называемые *anīṭ*-формы, например, *adhurta-* или *satya-dhvīṭ-*). Чтобы привести все эти формы к единому корню, исходным вариантом обычно считают формы без ларингального, а продленная ступень в *dhūrvati* объясняется по аналогии с *tūrvati* «преодолевать» [Goto 1987: 191; Lubotsky 1997: 143], хотя в таком виде это слово встречается уже в Ригведе. Словарь [LIV 2001: 159f.] также представляет этот корень как **d^huer-*, однако оговаривается, что из-за *duwarne-* возможно наличие варианта **d^huerh₁-*.

Более радикальную точку зрения высказывает Ч. Бартон [Barton 1993: 554f.]. Согласно его мнению, *duwarne-* вообще не связано с указанными древнеиндийскими словами: основа настоящего времени *dhūr-va-* на самом деле отражает праформу **d^hrh₂-ue-*, точно так же, как *tūrvati* отражает **trh₂-ue-* (корень **terh₂-*, хет. *tarh-* «мочь, преодолевать», см. [LIV 2001: 633]; другие примеры см. у [Pinault 1987–1988: 329³⁹]). Огласовка *dhur-* возникла под влиянием вокализма презенса *dhūr-va-*, подобно тому как для корня **terh₂-* имеется форма *tira-* (например, тематическое наст. вр. *-tirāti*). Можно указать образования с огласовкой *tura-* (кауз. *turayante*). Таким образом, Бартон предполагает, что древнеиндийские формы восходят к корню **d^herh₂-*, к которому также относится др.-гр. θραύω «ломать»⁸. Если принять эту точку зрения, то *duwarne-* вообще может не иметь родственных слов в других языках⁹.

Сам Бартон скорее склоняется к сделанному еще Э. Форрером сопоставлению этого слова с хет. **dudduwar* «паралич, онемелость» (*dudduwarant-* «парализованный, хромой», *dudduwares-* «стать парализованным»). Соответственно *duwarne-* возводится к **duwar-*, которое, в свою очередь, раскладывается на **du* (< **d^heu-* «бежать»?) + *-ar-* (как *-ar-* в *nahsar-att-* «страх», *tusgar-att-* «радость»). Однако эта этимология не получила широкого признания [Tischler 1977- 10: 485].

Из всех рассмотренных вариантов наименее вероятным, пожалуй, представляется возведение *duwarne-* непосредственно к праиндоевропейскому назальному презенсу, не только из-за полной ступени корня, но и из-за обоснованных сомнений в наличие ларингального в этом корне. Остальные два предположения, при всех своих различиях, исходят из пра-анатолийской формы **d(u)war-*, от которой уже в прахеттском был образован глагол *duwarne-*. В целом это выглядит убедительно, однако механизм словообразования остается неясным.

Здесь стоит отметить, что практически у всех из глаголов с назальным презенсом в хеттском языке присутствует более или менее надежная этимология, но при этом не выявлено параллельных образований с назальным инфиксом в других языках. Исключениями являются *tama-* «отпускать»¹⁰, *tamenk-*¹¹ и, возможно, *hurne-*¹².

⁸ В словаре [Pokorny 1959: 274] θραύω, отгл. прил. θραυστός возводится к корню **dhreu-s-* (ср. [LIV 2001: 158]), к которому также относятся гор. *driusan* «падать», валл. *dryll* «обломок», латыш. *druska* «крошка».

⁹ [Mayrhofer 1992–2001 I: 802] выделяет **d^hru-* «обманывать» в качестве отдельного корня. Тогда лат. *fraus* относится сюда и также не связано с *duwarne-*.

¹⁰ Тох. АВ *tärk-*, основа наст. вр. *tärnā-* «отпускать», **TerKh₂-*, см. [Benveniste 1932: 142; LIV 2001: 635].

¹¹ **temk-* [LIV 2001: 625ff.] Другими инфиксальными образованиями являются др.-инд. *ā-tanakti* «свертываться», др.-ирл. *-lēici* «свертываться». О чередовании 3 л. ед. ч. / 3 л. мн. ч. *tamekzi/tamenkanzi* см. [Melchert 1984: 168f.].

¹² Если *hurne-* связано с др.-гр. φάνω «брызгать» (< **ugranjō* < **h₂uṛg-nH-je/o-*, см. [Peters 1980: 23¹⁸]). Однако см. [Melchert 1994: 129], где указывается, что *hurne-* – это вариант *hurniwai-* с потерей *-u-* между */n/* и гласной.

Кроме упомянутых выше трех глаголов, соответствующие назальные презенсы в других языках предполагались и для двух хеттских глаголов с формантом *-ni(n)-*. Айхнер [Eichner 1982] сравнивал *istarnink-* с др.-инд. *tṛṇedhu* «сокрушить» (аорист *atṛham*) и возводил эту пару к корню **(s)terg^h-*. Эта этимология, принятая Мелчертом [Melchert 1994: 153] и Кюммелем [LIV 2001: 598], удачна с формальной точки зрения, но не очень убедительна с точки зрения семантики. Для *istarnink-* имеются и другие возможности: Пухвел [Puhvel 1984- 2: 477] принимает этимологию Иванова [Иванов 1965: 65], который сопоставлял это слово с лит. *sergū* «болеть», ст.-слав. *sraga*, тох. A *säk*, тох. В *sark*, др.-ирл. *serg* «болезнь». Недостатком этой этимологии является нерегулярное соответствие начального /st/ в хеттском начальному /s/ в других языках¹³. Этtinger [Oettinger 1979: 143] сравнивал *istark-* с др.-греч. *στέργω* «любить» (ср. также [Kimball 1999: 430f.]). В связи с существованием равновероятных альтернативных этимологий соответствие *istarnink- : tṛṇedhu* неочевидно.

Хет. *hark-* «пропасть», *harnink-* «уничтожить» обычно сравнивается с др.-ирл. *org(a)id* «разбить» и арм. *harkanem* «разбить». В [LIV 2001] эти глаголы возводятся к корню **h₃erg-* «пропадать» [LIV 2001: 301]. Слабость этой этимологии заключается в том, что значение «пропасть», исходное для пары *hark- : harnink-* [Puhvel 1984- 3: 167], не встречается в других языках. Для армянского и древне-ирландского мы можем предположить, что ‘каузативное’ значение¹⁴ назального презенса распространилось на остальные основы, но, в отличие от армянского, в древнеирландском назальный презенс не сохранился. При этом в армянском языке назальный презенс мог быть достроен к аористу **hark-* [LIV 2001: 301, примеч. 3]. Таким образом, сопоставление *harnink-* с *harkanem* также не может быть признанным абсолютно надежным.

¹³ Пухвел приводит еще только один возможный пример: хетт. *istanza-* «душа» и лат. *sensus* «чувство», д.-в.-н. *sin(n)* «разум», лит. *sinteti* «думать».

¹⁴ О функции и значении инфиксса в праиндоевропейском см. [Meiser 1993]. Г. Майзер отталкивается от статьи П. Хоппера и С. Томпсона [Hopper, Thompson 1980], в которой предлагается рассматривать «переходность» не как бинарную оппозицию, а как шкалу. Таким образом, глаголы могут более переходными и менее переходными относительно других глаголов. Кроме количества актантов П. Хоппер и С. Томпсон выделили дополнительные критерии для определения степени переходности:

	High transitivity	Low transitivity
A. Participants	two part. or more	1 participant
B. Kinesis	action	nonaction
C. Aspect	telic	atelic
D. Punctuality	punctual	nonpunctual
E. Volitionality	volitional	nonvolitional
F. Affirmation	affirmative	negative
G. Mode	realis	irrealis
H. Agency	A in high potency	A in low pot.
I. Affectedness of O	O totally affected	O not affected
J. Individuation of O	O highly individuated	O not individ.

(Цит. по [Meiser 1993: 294]).

Исходя из этого предположения, Г. Майзер считает, что функцией назального инфиксса в праиндоевропейском была не «каузативизация», а повышение степени «переходности» глагола. В качестве примера он приводит корень **χeɪd-* «видеть». Оставляя в стороне формы перфекта и производные от них, можно отметить, что в тех языках, где от этого корня засвидетельствован назальный презенс (др.-инд. *vindāti*, авест. *vīnasti*, др.-ирл. *ro-finnadar*, арм. *gtanem*), у этого глагола появилось значение «находить». В тех же языках, где назальный презенс не засвидетельствован (напр. лат. *videō*, гор. *witan*, ст.-слав. *videti*, лит. *veizdēti*), у данных форм осталось значение «видеть, наблюдать». «Находить» по некоторым критериям из приведенной выше таблицы является «более переходным», чем «видеть».

У остальных трех глаголов из этой группы есть надежные корневые этимологии¹⁵. Однако из пяти глаголов только у *harnink-* есть достаточно надежные параллельные образования в других языках. В связи с этим можно согласиться с К. Штрунком [Strunk 1979: 251f.] в том, что некоторые из этих глаголов были образованы по аналогии с парой *huek-* : *hunink-* или, например, *hark-* : *harnink-* в прахеттский период. Таким образом, в какой-то момент эта модель была (или оставалась) продуктивной¹⁶.

Ввиду отсутствия параллельных образований в других языках и у хеттских назальных презенсов с основой на ларингальный можно предположить, что подобная модель была продуктивна и для корней с основой на ларингальный. То есть *duwarne-* вполне может быть образовано от **d(u)wār(h₁)-*¹⁷ по аналогии с *hurne-* < **h₂wṛ-né-h₁-* «разбрызгивать» или *zinne-* «завершать» < **ni-né-h₁-* [LIV 2001: 617f.]. Как мне кажется, это предположение подтверждается тем фактом, что спряжение *duwarne-* имеет те же характерные особенности, что и глаголы *hurne-* и *zinne-* (см. выше и [Melchert 1984: 144ff.]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елизаренкова 1960 – Т.Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе». М., 1960.
- Иванов 1965 – Вяч.Вс. Иванов. Общесиндоевропейская, праславянская, анатолийская языковые системы. М., 1965.
- ЭССЯ 1974 – Этимологический словарь славянских языков, 1974- / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974.
- Barton 1993 – Ch. Barton. Hittite *zinni-*, *tuwarmi-*, *zig* and related matters // Journal of the American Oriental Society. 113. 1993.
- Benveniste 1932 – E. Benveniste. Sur le consonantisme Hittite // BSLP. 33. 1932.
- Carruba 1966 – O. Carruba. Das Beschwörungsritual für die Göttin Wišurijana // StBoT. 2. Wiesbaden, 1966.
- Eichner 1973 – H. Eichner. Die Etymologie von heth. *mehur* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 31. 1973.
- Eichner 1982 – H. Eichner. Zur hethitischen Etymologie (1. *ištark-* und *ištarnink-*; 2. *ark-*; 3 *šešd-*) // E. Neu (Hrsg.). Investigationes philologicae et comparativa. Gedenkschrift für Heinz Kronasser. Wiesbaden, 1982.
- Goto 1987 – T. Gotō. Die «I. Präsensklasse» im Vedischen. Wien, 1987.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. Hopper, S.A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language 56. 1980.
- Kimball 1999 – S. Kimball. Hittite historical phonology. Innsbruck, 1999.
- Klingenschmitt 1982 – G. Klingenschmitt. Das Altarmenische verbum. Wiesbaden, 1982.
- LIV 2001 – Lexikon der indogermanischen Verben. 2001. 2-е Aufl. / H. Rix (Hrsg.). Wiesbaden, 2001.
- Lubotsky 1997 – A. Lubotsky. The Indo-Iranian reflexes of PIE *CRHUV // A. Lubotsky (ed.). Sound law and analogy. Papers in honor of Robert S.P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. Amsterdam; Atlanta, 1997.
- Meier-Brügger 2003 – M. Meier-Brügger. Indo-European Linguistics. Berlin; New York, 2003.

¹⁵ Глагол *huek-* «заколоть», *huni(n)k-* «быть» сопоставляется с др.-перс. *anajam* «заколоть», **h₂wēg-* [Strunk 1979: 242ff.; LIV 2001: 286f.]. Хет. *sarnink-* ‘возмещать’ и лат. *sarcio* ‘исправлять’ восходят к **serk-* [LIV 2001: 536]. Глагол *ninink-* ‘восставать, двигать’ сравнивается с лит. *su-pinkù*, *nikti*, ст.-слав. *νъз-niknonti* [Tischler 1977- Lf. 7: 329f.; Eichner 1982: 19, ср. LIV 2001: 450]. Славянские формы на *-pon-*, скорее всего, являются инновацией, ср. [Stang 1966: 338; 1970: 78f.]. Впрочем, как указывает [ЭССЯ 25: 110, 114–115], ст.-слав. *νъзniknonti*, лит. *zininku* связаны со ст.-слав. *poniknonti* и далее др.-русск. *пісь*, латыш. *pīsa*, др.-инд. *pīśā* ‘ниже’, и никакого указания на направленность вверх собственно в корне не содержится. В таком случае указанные балто-славянские формы не родственны хет. *ninink-*.

¹⁶ Стоит отметить, что в исторический период глаголы с инфиксом *-ni(p)-* постепенно вытесняются однокоренными образованиями с суффиксом *-pi-* [Oettinger 1979: 142¹⁶].

¹⁷ Несмотря на возражения Бартона, традиционная этимология, связывающая *duwarne-* с корнем **d^hwēg-*, кажется вполне убедительной.

- Mayrhofer 1992–2001 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1992–2001.
- Meiser 1993 – *G. Meiser*. Zur function des Nasalpräsens im Urindogermanischen // G. Meiser (Hrsg.). *Indogermanica et Italica*. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Innsbruck, 1993.
- Melchert 1984 – *H.C. Melchert*. Studies in Hittite Historical Phonology. Göttingen, 1984.
- Melchert 1994 – *H.C. Melchert*. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam; Atlanta, 1994.
- Melchert 1997 – *H.C. Melchert*. Denominative verbs in Anatolian // D. Disterheft, M. Huld, J. Greppin (eds.). *Studies in honor of Jaan Puhvel*. Pt. 1: Ancient languages and philology. Washington, 1997.
- Morpugo Davies 1982–1983 – A. Morpugo Davies. Dentals, rhotacism and verbal endings in the Luwian languages // *KZ*. 96. 1982–1983.
- Oettinger 1979 – *N. Oettinger*. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
- Oettinger 1994 – *N. Oettinger*. Etymologisch unerwarteter Nasal im Hethitischen // J.E. Rasmussen (ed.). In honorem Holger Pedersen. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 26. bis 28. März 1993 in Kopenhagen. Wiesbaden, 1994.
- Oettinger 2002 – *N. Oettinger*. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Dresden, 2002.
- Peters 1980 – *M. Peters*. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen. Wien, 1980.
- Pinault 1987–1988 – *G. Pinault*. Védique *jírvi-/jívri-* // *Indologica taurinensis*. 14. 1987–1988.
- Pokorny 1959 – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Puhvel 1984– – *J. Puhvel*. Hittite etymological dictionary. Berlin; New-York; Amsterdam, 1984–.
- Rieken 2001 – *E. Rieken*. Einige Beobachtungen zum Wechsel *u/(u)yā* in den hethitischen Texten // O. Carruba, W. Meid (Hrsg.). Anatolisch und Indogermanisch. Aktes des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft Pavia, 22.–25. September 1998. Innsbruck, 2001.
- Schulze-Thulin 2001 – *B. Schulze-Thulin*. Fortsetzer urindogermanischer *-o-eje/o*-Kausativa/Iterativa im Hethitischen // O. Carruba, W. Meid (Hrsg.). Anatolisch und Indogermanisch. Aktes des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft Pavia, 22.–25. September 1998. Innsbruck, 381–393.
- Stang 1966 – *Chr. Stang*. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966.
- Stang 1970 – *Chr. Stang*. Zum baltisch-slavischen Verbum // *Opuscula Linguistica*. Oslo, 1970.
- Strunk 1973 – *K. Strunk*. Methodisches und Sachliches zu den idg. Nasalpräsentien // *IF*. 78. 1973.
- Strunk 1979 – *K. Strunk*. Heth. *huekzi*, heth. *hūnikzi* und die indogermanischen Nasalpräsentien // E. Neu, W. Meid (Hrsg.). Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Szemerényi 1996 – *O. Szemerényi*. Introduction to Indo-European linguistics. Oxford, 1996.
- Tischler 1977– – *J. Tischler*. Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1977–.

© 2007 г. А. Е. КИБРИК

ПРИНЦИПЫ И СТРАТЕГИИ КЛАУЗАЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ*

В статье рассматривается техника клаузального сочинения двадцати дагестанских языков, характеризующаяся уникальным разнообразием. За внешней непредсказуемостью сочинительных конструкций и кажущейся их произвольностью кроется стройный механизм, который описывается в терминах параметризованных принципов и стратегий. Система принципов и стратегий ограничивает множество возможных сочинительных конструкций и предсказывает не только зафиксированные сочинительные конструкции, но и все потенциальное множество допустимых конструкций. Самы принципы и стратегии являются не просто формальными языковыми правилами, они имеют глубокую содержательную мотивацию и гармонируют с организацией когнитивной структуры.

Применяемый в данной статье метод многофакторного механизма образования сочинительных конструкций позволяет описывать самые различные компоненты языковой структуры.

1. ИСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая работа опирается на собранный автором четверть века назад полевой эмпирический материал по базисному синтаксису двадцати дагестанских языков, охватывающих все генетические подгруппы этой языковой группы, входящей в нахско-дагестанскую семью. Этот материал был первоначально опубликован в препринтах Института русского языка [Киблик 1979–1981], а в 2003 году переиздан в [Киблик 2003: 449–678].

Языковые данные собирались по единой анкете. Ввиду того, что дагестанские языки варьируют на уровне диалектов и отдельных говоров, языковой материал всегда ограничен говором конкретного населенного пункта. Следует подчеркнуть также, что в каждом языке материал собирался от нескольких информантов и затем многократно перепроверялся, поэтому особенности конструкций не могут объясняться индивидуальными ответами информантов и возможными случайными сбоями.

Анкетный метод сбора обладает как существенными преимуществами, так и некоторыми недостатками.

К безусловным преимуществам данного метода относятся:

- а) прозрачность парадигматических отношений между конструкциями;
- б) единообразие языкового материала;
- в) полнота языкового материала с точки зрения введенных в рассмотрение параметров межъязыкового сравнения.

Все это значительно облегчает сопоставление языковых конструкций.

В то же время этот метод имеет определенные недостатки:

- а) языковые данные не являются спонтанными;
- б) семантически и прагматически они не введены в естественный дискурсивный контекст;

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 05-06-80351а и частично гранта NSF#055346.

- в) они не дают возможности увидеть реальное использование рассматриваемых языковых средств в тексте и в разнообразных контекстных условиях, не включенных в основную анкету;
- г) зачастую не хватает морфосинтаксических данных о языке в целом.

Идеальным было бы совмещение метода анкетирования с корпусным исследованием по реальным текстам и с интегральным грамматическим описанием каждого из входящих в выборку языков, однако в настоящее время сделать это не представляется возможным.

С учетом ограниченности данных, полученных методом анкетирования, попытаемся рассмотреть технику языкового оформления клаузального сочинения в дагестанских языках.

Под **клаузальным сочинением** ниже понимается конструкция (состоящая обычно из двух клауз), отражающая находящиеся в поле зрения когнитивно сопряженные¹ события, происходящие одно за другим или одновременно². Следует подчеркнуть, что клаузальное сочинение определяется *не синтаксически, а семантически*. С синтаксической точки зрения семантическое сочинение может выражаться как средствами сочинительной синтаксической связи (например, двумя финитными клаузами, соединенными сочинительным союзом), так и подчинительной, см. ниже³.

В соответствии с анкетой мы имеем для каждого языка примеры предложений, состоящих из двух клауз, связанных отношением семантического сочинения, при этом:

- одно событие содержит одного участника (чему соответствует клауза с одноместным глаголом), а другое – двух участников (чему соответствует клауза с двухместным глаголом);
- двухместные глаголы имеют разные падежные рамки (особенно существенные агентивные и экспериенциальные глаголы⁴).

В дальнейшем мы в основном ограничимся примерами, содержащими агентивные двухместные глаголы⁵ и одноместные глаголы движения, например:

- (1) а. *Мальчик девочку ударил и Ø ушел.*
- б. *Мальчик девочку ударил, и она ушла.*
- в. *Мальчик пришел и Ø ударил девочку.*
- г. *Девочка пришла, и мальчик ее ударил.*

¹ Когнитивной сопряженностью называется непосредственная (максимально тесная) связь между когнитивными единицами. В нашем случае между двумя единицами (событиями) имеется отношение непосредственной временной близости, не разрываемой никаким другим событием.

² Сочиненные предложения, описывающие два одновременно происходящих события, в анкету не включены, хотя спорадически появляются в наших языковых данных.

³ М. Хаспельмат основательно обсуждает эту проблему в типологической перспективе [Haspelmath 2004: 33–37] и приходит к аналогичному выводу о возможном несоответствии между семантическими и синаксическими свойствами конструкции, когда предложение семантически является сочинительной структурой, а синтаксически – подчинительной [Haspelmath 2004: 35]. Он также вполне правомерно заключает, что “имеется много конструкций, представляющих собой смешение обеих структур (*синтаксического сочинения и подчинения*. – А.К.), и мы находимся еще в самом начале пути к пониманию того, какие могли бы быть ограничения на такие смешанные структуры” [Haspelmath 2004: 37].

⁴ В данной работе экспериенциальные глаголы не рассматриваются.

⁵ В качестве переходного глагола в большинстве случаев используется глагол ‘ударить’ или ‘бить’. Это связано с тем, что необходим агентивный глагол, управляющий двумя личными актантами. К сожалению, попытки подобрать другой глагол для анкеты осложняются тем, что во многих языках такие глаголы (типа ‘хвалить’, ‘ругать’, ‘звать’, ‘посылать’) являются составными и имеют специфическое управление пациентивом.

В русском языке клаузальное сочинение организовано по аккузативной схеме. А именно:

- при сочинении клауз происходит опущение повторного упоминания референта во второй клаузе, если в обоих клаузах имя этого референта находится в подлежащкой позиции;
- если в одной из клауз имя референта находится в любой другой позиции, повторное упоминание во второй клаузе оформляется местоимением.

В отличие от русского языка, дагестанские языки, несмотря на их общее происхождение, на поверхностном уровне демонстрируют удивительное разнообразие средств оформления семантики клаузального сочинения. Трудно найти пару языков, которые были бы в этом отношении идентичными. Вместе с тем можно обнаружить множество частичных сходств, которые позволяют увидеть взаимодействие различных факторов, влияющих на оформление клаузального сочинения.

2. СИСТЕМА ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВАРЬИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КЛАУЗАЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ

В данной работе проводится различие двух типов факторов: *стратегий* и *принципов*. Как стратегии, так и принципы организованы параметрически и принимают в дагестанских языках некоторое множество значений.

Стратегии – это локальные факторы, предопределяющие построение конструкций определенного типа.

Принципы – это такие факторы, которые относятся к базовым синтаксическим выборам языка, во многом предопределяющим самые разные компоненты языковой структуры, в частности, выбор конкретных стратегий построения тех или иных конструкций.

Стратегии более наглядно представлены в синтаксических конструкциях, поэтому удобнее начать с них.

2.1. Стратегии построения сочинительной конструкции

Рассмотрим основные стратегии оформления конструкций с семантическим клаузальным сочинением. Следует иметь в виду, что выбор конкретной стратегии может распространяться на все конструкции, или же в пределах одного языка в разных контекстах используются различные стратегии.

2.1.1. Синтаксическое сочинение vs. подчинение

Синтаксически сочинение и подчинение противопоставлены тем, что при сочинении обе клаузы являются формально равноправными, единственным (факультативным) маркером связи между предложениями является сочинительный союз, не входящий ни в одну из клауз. Если сочинительная конструкция как единое целое не включена в материнскую клаузу (то есть является предложением), вершинный глагол каждой клаузы представлен финитной формой. Схематически сочинительная конструкция имеет вид (квадратные скобки указывают границы составляющих, после левой скобки указывается линейный номер клаузы, X – материал первой клаузы, Y – материал второй клаузы, знак & – сочинительный союз):

$$[c_1 X] + [&] + [c_2 Y]$$

При подчинении одна из клауз включена в другую как зависимая составляющая:

$$[c_2 [c_1 X] Y] \text{ или } [c_1 X [c_2 Y]]$$

При первом варианте схемы подчинения первая клауза является зависимой и включена во вторую, главную клаузу.

Яркая синтаксическая черта дагестанских языков – отсутствие союзов. Наблюдающаяся в некоторых языках союзная техника является явной инновацией⁶, в качестве союза обычно используется заимствованный из арабского языка сочинительный союз *wa/va*, см. ниже в разделе про лезгинский язык. Тем не менее, в целом в дагестанских языках сочинительная конструкция может синтаксически выражаться следующими способами:

> Синтаксическое соединение vs. синтаксическое подчинение

союзное vs. бессоюзное⁷

При рассмотрении языкового материала бросается в глаза, что семантическое соединение в подавляющем большинстве языков реализуется с помощью подчинительной стратегии, различающей главную (MC) и зависимую (DC) клаузу. Отношение подчинения маркируется в зависимой клаузе.

2.1.2. Кодирование зависимой клаузы

В дагестанских языках зависимая клауза маркируется при ее вершине (глаголе), иногда дополнительно при полной именной группе (ИГ). Используются следующие стратегии маркирования зависимой клаузы:

- > CNV конверб
- > TEMP временной конверб
- > STEM форма, совпадающая с основой глагола
- > VF финитная форма глагола
- > & показатель соединения на NP в переходной зависимой клаузе

Наиболее употребителен показатель конверба (деепричастия) при глаголе. Возможен также маркер временного конверба (русский аналог – временные союзы типа *когда*), использование в этой функции формы, совпадающей с глагольной основой, или финитной формы глагола. Наряду с приглагольным маркером подчинения в некоторых языках показатель соединения прибавляется к вершине именной группы переходной клаузы (обычно – стоящей в номинативе).

2.1.3. Линейная последовательность клауз

Обычно в сочинительной конструкции клаузы следуют одна за другой и иконически отражают временную последовательность событий. Однако в некоторых языках при линейном порядке DC + MC в некоторых контекстах наблюдается вынос одной ИГ⁸ второй клаузы в абсолютно левую позицию. Вторая клауза в этом случае является главной. При выносе ИГ влево эта клауза разрывается, обрамляя зависимую клаузу:

$$[C_2 \text{ MC} = \text{ИГ} [C_1 \text{ DC}] + \text{MC}]$$

Итак, возможна такая стратегия:

> вынос влево ИГ-(контролера) второй клаузы

⁶ Подробнее см. [Berg van den 2004: 218].

⁷ Это конструкции типа *Пришел, увидел, победил* (*Veni, vidi, vici*); *У них, кажется, 11 детей, я точно не знаю*. Такие конструкции иногда встречаются в нашем материале.

⁸ Как станет ясно в дальнейшем, эта ИГ обычно, хотя и не всегда, см. арчинский язык, является контролером (антecedентом) анафорической связи. Процесс выноса ИГ мотивирован теми принципами построения сочинительной конструкции, которые релевантны для данного языка.

2.1.4. Кодирование мишени анафорической редукции

Ввиду того, что семантическое сочинение мотивировано когнитивной сопряженностью событий, неудивительно, что очень часто эти события имеют общих участников (одного или более). Говорят, что номинации этих участников связаны анафорическим отношением. Одна из номинаций обычно выражается редуцированно. Эта номинация называется **анафором**, а связанная с ней другая номинация – **антешедентом**⁹. Будем также говорить, что антешедент является **контролером** выражения анафорической связи, а анафора – **мишенью** (его форма указывает на наличие анафорической связи). Контролер выражается полной ИГ и неотличим от прочих полных ИГ. В определенных контекстах это может создавать трудности однозначного установления контролера.

В дагестанских языках используются следующие стратегии редукции анафора:

- **Ø** отсутствие фонетического материала
- **PRON** личное местоимение
- **REFL** возвратное местоимение
- **FULL** полная ИГ (повтор ИГ¹⁰)

Наиболее частотна максимальная редукция, при которой анафора не имеет материального выражения (так называемая *нулевая анафора*: обычно для наглядности на место анафора условно вводится нулевой знак). Прочие виды выражения анафора: личным местоимением (*прономинальная анафора*), возвратным местоимением (*рефлексивная анафора*) или без использования редукции – обычно используются как дополнительные стратегии в специальных контекстах, часто наряду с нулевой анафорой.

Таково пространство варьирования стратегий оформления сочинительной конструкции. Для нас особый интерес представляет вопрос о выборе способа выражения кореферентности (= анафорической связи) между именными группами в сочиненных клаузах:

- имеет ли место редукция именной группы (анафорическое выражение) в одной из клауз,
- какая из кореферентных именных групп является контролером (антешедентом), а какая – мишенью редукции (анафором),
- имеются ли ограничения на ролевые (падежные) характеристики мишени и контролера при анафорической редукции.

В этой сфере наблюдается наибольшее разнообразие, даже между генетически наиболее близкими языками. Чтобы ответить на эти вопросы, следует перейти к рассмотрению пространства варьирования принципов, в определенной степени управляющих выбором стратегий.

2.2. Принципы построения сочинительной конструкции

В данной работе в центре нашего внимания являются те принципы, которые ограничивают набор стратегий при кодировании анафорических отношений между клаузами в сочинительной конструкции.

⁹ Эта терминология основана на предположении, что антешедентом является первое упоминание референта, а анафором – повторное упоминание. В действительности возможен и их обратный порядок (катафора). Однако и в этом случае используются те же термины, анафора и антешедент.

¹⁰ То есть отсутствие редукции.

2.2.1. Идентификация ИГ, связанных анафорическим отношением

Если сочинены клаузы с одноместными глаголами, то при кореферентности ИГ в этих клаузах анафорическое отношение между ИГ устанавливается однозначно. Если же в одной из клауз имеется двухместный глагол с двумя ИГ – агентивом и пациентивом, то идентификация ИГ, вступающей в анафорическое отношение с ИГ другой клаузы, требует специальных кодирующих средств. С этой ситуацией связан базовый принцип различительности.

➤ **Принцип различительности:** обеспечивать формальную вычислимость той ИГ в переходной клаузе, которая кореферентна ИГ непереходной клаузы.

Принцип различительности в общей формулировке (которую я здесь не привожу, так как это уело бы нас далеко от темы данной работы, см. [Киблик 1992: 188]) является одним из общих семиотических принципов организации языка. Он ориентирован на слушающего, декодирующего сообщение, и накладывает на форму сообщения требование восстановимости заданного говорящим смысла. В частности, важным свойством каждой номинации является вычислимость ее референта (возможность приписать ей тот референт, который имел в виду говорящий). Так, в русском языке структура переходной клаузы с субъектно-объектной оппозицией системно допускает такую возможность, например, в предложении *Саша любит Машу* однозначно указывается на референт-экспериенцер (Саша) и референт-стимул (Маша) благодаря падежному маркированию. Однако в предложении *Мать любит дочь* принцип различительности не срабатывает, поскольку обе номинации (мать и дочь) морфологически не различают именительного и винительного падежей¹¹. Поэтому принцип различительности не является абсолютным, он указывает на универсальную тенденцию организации языковой структуры. В дагестанских языках представлены обе возможности (см. ниже *бехтинский язык*), хотя следование принципу различительности существенно доминирует.

2.2.2. Синтаксические свойства базисной конструкции предложения

Широко известно, что дагестанские языки отличаются от европейского стандарта наличием в них так называемой эргативной конструкции. В ряде своих работ я подробно останавливался на теории элементарного предложения и особенностях эргативной конструкции в дагестанских языках (см. обобщение моей концепции в [Киблик 2003: ч. 3]). Поэтому здесь я укажу очень кратко только самые существенные положения, необходимые для понимания данной работы.

С точки зрения формальной кодировки ИГ в непереходной и переходной клаузах языки мира используют несколько базисных типов конструкций, исходно ориентированных на роли участников ситуации.

Если ограничиться двумя важнейшими элементарными ролями агента и пациента, то наиболее иконичной конструкцией, объединяющей с помощью некоторых кодирующих средств непереходную и переходную клаузу, является так называемая активная конструкция. В ней агент переходной и непереходной клаузы имеет одну кодировку, а пациент – другую.

¹¹ Широко бытующее представление, что в таких предложениях функцию различия играет порядок слов, неверно. Это не более чем статистическая тенденция. В первой клаuze предложения *Мать любит дочь, а отца любит сын мать* является референтом-стимулом, а дочь – референтом-экспериенцером. Референция здесь устанавливается через падежные характеристики номинаций второй клаузы, симметричной первой клаuze. Важно иметь в виду, что отсутствие формальных различительных средств не является фатальным, оно может компенсироваться на уровне интерпретации всего предложения, например: *Болящий дух врачует песнопенье*. Субъектом здесь однозначно является *песнопенье*, а прямым дополнением – *болящий дух*.

Привычная для нас аккузативная конструкция объединяет агентс переходной клаузы с единственной ИГ непереходной клаузы. Это объединение, как я полагаю, мотивировано особой гиперролью принципала, главного участника ситуации, в первую очередь ответственного за то, что событие имеет место. В этой конструкции маркированной (например, аккузативом) является гиперроль пациента (пациенс и другие элементарные роли типа темы, цели и др.), а немаркированной – гиперроль приказа (номинатив).

Возможно также объединение ИГ непереходной клаузы с пациентивом переходной клаузы. В этом случае реализуется эргативная конструкция, в которой маркированным является участник с гиперролью агентива (объединяющего агентс с другими элементарными ролями, например, экспериенцером), а немаркированным – участник с гиперролью абсолютива (номинатив¹²). Гиперроль абсолютива объединяет ИГ непереходной клаузы с ролью переходного пациенса. Ее значение: это наиболее непосредственный, ближайший участник события, наиболее затрагиваемый им или вовлеченный в него¹³. В дагестанских языках немаркированная гиперроль абсолютива кодируется прямым падежом номинативом, обычно совпадающим с корнем имени, а гиперроль агентива – косвенным эргативным падежом.

Иногда встречается также так называемая трехчленная (контрастивная) конструкция, противопоставляющая агентив и пациентив переходной клаузы единственному участнику непереходной.

Отмечу, что все четыре конструкции следуют принципу различительности, о котором говорилось выше. Однако возможна также и пятая, нейтральная конструкция, не различающая ролей переходной и непереходной клаузы. Эта конструкция находится в противоречии с принципом различительности. Возможно поэтому она встречается крайне редко.

Весь этот экскурс в типологию элементарного предложения опирался на морфологические тесты. Более детальное межъязыковое исследование эргативной конструкции в 70-х годах позволило обнаружить, что языки, имеющие морфологическую эргативную конструкцию, очень по-разному ведут себя синтаксически, особенно при построении поликлаузальных структур. Возникла гипотеза, см. [Anderson 1976], что в языках с эргативной конструкцией их эргативность ограничена морфологическим уровнем, а их синтаксис организован по аккузативной схеме. В этой связи сочинительная конструкция дагестанских языков представляет интерес с точки зрения того, как оформляются в этой конструкции анафорические отношения. Предвосхищая дальнейшее, можно сказать, что гипотеза Андерсона в данном случае не проходит, хотя в некоторых языках она как будто бы реализуется.

Универсальная для дагестанских языков эргативная конструкция (кодирующая предикатно-аргументную структуру клаузы) на синтаксическом уровне (с точки зрения моделей организации кодирования кореферентных отношений) потенциально может относиться со следующими альтернативными синтаксическими принципами (здесь мы используем обозначения: S – единственный участник непереходной клаузы, A – агентив переходной клаузы, P – пациентив переходной клаузы):

- **Принцип синтаксической нейтральности** (использовать одинаковые схемы анафорического кодирования независимо от ролевых характеристик именных групп – S, A и P).

¹² Отмечу, что я принципиально не согласен с внедрившейся в последние тридцать лет практикой усматривать особый морфологический падеж абсолютив. Против этого имеется масса возражений, но здесь не место об этом подробно говорить, см. [Кибрик 2003: 147, сн. 21].

¹³ Замечу, что участник непереходной клаузы в перспективе аккузативной конструкции интерпретируется как принципал, а в перспективе эргативной конструкции – как абсолютив, и это никоим образом не является семантическим парадоксом, потому что это – единственный участник события.

- **Принцип синтаксической аккузативности** (различное анафорическое кодирование в зависимости от ролевых характеристик именных групп, а именно S и A vs. P).
- **Принцип синтаксической эргативности** (различное анафорическое кодирование в зависимости от ролевых характеристик именных групп, а именно S и P vs. A).

У читателя может возникнуть вопрос, почему на синтаксическом уровне не действует принцип синтаксической эргативности. Ответ на него простой. Дагестанские языки являются семантически эргативными языками (в отличие, например, от синтаксической аккузативности европейских, следующих морфологической кодировке аккузативной схемы далеко не всегда¹⁴). Падежное маркирование в дагестанских языках однозначно связано с гиперролевыми характеристиками ИГ, поэтому, в частности, в них отсутствуют залоги, нарушающие это однозначное соответствие¹⁵. Для семантически эргативных языков ожидаемой является синтаксическая нейтральность.

Что касается синтаксической аккузативности, ее существование означало бы сдвиг в сторону языков другого типа, а именно языков морфологически эргативных, а синтаксически аккузативных¹⁶ (что и утверждается, как говорилось выше, некоторыми лингвистами). Именно вопрос о наличии этой альтернативы является для нашей темы важнейшим.

2.2.3. Синтаксические позиции кореферентных ИГ

При выборе контролера (и, соответственно, мишени) анафорического отношения могут действовать следующие принципы:

- **Принцип структурного приоритета** (контролер в главной клаусе (MC)).
- **Принцип линейного приоритета** (контролер линейно предшествует мишени).
- **Принцип приоритета непереходной клаузы** (контролер в непереходной клаусе).

Дагестанские языки различаются тем, какому из принципов они следуют.

Принцип структурного приоритета мотивирован престижной синтаксической позицией в сочинительной конструкции: элемент главной клаузы выше по синтаксическому дереву элемента зависимой клаузы.

Принцип линейного приоритета мотивирован первым упоминанием референта в линейной структуре конструкции, что соответствует общей идеи связи между кореферентными ИГ слева направо.

Наконец, последний принцип мотивирован легкостью нахождения антецедента, поскольку в непереходной клаусе такая ИГ единственная.

2.2.4. Линейная последовательность главной и зависимой клауз (при синтаксическом подчинении)

Как указывалось выше, в нарративах линейная последовательность клауз иконически указывает на временную последовательность развертывания событий. При подчи-

¹⁴ Аналогичным образом, язык дирбал, также использующий эргативную конструкцию, является синтаксически эргативным: в нем кореферентные связи ограничены номинативом, поэтому при кореферентности с ИГ в эргативе в зависимой клаусе необходимо антипассивное преобразование, повышающее эту ИГ до статуса номинатива. Эту интерпретацию языка дирбал см. в [Кибрик 2003: 173].

¹⁵ Так, в русском пассиве *Чины людьми даются* именительным падежом маркируется пациент, а не агенс, а агенс кодируется не именительным падежом, а творительным.

¹⁶ При этом вставал бы вопрос о сохранении или утрате семантической эргативности, который мы пока затрагивать не будем.

нительной технике оформления семантического сочинения необходимо указать, какая из клауз является главной, а какая зависимой. Это предопределется базисным синтаксическим принципом:

➤ **Принцип левостороннего ветвления.**

Этот принцип не является абсолютным. В некоторых случаях он может не действовать или локально нарушаться. При соблюдении этого принципа последовательность главной и зависимой клауз следующая:

Зависимая клауза + Главная клауза, то есть: $[C_2[C_1DC] + MC]$

В противном случае последовательность такая:

Главная клауза + Зависимая клауза, то есть: $[C_1MC + [C_2DC]]$

Итак, мы рассмотрели репертуар стратегий и принципов, которые участвуют в построении сочинительной конструкции в дагестанских языках и приводят к ее разнообразию.

Теперь обратимся к материалу конкретных языков и посмотрим, как действует эта система на практике.

3. АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ. ПРИНЦИП СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ И КОДИРОВАНИЕ МИШЕНИ АНАФОРИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ НУЛЕМ

Первичной основой для классификации языковых средств кодирования сочинительной конструкции являются принципы, выбирающие ту или иную синтаксическую модель организации кодирования кореферентных отношений в переходной клаузе. Наиболее исконным, первичным для семантически эргативных языков является принцип синтаксической нейтральности. Данный принцип совместим с различными комбинациями принципов и стратегий. В наиболее явном виде он представлен в том случае, когда мишень анафорической редукции оформляется нулем. Такое кодирование мишени встречается в половине языков нашей выборки.

3.1. Бежтинский язык

Бежтинский язык относится к цезской группе. В данной работе используются данные тлядальского диалекта. В бежтинском языке имеются две техники построения сочинительной конструкции. Начнем с рассмотрения 1-й конструкции.

Здесь и ниже рассматривается минимальная группа примеров, содержащая сочинительную конструкцию с непереходной и переходной клаузой. В непереходной клаузе представлен одноместный глагол движения, а в переходной клаузе – агентивный глагол ‘бить’, управляющий агентивной ИГ в эргативе и пациентивной ИГ в номинативе. ИГ в непереходной клаузе кореферентна одной из ИГ в переходной клаузе. Примеры различаются порядком следования непереходной и переходной клаузы и ролью кореферентной ИГ в переходной клаузе. Первая клауза выделена квадратными скобками. Кореферентные ИГ коиндексированы.

1. Мальчик девочку побил и ушел (букв. Девочку побив, мальчик ушел).
(2) a. $[\emptyset_i \text{ kid-nä} \quad j^{17}=\ddot{\text{a}}\text{L'en-nä,}] \quad \ddot{\text{o}}\text{že}_i \quad \text{eL'egö.}$
ERG 2.девочка.NOM-& 2=бить-CNV 1.мальчик.NOM 1.уйти.AOR

¹⁷ Здесь и ниже материально выраженный классно-числовой показатель отделен знаком =. Нулевой показатель не обозначен, но в строке гlosсирования его классное значение представлено и отделено точкой от корня.

2. Мальчик девочку побил, и она ушла (букв. Мальчик побив, девочка ушла).
- б. [öždi Ø_i j=äL'en-nä,] kid_i j=eL'erö.
мальчик.ERG 2.NOM 2=бить-CNV 2.девочка.NOM 2=уйти.AOR
3. Мальчик пришел и побил девочку (букв. Придя, мальчик девочку побил).
- в. [Ø_i öq'o-na,] öždi_i kid j=äL'ellö.
1.NOM 1.прийти.CNV мальчик.ERG 2.девочка.NOM 2=бить.AOR
4. Девочка пришла, и мальчик ее побил (букв. Придя, мальчик девочку побил).
- г. [Ø_i j=öq'o-na,] öždi_i kid_i j=äL'ellö.
2.NOM 2=прийти-CNV мальчик.ERG 2.девочка.NOM 2=бить.AOR

Во всех четырех предложениях первая клауза оформлена конвербным показателем при глаголе. Из двух ИГ, находящихся в анафорической связи, первая ИГ редуцируется до нуля (она является мишенью анафорической редукции, а вторая ИГ является контролером редукции и оформлена как полная ИГ). Иными словами, фактически в этом случае реализована катафорическая схема редукции. Кроме того, в первой, переходной клаузе полная ИГ в номинативе имеет при себе показатель сочинения, совпадающий с показателем конверба, см. (2а).

В примерах (2а–б) наличие нулевой анафоры в первой (переходной) клаузе однозначно восстанавливается, поскольку ее второй актант оформлен полной ИГ. Контролер находится во второй (непереходной) клаузе и выражен полной ИГ.

В примерах (2в–г) во второй клаузе имеется два кандидата на роль контролера, и однозначный выбор может быть осуществлен лишь благодаря согласованию глагола с нулевой ИГ. В (2в) это согласование по 1-му классу, а в (2г) – по 2-му¹⁸.

В 1-й конструкции активированы следующие принципы и стратегии, см. схему 1.

Схема 1

БЕЖТИНСКИЙ ЯЗЫК. 1-я конструкция

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>структурный приоритет</i> (контролер в МС), <i>левостороннее ветвление</i> (DC + МС)	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>кодирование подчинения в DC: CNV +</i> <i>& при ИГ¹⁹,</i> <i>кодирование мишени:</i> Ø

Принцип *левостороннего ветвления* проявляется в том, что во всех предложениях зависимая клауза предшествует главной. Принцип *синтаксической нейтральности* проявляется в том, что ролевые характеристики ИГ в сочиненных клаузах не влияют на построение сочинительной конструкции. Принцип *структурного приоритета* ограничивает место контролера анафорической связи в главной клаузе, а мишени – в зависимой. Как будет видно чуть ниже, это сочетание принципов с имеющимися стратегиями создает определенные проблемы интерпретации.

Теперь посмотрим, как стратегии осуществляют построение сочинительной конструкции. Стратегия *синтаксического подчинения* реализуется в различении главной и зависимой клаузы. *Кодирование подчинения* во всех случаях маркируется показателем *-na/-nä²⁰* при глаголе. Кроме того, номинативная ИГ в зависимой клаузе в (2а) также со-

¹⁸ Подавляющее большинство дагестанских языков имеют согласовательные именные классы. В четырехклассных системах принято их цифровое обозначение. Обычно к 1-му классу относятся имена мужчин, ко 2-му – имена женщин, распределение имен по 3-му и 4-му классам семантически неочевидно. В трехклассных системах ниже приняты обозначения: М – имена мужского класса, F – имена женского класса, N – имена среднего класса.

¹⁹ Это полная ИГ переходной клаузы. В бежтинском языке такая полная ИГ должна быть в номинативе.

²⁰ Выбор алломорфа зависит от правила гармонии, согласно которому ряд гласного корня контролирует ряд гласной суффиксов.

держит показатель семантического сочинения, идентичный показателю конверба. Кодирование *мишени* анафорической редукции реализуется анафорическим нулем.

Стратегии синтаксического подчинения и левостороннего ветвления являются наиболее стандартными в дагестанских языках и диктуются одноименными базовыми принципами (все синтаксические связи подчинительные и зависимый элемент связи предшествует главному). Что касается двух последних стратегий, то единые показатели клаузального подчинения и редукции *мишени* следуют из принципа нейтральности (отсутствует необходимость использования различных типов показателей).

Вместе с тем система принципов и стратегий приводит к тому, что в (2в–г) возможна референциальная неоднозначность в отношении контролера *мишени*. В обоих случаях главные клаузы полностью идентичны. Что касается зависимых клауз, то они отличаются только согласовательным показателем при глаголе. В (2в) согласование идет по 1-му классу, указывающему, что нулевая ИГ означает мальчика, а в (2г) – по 2-му классу, указывающему, что нулевая ИГ означает девочку. Значит, анафорическим контролером в (2в) является ИГ ‘мальчик’, а в (2г) – ИГ ‘девочка’. Вычисление референции в данном случае опирается на то, что контролеры в этих предложениях относятся к разным классам.

А что будет, если они не различаются по классу?

Патимат пришла и побила Аминат/Аминат пришла, и Патимат ее побила.

- (3) [Ø_{i,j} j=ðq'o-na,] pat'imati; aminat_j j=äL'ellö.
2.NOM 2=прийти.CNV Патимат.ERG 2.Аминат.NOM 2=бить.AOR

Такие предложения не запрещены, но они создают референциальную неоднозначность. Возникновение такой ситуации связано с тем, что для данной конструкции *принцип различительности* не активирован.

Примечательно, что в бежтинском языке существует также другая, 2-я конструкция, мотивированная, в отличие от 1-й конструкции, данным принципом. Эта конструкция строится на несколько отличной системе принципов и стратегий, см. схему 2.

Легко видеть, что принципы *структурного и линейного приоритета* в сочетании с принципом левостороннего ветвления вступают в конфликт. Преодолевается этот конфликт стратегией *выноса влево ИГ-контролера второй клаузы*. Рассмотрим 2-ю сочинительную конструкцию на тех же четырех предложениях²¹.

Схема 2

БЕЖТИНСКИЙ ЯЗЫК. 2-я конструкция

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>структурный приоритет,</i> <i>левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>вынос влево ИГ-контролера второй клаузы,</i> <i>кодирование подчинения в DC: CNV + & при ИГ,</i> <i>кодирование мишени:</i> Ø

1. Мальчик девочку побил и ушел.

- (4) a. öže_i [Ø_i kid-nä j=äL'en-nä,] eL'erö.
1.мальчик.NOM ERG 2.девочка.NOM-& 2=бить-CNV 1.уйти.AOR

2. Мальчик девочку побил, и она ушла.

- b. kid_i [öždi Ø_i j=äL'en-nä,] j=eL'erö.
2.девочка.NOM мальчик.ERG 2.NOM 2=бить-CNV 2=уйти.AOR

²¹ Для облегчения восприятия все последующие примеры используют те же самые предложения в том же порядке. Поэтому при отсылке к конкретному типу предложения ниже используются их порядковые номера, данные курсивом: (1), (2), (3), (4).

3. Мальчик пришел и побил девочку.

v. öždi;	[Ø _i	öq'o-na,]	kid	j=äL'ellö.
мальчик.ERG	1.NOM	1.прийти-CNV	2.девочка.NOM	2=бить.AOR

4. Девочка пришла, и мальчик ее побил.

g. kid _i	[Øi	j=öq'o-na,]	öždi	j=äL'ellö.
2.девочка.NOM	2.NOM	2.прийти.CNV	мальчик.ERG	2=бить.AOR

Отличие 2-й конструкции от 1-й состоит в том, что контролер анафорической связи (находящийся, в соответствии с принципом структурного приоритета, в главной клаузе), продвигается в левую позицию предложения с целью удовлетворить принципу линейного приоритета. При этом одновременно такое перемещение позволяет сохранить принцип различительности, хотя с точки зрения этого принципа перемещение влево необходимо только для (3–4), а для (1–2) оно избыточно. Отдельного обоснования требует интерпретация предложения (4г).

С точки зрения падежного кодирования ‘девочка’ в главном и зависимом предложениях имеет форму номинатива. Поэтому можно было бы считать, что выдвижения влево в этом случае нет и *kid* находится в зависимой клаузе, а нулевое кодирование представлено во второй, главной клаузе. Однако тогда (4г) строилось бы без учета принципа структурного приоритета, что противоречит как 1-й, так и 2-й конструкции. Принятый анализ (4г) является единственным возможным из системных соображений. Вместе с тем последовательность двух номинативных ИГ, одна из которых не имеет материального выражения, создает определенные проблемы, и другая техника реализована в арчинском языке, см. (8г).

Итак, между 1-й и 2-й конструкцией с точки зрения базового принципа различительности лежит пропасть. Допустимость предложений типа (3) является для дагестанских языков почти уникальной. Ниже мы увидим разнообразие выходов из этой ситуации.

С точки зрения базового принципа синтаксической нейтральности данные бежтинского языка доказывают, что ролевые характеристики именных групп не влияют на выбор конструкции.

3.2. Чамалинский язык

Чамалинский язык относится к андийской группе дагестанских языков. Сочинительная конструкция в чамалинском языке в ряде отношений также напоминает 2-ю конструкцию бежтинского языка. Рассмотрим эмпирический материал (по данным говора сел. Нижнее Гаквари).

1. Брат, побив сестру, ушел.

(5)	a. wac _i ,	[Ø _i	jac-la	č'in,]	w=eχa wu=na ²² .
	1.брать.NOM	ERG	сестра.NOM-&	бить.CNV ²³	l=уйти.AOR

2. Сестра, (как) брат (ее) побил, ушла.

b. jac _i ,	[wacud-la	Ø _i	č'in,]	j=eχa ji=na.
2.сестра.NOM	брать.ERG-&	2.NOM	бить.CNV	l=уйти.AOR

3. Брат пришел и побил сестру.

b. [wac _i	wi=?a,]	Ø _i	jac	č'in.
брать.NOM	1=прийти.CNV ²⁴	ERG	сестра.NOM	бить.AOR

4. Сестра пришла, и брат (ее) побил.

g. [jac _i	ni=?a,]	wacud	Ø _i	č'in.
2.сестра.NOM	1=прийти.CNV	брать.ERG	2.NOM	бить.AOR

²² Глагол ‘уйти’ состоит из наречного элемента, изменяющегося по классам, и глагола *na* ‘идти’. В подстрочной гlosse dается единая гlosса.

²³ У этого глагола конверб отличается от аориста только долготой корневого гласного.

²⁴ У глагола ‘прийти’ конверб не отличается от аориста.

Как и в бежтинском языке, мишень во всех случаях оформляется нулем и контролер всегда предшествует мишени. Последнее свойство означает, что в чамалинском языке действует принцип *линейного приоритета*. Остаются три вопроса.

Во-первых, чем регулируется позиция контролера анафорической связи? В (5а–б) он находится в главной клаузе, а в (5в–г) – в зависимой. Значит, принцип структурного приоритета не действует. Вместо него активирован принцип *приоритета непереходной клаузы*.

Во-вторых, почему в (5а–б) имеет место *выдвижение ИГ-контролера влево*? С точки зрения принципа *различительности* это избыточно. Однако данная стратегия необходима ввиду действия принципа линейного приоритета.

В-третьих, почему выдвижение влево ИГ-контролера имеет место только в (5а–б)? Это объясняется тем, что ИГ-контролер в (5в–г) находится в первой клаuze и уже удовлетворяет принципу линейного приоритета.

Наконец, в (5–б) можно видеть, что в зависимой клаuze показатель сочинения имеется не только на номинативной полной ИГ, но и на эргативной, в отличие от бежтинского языка.

Итак, теперь мы можем сформулировать принципы и стратегии, активированные в чамалинском языке, см. схему 3.

Схема 3

ЧАМАЛИНСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>приоритет непереходной клаузы,</i> <i>левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>вынос влево ИГ-контролера второй клаузы,</i> <i>кодирование подчинения в DC:</i> CNV + & при ИГ, <i>кодирование мишени:</i> Ø

3.3. Хваршинский язык

Хваршинский язык, как и бежтинский, относится к цезской группе. Рассмотрим примеры (данные говора сел. Инхоквари).

1. *Мальчик девочку побил и ушел.*
- (6) a. uže_i, [Ø_i] kad-in šuk'u-n,] ēl'i.
1.мальчик.NOM ERG 2.девочка.NOM-& 2.бить-CNV 1.уйти.AOR
2. *Мальчик девочку побил, и она ушла.*
- b. kad_i, [uža-n] Ø_i šuk'u-n], j=ēl'i.
2.девочка.NOM мальчик.ERG-& NOM 2.бить-CNV 2=уйти.AOR
3. *Мальчик пришел и побил девочку.*
- c. uže_i ot'q'i [Ø_i] kad-in šuk'u-n].
1.мальчик.NOM 1.прийти.AOR ERG 2.девочка.NOM-& 2.бить-CNV
4. *Девочка пришла, и мальчик ее побил.*
- d. kad_i j=ot'q'i [uža-n] Ø_i šuk'u-n].
2.девочка.NOM 2=прийти.AOR мальчик.ERG-& NOM 2.бить-CNV

Примеры (ба–б) по структуре идентичны чамалинским примерам (5а–б). Однако (бв–г) отличаются от всего, что мы наблюдали ранее. А именно, зависимая клауза следует за главной. Это значит, что принцип левостороннего ветвления в хваршинском языке по крайней мере не является обязательным, и его роль требует особого рассмотрения (см. ниже). Для хваршинского языка прежде всего существенно то, что, наряду с

принципом *структурного приоритета*, действует принцип *приоритета непереходной клаузы*.

Теперь встает вопрос о принципе линейного приоритета. Если предположить, что он не задействован, то почему же тогда в (ба–б) происходит *вынос ИГ-контролера влево*? Из принципов различительности, структурного приоритета и контролера в непереходной клаузе это не следует. Значит, принцип *линейного приоритета* также вносит вклад в оформление сочинительной конструкции.

А действует ли, хотя бы частично, принцип левостороннего ветвления? Примеры (ба–б) как будто бы подтверждают это. Однако последовательность главной и зависимой клауз однозначно выводится из совместного действия принципов структурного приоритета и наличия контролера в непереходной клаусе. Таким образом, принцип левостороннего ветвления в хваршинском языке не действует.

Из этого рассуждения следует одна важная идея: одна и та же схема может возникать как результат взаимодействия различных систем принципов.

В итоге мы можем восстановить следующую систему принципов и стратегий для хваршинского языка, см. схему 4.

Схема 4

ХВАРШИНСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>структурный приоритет,</i> <i>приоритет непереходной клаузы</i>	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>вынос влево ИГ-контролера второй клаузы</i> ²⁵ , <i>кодирование подчинения в DC:</i> CNV + & при ИГ, <i>кодирование мишени:</i> Ø

3.4. Арчинский язык

В арчинском языке (лезгинская группа) также представлено более одной конструкции. Начнем с такой техники, которая нам уже знакома по бежтинскому языку (2-я конструкция).

1. *Брат сестру ударил и ушел.*

- (7) a. ušdu_i, [Ø_i] došmis daxdi-li,] uqla.
1.брать.NOM ERG сестра.DAT ударить-CNV 1.уйти.AOR

2. *Брат сестру ударил, и она ушла.*

- b. došdur_i, [ušmi Ø_i] daxdi-li,] o=r=qIa.
2.сестра.NOM брат DAT ударить-CNV 2=уйти.AOR

3. *Брат пришел и сестру ударил.*

- c. ušmi_i, [Ø_i] qIa-li,] došmis daxdi.
брать.ERG 1.NOM 1.прийти-CNV сестра.DAT ударить.AOR

4. *Сестра пришла, и брат ее ударил.*

- d. došmis_i, [Ø_i] da=qIa-li,] usmi daxdi.
сестра.DAT 2.NOM 2.прийти-CNV брат.ERG ударить.AOR

Следует обратить внимание на то, что в этой конструкции второй актант переходной клаузы выражен дативом, поэтому в (7a), как и в прочих случаях, нет полной ИГ в номинативе, и нет данных, прибавляется ли к такой ИГ показатель сочинения.

²⁵ Если такой ИГ нет, данная стратегия не реализуется.

Дагестанские языки обладают такой специфической чертой, что в них обычно имеется два глагола с семантикой физического воздействия, и эти глаголы имеют разные модели управления. Эти глаголы, с некоторой долей условности, переводятся русскими аналогами ‘бить’ и ‘ударить’. Они имеют три валентности, кодируемые падежами:

‘бить’ < агенс: эргатив; претерпевающее лицо: номинатив, эффектор: эргатив>
 ‘ударить’ < агенс: эргатив; претерпевающее лицо: датив, эффектор: номинатив>

Необычным является то, что глагол ‘ударить’ обычно не имеет при себе имени эф-фектора (объекта, фактически вступающего в контакт с претерпевающим, например ‘кулак’, ‘палка’), поэтому при нем обычно нет имени в номинативе. Я не случайно начал рассмотрение с такого случая, поскольку он является более простым.

Если претерпевающий (пациентив) выражен более стандартно, номинативом, то соответствующее предложение типа (4) невозможно:

1. Брат сестру побил и ушел.

(8)	a. ušdu,	[Ø]	došdur	dāħerti-li,]	uqIa
	брать.NOM	ERG	сестра.NOM	бить-CNV	уйти.AOR

2. Брат сестру побил, и она ушла.

b. došdur _i ,	[ušmi	Ø _i	dāħertiili,]	o=r=qIa.
2.сестра.NOM	брать	NOM	бить-CNV	2=уйти.AOR

3. Брат пришел и сестру побил.

v. ušmi _i ,	[Ø _i	qIa-li,]	došdur	dāħerti.
брать.ERG	1.NOM	1.прийти-CNV	сестра.NOM	бить.AOR

4. Сестра пришла, и брат ее побил.

g. *došdur _i	[Ø _i	da=qIa-li,]	ušmi	dāħerti.
2.сестра.NOM	2.NOM	2=прийти-CNV	брать.ERG	бить.AOR

g'. ušmi,	[došdur _i	da=qIa-li,]	Ø _i	dāħerti.
брать.ERG	сестра.2.NOM	2=прийти-CNV	NOM	бить.AOR

Невозможность (8г) связана с тем, что, при выносе кореферентной ИГ влево возникает последовательность двух идентичных ИГ (антecedента и анафора) в номинативе, из которых вторая ИГ нулевая, и затрудняется идентификация синтаксической позиции полной ИГ в номинативе (входит ли она в главную или зависимую клаузу)²⁶. Поэтому в данном случае используется необычная стратегия (8г'): влево выдвигается ИГ второй клаузы, не вступающая в анафорическое отношение с ИГ первого предложения. При этом блокируется принцип структурного приоритета, и ИГ зависимой клаузы является антecedентом анафорического отношения. Такая локальная техника для ситуации типа (8г'), кроме арчинского, представлена только в цахурском языке, см. (9г).

В целом обобщить наши выводы можно в соответствии со схемой 5.

Схема 5

АРЧИНСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, ±структурный приоритет ²⁷ , см. (4), левостороннее ветвление	синтаксическое подчинение, вынос влево ИГ второй клаузы, кодирование подчинения в DC: CNV, кодирование мишени: Ø

²⁶ В бежтинском языке та же ситуация во 2-й конструкции не блокируется, см. (4г).

²⁷ Знак ± означает, что данный принцип может при некоторых условиях не действовать.

3.5. Цахурский язык

Цахурский язык входит в лезгинскую группу. Рассмотрим примеры (говор сел. Микик).

1. *Отец побил девочку и ушел.*
- (9) a. dak^j²⁸ [Ø_i iči geti_] ark'ín-na.²⁹
отец.1.NOM ERG девочка.2.NOM 2.бить.PF уйти.PF-ATTR
2. *Мальчик девочку побил, и она ушла*³⁰.
- b. iči_i, [gadē Ø_i gēti_] ark'ín-na.
девочка.2.NOM мальчик.ERG 2.NOM 2.бить.PF уйти.PF-ATTR
3. *Отец пришел и побил девочку.*
- c. dake_i, [Ø_i qarit_] iči gēti.
отец.ERG 1.NOM прийти.PF девочка.2.NOM 2.бить.PF
4. *Девочка пришла, и мальчик (ее) побил*³¹.
- d. gadē, [iči_i qarit-me || qarit-pka³²], Ø_i || jiži gēti.
мальчик.ERG девочка.2.NOM прийти-TEMP1 || TEMP2 2.NOM || REFL 2.бить.PF

Прежде всего, в отличие от всех предыдущих языков, в (9а–в) глагол в зависимой клаузе не имеет материального конвербного показателя: он стоит в форме, совпадающей с перфективной основой и с одной из форм глагола в независимом предложении. Возможны различные решения этой морфологической проблемы. В [Тестелец 1999: 458–459] в контексте независимого предложения и сочинительной конструкции эта форма считается аористом³³, в [Kazenin, Testelec 2004] она трактуется в обоих контекстах как конверб. Возможно также по-разному характеризовать эту форму: как аорист в независимой клаузе и как конверб в сочинительной конструкции. Для целей данной работы мне достаточно указать ее особый морфосинтаксический статус.

В (9г) глагол имеет форму одного из временных конвербов.

Далее, во всех случаях возможна нулевая анафора, а в (9г) в качестве варианта – возвратное местоимение³⁴.

Наконец, во всех случаях происходит вынос ИГ главной клаузы влево. В (9а–в) это контролер анафорической редукции. (9г) отличается от (9а–в) тем, что влево выносится ИГ, не являющаяся контролером. Контролер анафорической редукции находится в зависимой клаузе. Эта техника встречается, как указывалось выше, в арчинском языке, см. (8г'). В отличие от арчинского, вынос влево в (9г) не является обязательным. Пример (9г) примечателен также тем, что в зависимой клаузе используется один из временных конвербов и в главной клаузе допускается рефлексивная³⁵ анафорическая редукция (при которой контролером является ИГ зависимой клаузы).

²⁸ Надстрочным знаком ^j обозначается палатализованный велярный *k*.

²⁹ Возможно также предложение *dak^j, iči gēti, alhālsda* ‘Отец, побив девочку, уйдет’. Это значит, что время главного глагола не влияет на форму вставленного.

³⁰ Перевод этого предложения неточный. Более буквalen, хотя и не грамматичен был бы следующий перевод: ‘Девочка, мальчик (ее) побив, ушла’.

³¹ Точнее был бы перевод: ‘Мальчик, когда девочка пришла, (ее) побил’.

³² Форма глагола, представленная в (9а–в), здесь невозможна; *-me* и *-pka* – показатели конверба с временным значением ('как только' и 'после того как' соответственно). Вынос Агента/Экспериенцера в левую позицию не является обязательным.

³³ В сочинительной конструкции эта форма является связанной: она имеет только значение предшествования и сочетается с различными видо-временными формами главной клаузы.

³⁴ Эта стратегия означает, что цахурский язык приближается к языкам, описываемым в разд. 4.

³⁵ В принципе данное местоимение является не возвратным, а эмфатическим, употребляемым в широком диапазоне контекстов, см. [Лютикова 1999: 620–629; Толдова 1999: 644–670].

Есть ли основания рассматривать все эти особенности как следствие аккузативности? Очевидно, что нет. В (9б), где также имеется кореферентность с пациентивом переходной клаузы, техника построения сочинительной конструкции стандартно нейтральная.

Видимо, все особенности предложения (9г) обусловлены другими причинами, в частности, необычным выносом влево ИГ, не являющейся контролером. Эта ИГ в данной позиции является текущей темой, а следующая за ней непереходная зависимая клауза вводит другого участника. Эта клауза является фоновой, а в ней содержится ИГ-контролер. Цахурский язык более чувствителен к коммуникативной когнитивной сфере, чем арчинский, и поэтому в данном случае используется другая конструкция (с временным конвербом), повышающая коммуникативный ранг второй клаузы. Возможность выразить мишень эмфатическим местоимением также подчеркивает данную особую ситуацию.

Ниже мы встретимся с различными проявлениями наличия, наряду с ролевой сферой, коммуникативной сферы, влияющей на оформление сочинительной конструкции.

Можно обобщить анализ приведенного материала на схеме 6.

Схема 6

ЦАХУРСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>± структурный приоритет</i> , см. (4) <i>левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>вынос влево ИГ второй клаузы,</i> <i>кодирование подчинения в DC:</i> STEM _{PF} TEMP, см. (4). <i>кодирование мишени:</i> Ø, см. (1–4) REFL, см. (4)

Наряду с примерами в (9а, в) возможны следующие альтернативные конструкции:

1. *Отец побил девочку и ушел.*

- (10) a. [dake_i iči giti_j] Ø_i ark'ín-pa.
отец.ERG девочка.2.NOM 2.бить.PF NOM уйти.PF-ATTR

3. *Отец пришел и побил девочку.*

- b. [dak_i qar_j] Ø_i iči giti_j.
отец.NOM прийти.PF ERG девочка.2.NOM 2.бить.PF

Эта техника применяется только к таким предложениям, в которых анафорическим отношением связана агентивная ИГ переходной клаузы. Предложение (10в) формально может иметь только одну интерпретацию, а предложение (10а) потенциально допускает конфликт контролеров в первой клаузе, однако данная конструкция также однозначна, при контролере-девочке типа (2) такая конструкция невозможна. Примечательно, что эта конструкция не имеет полной парадигмы, она напоминает явления, с которыми мы еще неоднократно встретимся ниже. Данные (10) указывают на наличие в цахурском языке намечающейся тенденции к синтаксической аккузативности, не оформленшейся еще в единую последовательную парадигму, ср. агульский язык, см. разд. 5.3.

3.6. Даргинский язык

Даргинский язык, образующий отдельную ветвь в генетической классификации, представлен данными чирагского диалекта. Этот диалект весьма удален от литературного даргинского языка и по существу может считаться особым языком.

1. *Побив брата, он ушел.*

- (11) a. [Ø_i uči-ta itib-le_j] it_i agur.
ERG брат.M.NOM-& М.бить.AOR-CNV OH.NOM уйти.AOR

2. букв. <i>Брат (меня) побив, я ушел.</i>					
б. [učil-e Ø _i itib-le,]	брать-ERG M.NOM M.бить.AOR-CNV		du _i	я.NOM	agur-da. уйти.AOR-IP
3. <i>Придя, я его побил.</i>					
в. [Ø _i w=ač'ib-le,]	M.NOM M=приходить.AOR-CNV	dice _i	it		itib-da. М.бить.AOR-IP
4. <i>Когда сестра пришла, брат ее побил.</i>					
г. [Ø _i r=ač'ib-ša,]	F.NOM F=приходить.AOR-TEMP	ruče _i	učil-e	r=itib.	
		сестра.F.NOM	брать-ERG	F=бить.AOR	

В даргинском языке, как и в 1-й конструкции *бжетинского языка*, см. разд. 3.1, нет выноса ИГ второй клаузы влево, нулевой анафоре находится в первой (зависимой клаузе), а антецедент – во второй, главной. То есть действует принцип *структурного приоритета*. Как мы знаем, в этом случае возникают проблемы с принципом различительности в примерах типа (3–4). Даргинский язык подчиняется принципу *различительности*, поэтому, при сохранении нулевого выражения анафбра, различие между (11в) и (11г) осуществляется при помощи особого кодирования зависимой клаузы в (11г), ср. *цахурский язык*, разд. 3.5. А именно, в (11в) сохраняется стандартное кодирование конвербным показателем, а в (11г) используется форма временного конверба.

Почему маркированное средство (придаточное времени) в даргинском, как и в цахурском языке, сочетается именно со смыслом (4), а не (3)? Формально это можно рассматривать как переключение референции, распространенное в языках с аккузативной конструкцией. Однако это средство в даргинском языке используется только с целью обеспечить различение кореферентных связей и не используется в (11б), где такой потребности нет. Значит, самостоятельной функции переключения референции в даргинском языке нет. Моя гипотеза состоит в том, что выбор особого конкретного средства мотивирован спецификой конструкции с временным конвербом. Следует также обратить внимание на то, что в (11г) инвертирован порядок следования именных групп. Пацентивная ИГ предшествует агентивной ИГ, в отличие от немаркированного порядка слов в (11в). Можно предположить что порядок слов соответствует стратегии постановки темы на первое место. Если это так, то имеет место сохранение текущей темы³⁶ для всего предложения, в отличие от формально близкой конструкции в *цахурском языке* в (10г). Тем не менее данная гипотеза нуждается в тщательной проверке на дополнительном материале.

Обобщение техники построения сочинительной конструкции см. на схеме 7.

Схема 7

ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность, различительность, структурный приоритет, левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: CNV TEMP, см. (4), кодирование мишени: Ø³⁷</i>

³⁶ О влиянии дискурсивных характеристик (таких как противопоставление проксиматива vs. обвиатива в алгонкинских языках или топикализация) на сочинительное сокращение в разноструктурных языках отмечалось еще в работе [Comrie 1988: 189, 199 и сл.].

³⁷ Вне парадигмы имеется также оформление мишени при помощи REFL, см. (11г').

Наряду с (11г) возможна также и следующая конструкция:

4. Когда сестра пришла, брат ее побил.

- (11) г'. [гісє_i г=ač'ib-ša.] učil-e cere_i r=itib.
сестра.F.NOM F=приходить-TEMP брат-ERG REFL.F.NOM F=бить.PAST

В (11г) действует принцип структурного приоритета, в (11г') – принцип *линейного приоритета* (плюс наличие рефлексивного анафора), чем и достигается различительность (11г') от (11в).

Данная конструкция не включена в парадигму, тем не менее она строится по схемам, более последовательно представленным в других языках.

3.7. Лакский язык

Лакский язык, как и даргинский, образует отдельную ветвь в генетической классификации дагестанских языков. Рассмотрим данные (говор сел. Хосрех).

1. Он меня (муж.) побил и ушел. (=Меня побив, он ушел).

- (12) а. [Ø_i па aw̄tu-pu,] la=w=gun-di g.a_i.
ERG я.1.NOM 1.бить-CNV 1=уходить.AOR-3P он.1.NOM

2. Он меня побил, и я (муж.) ушел.

- б. [g,ana-1 Ø_i aw̄tu-pu,] la=w=gu-ta па_i.
он-ERG 1.NOM 1.бить-CNV 1=уходить.AOR-1P я.1.NOM

3. Я пришел и его побил. (=Придя, я его побил.) // *Он пришел, и я его побил.

- в. [Ø_i ūk'u-nu,] па_i g.a а̄ta-w.
1.NOM 1.прийти-CNV я.ERG он.1.NOM 1.бить.AOR-1P

4. Я пришел, и он меня побил.

г. ???

Лакский язык использует такую же технику кодирования сочинения, как *бежтинский*, см. разд. 3.1, и *даргинский*, см. разд. 3.6: принцип *структурного приоритета* и *левостороннего ветвления*. Это реализуется в нулевом выражении анафора в первой клаузе.

При препозиции непереходной клаузы этого средства не хватает для различия смыслов (3) и (4). В *бежтинском* допускается неоднозначность (то есть снимается принцип различительности), см. (3), в *даргинском* используется стандартная техника для (3), а для (4) – временной конверб, см. (11в–г). В лакском эта ситуация приводит к тому, что стандартная техника используется для смысла (3), а для смысла (4) отсутствуют средства языкового выражения.

Если допустима кореферентная неоднозначность, употребляется временной конверб на *-kip*:

3–4. (Я или он) пришел, и я его побил.

- (13) [Ø_{i,j} ūk'u-kip,] па_i g.a Ø=āta-w.
я/он.1.NOM 1.прийти-TEMP я.ERG он.1.NOM 1=бить-1P

Итак, в лакском языке под давлением принципа *различительности* и имеющихся кодирующих средств в (12) делается выбор в пользу использования этих средств для выражения смысла (3), что внешне похоже на некоторое движение в сторону аккузативности, однако опять же это движение мотивировано не перстройкой организации базовой структуры предложения, а указанными выше причинами. В (13) при показателе *-kip* блокируется принцип *различительности*, ср. *бежтинский язык*, 1-я конструкция. Поэтому я интерпретирую эти факты как сохранение принципа синтаксической нейтральности.

Результат нашего анализа представлен на схеме 8.

Схема 8

ЛАКСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность, различительность, см. (3–4), структурный приоритет, левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: CNV TEMP, см. (3–4), кодирование мишиени: Ø</i>

3.8. Ахвахский язык

Ахвахский язык относится к андийской группе языков. Ниже представлены данные говора сел. Тадмагитль.

В ахвахском языке имеются две конструкции, из которых 1-я имеет полную парадигму, а 2-я – только при препозиции непереходной клаузы.

В ахвахском языке имеется три именных класса: мужской (M), женский (F) и средний (N). Имя в номинативе контролирует префиксальное согласование в глаголе, начинающемся с гласного. Глагол зависимой клаузы при разных комбинациях переходной и зависимой клаузы оформляется разными показателями.

1. Мальчик, девочку побив, ушел.

- (14) a. waša_i, [Ø_i] jaše-la L'ag-o,] w=āni.
М.мальчик.NOM ERG девочка.NOM-& бить-CNV1.M M=уйти.AOR

2. Девочка, когда мальчик (ее) побил, ушла.

- b. jaše_i, [wašo-de-la Ø_i] L'ag-e,] j=āni.
F.девочка.NOM М.мальчик-ERG-& NOM бить-CNV1.F F=уйти.AOR

3. Мальчик, придя, девочку побил.

- b. wašo-de_i, [Ø_i] w=oq'ula w=oq'o,] jaše L'ageri.
мальчик-ERG M.NOM M=прийти.CNV2 девочка.NOM бить.AOR

4. Девочку, когда (она) пришла, мальчик побил.

- г. jaše_i, [Ø_i] j=eq'e-θi,] wašo-de L'ageti.
девочка.NOM 2.NOM 2=прийти-TEMPR мальчик.ERG бить.AOR

В этой конструкции всегда действуют принципы *структурного и линейного приоритета* и стратегия *выноса ИГ второй клаузы влево*. Эта ИГ является контролером анафорической связи, а анафор, находящийся в зависимой клаузе, является нулевым. Этих средств более чем достаточно³⁸ для сохранения принципа *различительности*. (Кстати, (14г) показывает, что в ахвахском, как и в бежтинском, в отличие от арчинского языка,ср. (8г), отсутствует ограничение на номинатив антецедента и нулевого анафора.) Таким образом, с точностью до маркирования глагола зависимой клаузы, техника построения сочинительной конструкции идентична бежтинскому языку, см. разд. 3.1, 2-я конструкция.

Тем не менее, в каждом из четырех предложений используется особая форма глагола зависимой клаузы. Выбор формы зависит от порядка следования непереходной и переходной клауз и от того, какой из актантов переходной клаузы вступает в отношение ко-референтности.

³⁸ Для различения смыслов (1–2) достаточно нулевой анафоры в зависимой клаузе.

При смыслах (1–2), то есть при препозиции переходной клаузы, используется конверб 1, оформленный показателем, изменяющимся по классам (показатель *-o* при антецеденте мужского класса и *-e* – при антецеденте женского (и среднего) класса. Различие между анафором-агенсом в (1) и анафором-пациенсом в (2) не влияет на тип конверба.

При смысле (3), то есть при контролере-агенсе в переходной клаузе, глагол зависимой клаузы оформлен особым типом конверба, представляющим собой редупликацию глагола³⁹, первая часть которого сопровождается сочинительной частицей *-la*.

При смысле (4) используется форма временного конверба, показатель *-li*.

Очевидно, что тип глагольного показателя зависит от коммуникативной структуры всего предложения и не мотивирован ролевыми характеристиками актантов. К сожалению, отсутствуют данные с сочинением двух непереходных клауз.

Выше, в даргинском языке, см. (11г), появление временного конверба было обусловлено необходимостью сохранить принцип различительности. В цахурском языке, см. (9г), имеется определенное сходство с функцией временного конверба⁴⁰ в (14г).

2-я конструкция возможна только тогда, когда непереходная клауза следует за первой.

3. Мальчик пришел (*u*) девочку побил.
- (15) a. [waša_i w=oq'ula w=oq'o_i] Ø_i jaše L'aqerī.
1.мальчик.NOM 1=прийти.CNV.2 ERG девочка.NOM бить.AOR
4. Девочка пришла, (*u*) мальчик (*ee*) побил.
- b. [jaše_i j=eq'c-ɻi_i] wašo-de Ø_i L'aqerī.
девочка.NOM 2=прийти-TEMP мальчик-ERG NOM бить.AOR

В примерах (15а–б) принцип структурного приоритета и стратегия выноса влево ИГ не действуют⁴¹, поэтому допустимы (при сохранении принципа различительности) только те конструкции, когда непереходная клауза предшествует переходной: в этом случае антецедент восстанавливается однозначно. Тип конверба выбирается аналогично 1-й конструкции.

Схема 9

АХВАХСКИЙ ЯЗЫК. 1-я конструкция

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, структурный приоритет, левостороннее ветвление	синтаксическое подчинение, вынос влево ИГ второй клаузы, кодирование подчинения в DC: CNV1, см. (1–2) CNV2, см. (3) TEMP, см. (4) + & при ИГ, кодирование мишени: Ø

Таким образом, данные ахвахского языка свидетельствуют о сохранении принципа синтаксической нейтральности⁴².

³⁹ Аналогичная форма конверба имеется в аварском языке, см. раздел 4.4.

⁴⁰ Эта техника в цахурском также не обусловлена требованием различительности.

⁴¹ Отмечу, что на поверхностном уровне (14г) и (15б) идентичны, и решение о выносе влево в (14г) и отсутствии вынесения в (15б) решается, исходя из системных соображений. В частности, учитываются примеры с другими двухместными глаголами, имеющими не номинативное оформление второго актанта, см. [Кибрик 2003: 676].

⁴² В отличие от вывода, сделанного в [Кибрик 2003: 677].

Обобщение данных 1-й и 2-й конструкции представлено на схемах 9–10.

Схема 10

АХВАХСКИЙ ЯЗЫК. 2-я конструкция, смыслы (3–4)

ПРИНЦИПЫ: <i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>левостороннее ветвление</i>	СТРАТЕГИИ: <i>синтаксическое подчинение,</i> <i>кодирование подчинения в DC:</i> CNV2 TEMP + & при ИГ, <i>кодирование мицени:</i> Ø
--	--

3.9. Цезский язык

Цезский язык, как и бежтинский, входит в цезскую группу. Рассмотрим примеры (данные говора сел. Кидеро).

1. Мальчик побил девочку и ушел.

- (16) a. uži_i, [Ø_i kid(no) žek'-no,] ik'is.
 1.мальчик.NOM ERG девочка.2.NOM(&) бить-CNV 1.уйти.PAST
2. Мальчик побил девочку, и она ушла.
- б. kid_i, [užä Ø_i žek'-no || zek'-run,] j=ik'is.
 2.девочка.NOM мальчик.ERG NOM бить-CNV || гип 2.уйти.PAST
3. Мальчик, придя, побил девочку.
- в. už-ä_i, [Ø_i aji-n,] kid žek'si.
 мальчик-ERG 1.NOM 1.прийти-CNV девочка.NOM бить.PAST
4. Девочка пришла, и мальчик (её) побил. (букв. Девочка пришла, мальчик (её) побил.)
- г. [kid_i j=aji-n,] už-ä Ø_i žek'si.
 девочка.2.NOM 2=прийти-CNV мальчик-ERG NOM бить.PAST

(16б) отличается от других предложений факультативной возможностью, наряду со стандартным конвербом *-no*, использовать форму на *-run*⁴³. (16г), в отличие от (16а–в), не использует техники выноса влево ИГ второй клаузы. То, что в (16г) нет вынесения влево, видно в предложениях, в которых пациентив выражен не номинативом. Так, глагол 'ударить' требует агентива в эргативе, а пациентива в генитиве 2, см. (17а). В (17б) видно, что вынесения влево нет (тогда 'девочка' была бы оформлена падежом генитив 2).

3. Мальчик, придя, ударил девочку.

- (17) а. už-ä_i, [Ø_i aji-n,] kid-zo rälsi.
 мальчик-ERG 1.NOM 1.прийти-CNV девочка.GEN2 ударить.PAST
4. Девочка пришла, и мальчик (её) ударил.
- б. [kid_i j=aji-n,] už-ä Ø_i rälsi.
 девочка.2.NOM 2=прийти-CNV мальчик-ERG NOM ударить.PAST

Конструкция без выдвижения влево возможна еще в одном случае:

1. Мальчик побил девочку и ушел.

- (18) [už-ä_i kid(no) žek'-no,] Ø_i ik'is.
 мальчик-ERG девочка.2.NOM-& бить-CNV NOM 1.уйти.PAST

⁴³ Статус этой формы неясен. Она условно интерпретируется нами как временной конверб.

Техника выражения кореферентности в (18) не достигает различительности, она обеспечивается согласованием глагола в главной клаузе по 1-му классу. Смысл (2) таким образом не выражается.

Итак, в цезском языке наблюдается локальная вариативность техник построения сочинительной конструкции. Факультативная вариативность связана со смыслами (1–2). Обязательная вариативность появляется при смысле (4), с которым уже и раньше возникала смена конструкции, ср. *арчинский, цахурский, лакский языки*. В цезском это проявляется в блокировании принципа структурного приоритета и в отсутствии вынесения ИГ влево. При этом второе явление фактически следует из первого.

Система принципов и стратегий, используемых в цезском языке, представлена на схеме 11.

Схема 11

ЦЕЗСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>±структурный приоритет</i> , см. (4), <i>левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>±вынос влево ИГ второй клаузы</i> , см. (4), <i>кодирование подчинения в DC</i> : CNV тип, см. (2), + <i>±& при ИГ,</i> <i>кодирование мишени</i> : \emptyset

3.10. Гинухский язык

Гинухский язык также относится к цезской группе. На нем говорят только в сел. Гинух. Рассмотрим примеры.

1. *Мальчик, ударив сестру, ушел.*
- (19) а. uži_i, [Ø_i ešu-z(po) roł-no,] il'is.
мальчик.1.NOM ERG сестра-DAT(&) ударить-CNV 1.уйти.PAST
2. *Сестра, мальчик (ее) ударив, ушла.*
- б. ešu_i, [uži-j(po) Ø_i roł-no,] j=iL'is.
сестра.2.NOM мальчик-ERG(&) NOM ударить-CNV 2=уйти.PAST
3. *Мальчик когда пришел, ударил сестру.*
- в. [uži_i aqej-L'o,] Ø_i ešu-z rołiš.
мальчик.1.NOM 1.прийти-TEMP ERG сестра-DAT ударить.PAST
4. *Сестра когда пришла, мальчик (ее) ударил.*
- г. [ešu_i j=aqej-L'o,] uži-j Ø_i rołiš.
сестра.2.NOM 2=прийти-TEMP мальчик-ERG DAT ударить.PAST

Создается впечатление, что для выражения смыслов (1–2) и (3–4) используются разные кодирующие средства. В (19а–б) мы видим проявление принципов *структурного* и *линейного приоритета* и кодирование зависимой клаузы конвербом. В (19в–г) проявляется только принцип линейного приоритета, а глагол зависимой клаузы оформлен временным показателем. Частичное сходство с цезским языком, см., разд. 3.9, состоит в том, что в нем также имеется конструкция без выдвижения ИГ: это реализовано в (16г).

Чем все-таки обусловлено такое различие между (19а–б) и (19в–г)? В (19а–б) непереходная клауза является главной, а в (19в–г) – зависимой. Обратим также внимание на то, что во всех предложениях контролер анафорической связи находится в непереносной клауде. Этот принцип имеет структурную мотивацию: при использовании нулевых анафор он обеспечивает однозначную интерпретацию анафорической связи.

Особое кодирование глагола в зависимой клаузе в (19в–г) не связано с принципами различительности и нейтральности. Как и в ахвахском языке, оно мотивировано семантикой типов зависимых клауз и вкладом в эту семантику коммуникативных факторов.

Итак, в гинухском языке сочинительная конструкция обусловлена принципами линейного приоритета и приоритета непереходной клаузы. В (19а–б) принцип линейного приоритета обуславливает выдвижение ИГ влево. Следует отметить, что и при отсутствии выдвижения принцип различительности не нарушался бы. В (19в–г) непереходная клауза предшествует переходной, и выдвижение ИГ влево не нужно.

Результат нашего анализа приведен на схеме 12.

Схема 12

ГИНУХСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, приоритет непереходной клаузы, левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение, вынос влево ИГ-контролера второй клаузы, кодирование подчинения в DC: CNV + & при ИГ, кодирование мишени: Ø</i>

4. АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ. ПРИНЦИП СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ И КОДИРОВАНИЕ МИШЕНИ АНАФОРИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ НУЛЕМ, МЕСТОИМЕНИЕМ, РЕФЛЕКСИВОМ ИЛИ ПОЛНОЙ ИГ

Мы рассмотрели десять языков, в которых анафор выражался единственным способом: нулём. Теперь обратимся к языкам, в которых используются различные средства кодирования анафора.

4.1. Хиналугский язык

Хиналугский язык является одноаульным. Он образует отдельную ветвь в генетической классификации. Территориально он расположен в Кубинском районе Азербайджана. Рассмотрим примеры.

1. *Мальчик девочку как только толкнул, ушел.*

- (20) а. [gadi_i riši χäš=s=xu-hälätilli,] Ø_i latraχi-šämä.
мальчик.ERG девочка.2.NOM 2=толкнуть.PF-CNV 1.NOM 1.йти-PAST

2. *Мальчик девочку как только толкнул, она ушла.*

- б. [gadi riši_i χäšsxu-hälätilli,] Ø_i latiřsacχi-šämä⁴⁴.
мальчик.ERG 2.девочка.NOM 2=толкнуть.PF-CNV 2.NOM 2.йти-PAST

3. *Мальчик домой как только пришел, девочку толкнул.*

- в. [gada_i c'wa kav-i-hälätilli,] Ø_i riši χäšsxu-šämä.
1.NOM домой 1.прийти.PF-CNV ERG девочка.2.NOM 2.толкнуть-PAST

4. *Девочка домой как только пришла, мальчик (ее) толкнул.*

- г. [riši_i c'wa ka=z-i=v-hälätilli,] gadi Ø_i χäšsxušämä.
2.девочка.NOM домой 2=прийти.PF-CNV мальчик.ERG 2.NOM 2.толкнуть-PAST

В хиналугском языке зависимая клауза во всех примерах оформлена показателем временного конверба⁴⁵. Позиция контролера определяется принципом линейного приоритета, поэтому в (20а–б) поддержание референции при нулевом анафоре обеспечивается только классным согласованием. Если обе ИГ в переходной клаузе относятся к одному классу, мишень во второй клаузе оформляется полной ИГ:

⁴⁴ Глагол ‘йти’ имеет две позиции для классно-числовых показ.: latir=s=a=c=χi-šämä (z → с перед глухим фрикативным χ).

⁴⁵ Этот показатель имеет прозрачную этимологию, он образован от локативной формы имени ‘время’.

1. Мать девочку как только толкнула, ушла.
- (21) a. [dedi_i riši χäš=s=xu-hälätilli,] dede_i latiṣacχi-šämä.
мать.ERG 2.девочка.NOM 2=толкнуть.PF-CNV 2.мать.NOM 2.йти-PAST
2. Мать девочку как только толкнула, та ушла.
- b. [dedi riši_i χäšxu-hälätilli,] riši_i latiṣacχi-šämä.
мать.ERG 2.девочка.NOM 2.толкнуть.PF-CNV 2.девочка.NOM 2.йти-PAST

Итак, повтор ИГ используется в тех случаях, когда при нулевом анафоре не обеспечивается однозначность референции.

Механизм построения сочинительной конструкции обобщен в схеме 13.

Схема 13

ХИНАЛУГСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, левостороннее ветвление	синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: TEMP, кодирование мишени: Ø, см. (1-4) FULL, см. (1-2), если классное согласование не различает контролеров

4.2. Будухский язык

Будухский язык относится к лезгинской группе, территориально, как и хиналугский, он расположен в Азербайджане. Рассмотрим примеры (данные собраны в сел. Будух).

1. Мальчик позвал девочку и ушел.
- (22) a. [gədətə_i riž naʃrə sü?ür-na,] Ø_i viχi-ʒi.
мальчик.ERG 2.девочка.NOM 2.звать.PF-CNV 1.NOM 1.йти-PAST
2. Мальчик позвал девочку, и девочка ушла.
- b. [gədətə_i riž_i naʃrə sü?ür-na,] riž_i vüχü-ʒü.
мальчик.ERG 2.девочка.NOM 2.звать.PF-CNV 2.NOM 2.йти-PAST
3. Мальчик пришел и девочку позвал.
- c. [gədə_i fəχi-na,] Ø_i riž_i naʃrə sü?ür-ʒü.
1.мальчик.NOM 1.прийти.PF-CNV ERG 2.девочка.NOM 2.звать-PAST
4. Девочка пришла, и мальчик (*ее*) позвал.
- d. [riž_i fəχü-na,] gədətə_i Ø_i naʃrə sü?ür-ʒü.
2.девочка.NOM 2.прийти.PF-CNV мальчик.ERG 2.NOM 2.звать-PAST
5. Мальчик пришел и сел.
- e. [gədə_i fəχina,] Ø_i aqul-ʒi.
1.мальчик.NOM 1.прийти.PF-CNV NOM сесть-PAST

В будухском языке, как и в хиналугском, действует принцип *линейного приоритета*. В (22в-г), где контролер находится в непереходной клаузе, нулевое выражение мишени в переходной клаuze сохраняет принцип *различительности*. Аналогично устроены предложения с двумя непереходными клаузами, см. (22д). В (22а-б), где контролер находится в переходной клаuze, сохранение нулевого кодирования анафора в общем случае⁴⁶

⁴⁶ В данных примерах восстановление антецедента возможно по классному согласованию, поскольку агенс и пациент относятся к разным классам и в глаголе эксплицитно выражена классная принадлежность антецедента.

противоречит принципу различительности. Если хиналугский язык по-разному оформляет кореферентность в зависимости от наличия или отсутствия согласовательных средств, то в будухском языке используется одна конструкция, игнорирующая согласовательную информацию. Поэтому для коммуникативно немаркированной кореферентности в (а) нулевое кодирование сохраняется, а при маркированной кореферентности анафора выступает в форме полной ИГ.

Будухский язык сохраняет принцип синтаксической нейтральности. В обобщенном виде система образования сочинительной конструкции представлена на схеме 14.

Схема 14

БУДУХСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>кодирование подчинения в DC: CNV,</i> <i>кодирование мишени: Ø, см. (1, 3–5)</i> FULL, см. (2)

4.3. Тиндинский язык

Тиндинский язык принадлежит к андийской группе, его ближайшим родственником является рассмотренный выше чамалинский язык, см. разд. 3.2. Рассмотрим данные говора сел. Тинди.

1. *Брат сестру побил и ушел.*

- (23) a. [wač_i jači L'awo,] Ø_i w=oLO.
брат.ERG сестра.NOM бить.PAST 1.NOM 1=уйти.PAST

2. *Брат сестру побил, и она ушла.*

- b. [wač_i jači_i L'awo,] o=j_i j=eLO.
брат.ERG сестра.NOM бить.PAST PRON.NOM=2 2=уйти.PAST

3. *Брат пришел и сестру побил.*

- v. [wač_i w=o?o] Ø_i jači L'awo.
брать.1.NOM 1=прийти.PAST ERG сестра.NOM бить.PAST

4. *Сестра пришла, и брат (ее) побил.*

- г. [jač_i 2=j?o] wač_i Ø_i L'awo.
сестра.2.NOM 2=прийти.PAST брат.ERG NOM бить.PAST

Глагол первой клаузы совпадает с финитной формой прошедшего времени. Встает вопрос, который выше уже обсуждался в связи с цахурским языком: является ли это совпадением форм конверба и прошедшего времени, или это одна и та же форма. Опираясь на мнение Т.Е. Гудавы [Гудава 1967: 378]: “деепричастие прошедшего времени использует форму прошедшего времени”, я трактую сочинительную конструкцию как синтаксически подчинительную, но сохраняю гlosсирование финитным показателем.

Тиндинский отличается от будухского только финитной формой глагола в зависимой предикации и выбором анафора в (23б): для поддержания референции при смысле (2) используется личное местоимение, в отличие от нулевого анафора. В (23г), как и в будухском, представлен нулевой анафор, то есть принцип аккузативности по-прежнему не действует. Построение сочинительной конструкции в тиндинском языке обобщено на схеме 15.

ТИНДИНСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<i>синтаксическая нейтральность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>левостороннее ветвление</i>	<i>синтаксическое подчинение,</i> <i>кодирование подчинения в DC: VF_{PAST},</i> <i>кодирование мишени:</i> Ø, см. (1, 3–5) PRON, см. (2)

4.4. Аварский язык

Данные по аварскому языку относятся к анцухскому диалекту (сел. Чадаколоб), в ряде отношений далекому от литературного языка. Аварский язык отличается от ранее рассмотренных языков тем, что в нем интенсивно используются разные стратегии кодирования мишени анафорической редукции. Рассмотрим примеры⁴⁷.

1. Мальчик девочку побил и ушел.
- (24) а. [vašas_i jaša L'ap'žigi l'ap'u,] vaš_i || vaš_i lunt'a.
мальчик.1.ERG девочка.2.NOM бить.CNV⁴⁸ PRON.1 || мальчик.NOM уйти.AOR
2. Мальчик девочку побил, и она ушла.
- б. [vašas_i jaša L'ap'žigi l'ap'u,] ve_i || jaša_i lunt'a.
мальчик.1.ERG девочка.2.NOM бить.CNV PRON.2 || девочка.NOM уйти.AOR
3. Мальчик пришел и побил девочку.
- в. [vaša_i s.elžigi solu,] Ø_i || kas_i jaša L'ap'ri.
мальчик.1.NOM прийти.CNV ERG || PRON.1.ERG девочка.NOM бить.AOR
4. Девочка пришла, и мальчик ее побил.
- г. [jaša_i s.elžigi solu,] vašas Ø_i || ve_i L'ap'ri.
девочка.2.NOM прийти.CNV мальчик.ERG NOM || PRON.2.NOM бить.AOR

Прежде всего бросается в глаза, что мишень всегда находится во второй, главной клаузе и выражается нулем, личным местоимением или полной ИГ. При этом при смысле (3–4) возможно местоимение или нуль, а при смысле (1–2) – местоимение или полная ИГ. Поскольку местоимение возможно во всех случаях, различаются нуль и полная ИГ.

Первая клауда всегда зависимая (то есть действует принцип левостороннего ветвления), и в ней всегда находится контролер (то есть действует принцип *линейного приоритета*).

Далее, в (24в–г) референция мишени устанавливается однозначно, поэтому допустимо ее нулевое кодирование, а в (24а–б) такое кодирование привело бы к нарушению принципа *различительности*. Поскольку такое кодирование в данном контексте невозможно, значит, этот принцип также регулирует построение сочинительной конструкции. Кодирование полной именной группой позволяет установить референцию мишени. Также в примерах (24а–б) возможно кодирование местоимением, различающим классы, и форма местоимения однозначно указывает на его антецедент. Когда оба актанта первого предложения относятся к одному и тому же классу, прономинализация не используется:

1. Отец мальчика побил и ушел.
- (25) а. [deded_i vaša L'ap'žigi l'ap'u,] dede_i lunt'a.
отец.ERG 1.мальчик.NOM бить.CNV 1.отец.NOM уйти.AOR

⁴⁷ В аварском языке по классам изменяются только глаголы, начинающиеся с гласного, поэтому в нижеследующих примерах глаголы не имеют классных показателей. Местоимение 3-го лица в номинативе различает классы.

⁴⁸ Здесь и ниже конверб выражен аналитически редупликацией глагольного корня.

2. Отец мальчика побил, и тот ушел.
- б. [deded vaša; L'ap'žigi L'ap'u,] vaša; lunt'a.
отец.ERG 1.мальчик.NOM бить.CNV 1.мальчик.NOM уйти.AOR

Интересно, что в хиналугском языке, максимально удаленном по родству и ареалу от аварского языка, действует почти идентичная схема, ср. 4.1, за исключением того, что в хиналугском языке личное местоимение как форма мишени не используется, см. [Кибрик 2003: 578–579]. Во всех четырех предложениях используется нулевая анафора, если не нарушается принцип различительности (достаточно классной формы глагола, уточняющей референцию мишени 1-го или 2-го класса). Если же обе ИГ переходной клаузы, как в (21а–б), относятся к одному классу, мишень в неперходной клаузе выступает как полная ИГ.

Теперь можно построить схему принципов и стратегий, см. схему 16.

Схема 16

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, левостороннее ветвление	синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: CNV, кодирование мишени: PRON, (1–4) Ø, см. (3–4) FULL, см. (1–2), если классное согласование не различает контролеров

На примере аварского языка хорошо видно, чем мотивировано такое разнообразие способов кодирования анафора. Местоименная редукция применима во всех случаях, при этом она поддерживает референцию благодаря наличию классных форм местоимения.

Нулевая анафора применяется в тех случаях, когда ее достаточно для поддержания референции, то есть при препозиции неперходной клаузы. При препозиции переходной клаузы нулевая анафора невозможна, но часто достаточно местоименной анафоры. Наиболее маркированной является полная ИГ, когда ни нулевая, ни местоименная анафора не обеспечивают различительности.

4.5. Рутульский язык

Рутульский язык относится к лезгинской группе. Глагол зависимой клаузы в сочинительной конструкции стоит в форме, совпадающей с формой аориста (показ. аориста *-r*, присоединяющийся к основе совершенного вида, показ. *-i*). Аналогичная ситуация имеется в цахурском (ближайшем родственнике рутульского языка, см. 3.5) и тиндинском (см. 4.3) языках.

Рассмотрим материал (данные говора сел. Лучек).

1. Мальчик девочку побил и ушел
- (26) а. [gadijer; riš; r=etir,] [Ø; qIa=r=χiř].
мальчик.ERG 2.девочка.NOM 1/2=бить.AOR NOM 1/2=уйти.AOR
2. Мальчик девочку побил, и она ушла.
- б. [gadijer riš; r=etir,] [riš; || r=iř; qIa=r=χiř].
1.мальчик.ERG 2.девочка.NOM 1/2 = бить.AOR 2.девочка || 2.REFL.NOM 1/2 = уйти.AOR
3. Мальчик пришел и побил девочку.
- в. [gada; ji=r=q'iř,] [Ø; riš; r=etir].
1.мальчик.NOM 1/2=прийти.AOR ERG 2.девочка.NOM 1/2=бить.AOR

4. Девочка пришла, и мальчик ее побил.	
г. [r=iš _i ji=r=q'ir] [gadijer Ø _i r=iž _i] r=etir].	2.девочка.NOM 1/2=прийти.AOR мальчик.ERG NOM 2.REFL.NOM 1/2=бить.AOR

При первом взгляде может показаться, что поддержание референции осуществляется по аккузативной схеме. Однако при более внимательном изучении примеров выясняется, что это не так.

Контролер анафорического отношения всегда находится в первой клаузе, а мишень – во второй, то есть действует принцип *линейного приоритета*. Мишень в разных предложениях оформляется нулем, возвратным местоимением или полной ИГ.

Что касается глагольного согласования, то в данных примерах оно нерелевантно, так как все имеющиеся примеры содержат глаголы, не различающие 1-й и 2-й класс (показатель $r =$ в префиксальной и инфиксальной позициях).

В (26в–г) с непереходной первой клаузой, имеющей единственный кандидат в контролеры, референция мишени устанавливается однозначно как при нулевой анафоре, возможной в обоих предложениях, так по возвратному местоимению, различающему 1-й и 2-й классы (в 1-м классе $w = iž$, а во 2-м – $r = iž$)⁴⁹. Возвратное местоимение в качестве варианта имеется в (26г).

Примеры (26а–б) с переходной первой клаузой, если ограничиться уже отмеченными выше ресурсами (принцип линейного приоритета и кодирование мишени нулем или возвратным местоимением), заведомо могут создавать неоднозначность референции. Поскольку такая ситуация избегается, значит принцип *различительности* в рутульской сочинительной конструкции сохранен. Легко видеть, что ситуация с предложениями в (26а–б) похожа на *аварскую*, см. (25а–б). Но если в аварском языке для обоих предложений избирается полная ИГ, рутульский язык пытается в максимальной степени сохранить нулевую анафору, сохраняя ее при контролере-агентиве в (26а), а при контролере- пациентиве в (26б) используя полную ИГ.

Почему не наоборот (нулевая анафора при контролере пациентиве и полная ИГ при агентиве)? Я полагаю, что для этого есть когнитивные основания. Нarrативная ситуация с двумя когнитивно-сопряженными ситуациями тяготеет к сохранению текущей темы дискурса, а она универсально гармонирует с семантической ролью принципала, лежащего в основе аккузативной схемы. В качестве подтверждения такой интерпретации можно указать на явное статистическое предпочтение сохранения текущей темы в сочинительных конструкциях: предложений такого типа практически во всяком языке давляющее большинство. Если сохранение текущей темы является когнитивно немаркированным, то использование для этого наименее маркированной формы мишени объяснимо. Смена же темы вызывает использование маркированного способа анафорической отсылки – полной номинации.

Следует также проинтерпретировать использование в качестве варианта именно рефлексивной формы мишени в (26б, г). Эта форма есть по существу эмфатическое местоимение типа русского *сам*, указывающее на необходимость смены ожиданий слушающего о референте, см. [Кибрик, Богданова 1995; Лютикова 1999].

В данном случае мы имеем ситуацию *вынужденно* (как и в *аварском языке*) отхода от единообразного кодирования мишени, мотивированного принципом различительности и опорой на коммуникативные характеристики сочинительной конструкции.

Ситуация в рутульском языке (как и в ряде других языков) не может быть интерпретирована в терминах принципа аккузативности: она возникает из типично нейтральной конструкции как средство сохранить принцип различительности (вспомним, что *бенгтинский язык*, см. разд. 3.1, в своей 1-й конструкции в аналогичной ситуации этим принципом жертвует).

⁴⁹ Замечу, что в данном случае классная характеристика местоимения избыточна.

Подведем итоги рассмотрения данных рутульского языка, см. схему 17.

Схема 17

РУТУЛЬСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ: синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, левостороннее ветвление	СТРАТЕГИИ: синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: VF _{AOR} , кодирование мишени: Ø, см. (1, 3–4) REFL, см. (2, 4) FULL, см. (2)
--	--

4.6. Табасаранский язык (говор сел. Кондик)

Табасаранский язык входит в лезгинскую группу. Ниже используются примеры из говора сел. Кондик (южный диалект).

1. *Брат сестру побил и ушел.*

- (27) a. [Ø_i či үigččnu,] če_i ušnu.
ERG сестра.NOM бить.CNV брат.NOM уйти.AOR

2. *Брат сестру побил, и она ушла.*

- b. [čičči či үigččnu,] či сестра.NOM
брать.ERG сестра.NOM бить.CNV сестра.NOM
уйти.AOR

3. *Брат пришел и сестру побил.*

- v. [če_i kaſnu,] Ø_i či үigččnu.
брать.NOM прийти.CNV ERG сестра.NOM бить.AOR

4. *Сестра пришла, и брат ее побил.*

- g. [či_i kaſnu,] čičči dunu_i үigččnu.
сестра.NOM прийти.CNV брат.ERG PRON.NOM бить.AOR

В кондикском говоре имеется морфологическое различие между аористом и конвербом, которое в нашем ограниченном материале нейтрализовано.

Действует принцип приоритета *непереходной клаузы*. Поэтому в (27a–б) контролер во второй клаузе, а в (27v–г) – в первой. Наиболее это очевидно в предложениях (27a, v–г). В (27б) из системных соображений следует считать, что мишень, выраженная полной ИГ, находится в первой клаузе.

Нулевая анафора представлена при смыслах (1, 3), когда в переходной клаузе в анафорическом отношении вступает агентив. Что касается пациентива, то при избранной технике кодирования мишень при смыслах (2, 4) также могла бы выражаться нулем, с сохранением принципа *различительности*. Однако в табасаранском языке действует принцип когнитивной маркированности мишени анафорической связи. Наименее маркированы пары (с учетом различия между анафорой и катафорой⁵⁰):

<контролер: S, мишень: A>, см. (3) и <мишень: A, контролер: S>, см. (1);
более маркирована анафорическая пара:

<контролер: S; мишень: P>, см. (4);

и максимально маркирована катафорическая пара:

<мишень: P; контролер: S>, см. (2).

⁵⁰ Собственно анафорическая пара, с предшествованием контролера, приводится первой, а катафорическая, с предшествованием мишени – второй.

Если бы действовал принцип аккузативности, было бы достаточно бинарной оппозиции. Посмотрим, как оформляется кореферентность при сочинении двух непереходных клауз.

5. Брат пришел и лег.					
(28)	= а.	[Ø _i] NOM	каfnu.] прийти.AOR	če _i брать.NOM	daqnu. лечь.AOR
	= б.	[če _i брать.NOM]	каfnu.] прийти.AOR	če _i брать.NOM	daqnu. лечь.AOR
	= в-г.	[če _i брать.NOM]	каfnu.] прийти.AOR	Ø _i dumu NOM PRON.NOM	daqnu. лечь.AOR
6. Брат замерз и умер.					
(29)	= а.	[Ø _i NOM	вагипи.] замерзнуть.AOR	če _i брать.NOM	daqnu. умереть.AOR
	= б.	[če _i брать.NOM]	вагипи.] замерзнуть.AOR	če _i брать.NOM	vik'nu. умереть.AOR
	= в-г.	[če _i брать.NOM]	вагипи.] замерзнуть.AOR	Ø _i dumu NOM PRON.NOM	vik'nu. умереть.AOR

В (28) соединены клаузы с двумя одноместными агентивными глаголами, в (29) – с двумя пациентивными глаголами. В обоих случаях могут реализоваться все три конструкции, зафиксированные в (27). Если бы действовал принцип аккузативности, следовало бы ожидать одной конструкции с нулевой анафорой.

О чем это свидетельствует? Возможность варьирования конструкций при непереходных клаузах говорит о том, что выбор конструкции не связан с ролевыми или гиперролевыми характеристиками актантов. Различия лежат в коммуникативной сфере, чувствительной к когнитивной естественности сочетаний кореферентных пар. Выбор формы мишени определяется не формально-синтаксически, а на основании иерархии маркированности анафорической связи.

Таким образом, следует принять решение, что с точки зрения синтаксических свойств базисной конструкции предложения в табасаранском языке действует принцип синтаксической нейтральности, см. схему 18.

Схема 18

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК (говор сел. Кондик)

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая нейтральность, различительность, приоритет непереходной клаузы, левостороннее ветвление	синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: CNV, кодирование мишени: Ø, см. (1, 3) PRON, см. (4) FULL, см. (2)

4.7. Гунзибский язык

Гунзибский язык, входящий в группу цезских языков, существенно отличается технической построения сочинительной конструкции от своих ближайших родственников. Рассмотрим примеры (данные⁵¹ говора сел. Гунзиб).

⁵¹ Эти данные во многом отличаются от описания [van den Berg 1995], в частности, отсутствием деепричастных форм на -(V)n, см. (30а–б) и наличием редуплицированных деепричастий, см. (30в–г). Однако в описании Ван ден Берг нет полной парадигмы предложений, поэтому использовать его в наших целях невозможно.

- 1. Мальчик побил девочку и ушел.*
- (30) a. [oždil, kid(no) heher,] žun, ēl'er.
 мальчик.ERG девочка.NOM(&) бить.PAST REFL.NOM 1.уйти.PAST
- 2. Мальчик побил девочку, и она ушла.*
- b. [oždil kid(no), heher,] žun, || kid-no, j=ēl'er.
 мальчик.ERG девочка.NOM(&) бить.PAST REFL || девочка.NOM-& 2=уйти.PAST
- 3. Мальчик, придя, побил девочку.*
- c. oždil, [Ø, āq'an-āq'en,] kid heher.
 мальчик.ERG 1.NOM 1.прийти.CNV девочка.NOM бить.PAST
- 4. Девочка пришла, и мальчик её побил.*
- d. [kid, j=āq'an-j=aq'en,] oždil Ø, || ogu, heher.
 2.девочка.NOM 2=прийти.CNV мальчик.ERG NOM||PRON.2.NOM бить.PAST

Как и в гинухском языке, см. разд. 3.10, глагол зависимой клаузы по-разному оформляется в (30а–б) и (в–г) (ср. хваринский язык, разд. 3.3). В (30а–б) используется форма, совпадающая с финитной формой глагола, а в (30в–г) – конверб⁵².

Во всех случаях действует принцип линейного приоритета. При этом в (30в), в отличие от всех других предложений, имеет место вынос ИГ влево, ср. цезский язык, разд. 3.9.

Анафор оформляется всеми возможными способами: нулем, рефлексивом, личным местоимением и полной ИГ, иногда в качестве вариантов. В (30в–г) анафор оформляется нулем, причем в (30г) возможна также в качестве варианта форма личного местоимения. В (30а, б) анафор выражен возвратным местоимением, причем в (30б) возможна также полная ИГ. В (30а–б) глагол согласуется по классу, что позволяет различить референцию возвратного местоимения (сам рефлексив по классам не изменяется). Если оба участника в таких предложениях не различаются по классу, в (30б) используется только полная ИГ:

- 1. Сестра побила девочку и ушла.*
- (31) a. [ist'il, kid(no) heher,] žun, j=ēl'er.
 сестра.ERG девочка.NOM(&) бить.PAST 2.REFL.NOM 2=уйти.PAST
- 2. Сестра побила девочку, и та ушла.*
- b. [ist'il kid(no), heher,] kid-no, j=ēl'er.
 сестра.ERG девочка.NOM(&) бить.PAST 2.девочка.NOM-& 2=уйти.PAST

В целом поддержание референции в гунзиском языке оформляется по-разному во всех четырех предложениях. Хотя и в очень запутанном виде, принцип семантической эргативности (= синтаксической нейтральности) сохраняется, см. схему 19.

Схема 19

ГУНЗИБСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<p>синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, ±структурный приоритет, см. (3), левостороннее ветвление</p>	<p>синтаксическое подчинение, ±вынос влево ИГ-контролера второй клаузы, см. (3), кодирование подчинения в DC: VF/CNV, см. (1–2 vs. 3–4) ± & при ИГ, Ø, см. (3–4) кодирование мишени: REFL, см. (1–2) PRON, см. (4) FULL, см. (2)</p>

⁵² Эта форма образуется с помощью редупликации корня, ср. аварский (разд. 4.4) и ахвахский (разд. 3.8) языки.

5. АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ. НА ПУТИ К СИНТАКСИЧЕСКОЙ АККУЗАТИВНОСТИ

До сих пор мы рассматривали данные языков, в которых проявлялась семантическая эргативность. Некоторые языки вели себя последовательно в соответствии с принципом синтаксической нейтральности. Вместе с тем встречались языки, в которых обнаруживалось также действие факторов, связанных с коммуникативными характеристиками предложения. Они независимым образом накладывались на кодирование эргативного типа, не образуя единых кластеров. Теперь обратимся к тем немногим языкам, в которых наблюдается более тесное взаимодействие кодирующих средств, напоминающее аккузативную технику.

5.1. Лезгинский язык

Лезгинский язык входит в лезгинскую группу. В отличие от большинства дагестанских языков, лезгинский язык утратил именные классы. В лезгинском языке (используются данные говора сел. Жлют) имеется две конструкции: с синтаксическим сочинением (соответствующие примеры помечены штрихом типа (а')) и синтаксическим подчинением (соответствующие примеры помечены двумя штрихами (типа (а'')). Примечательно, что схема построения сочинительной конструкции в остальном идентична.

1. Мальчик девочку бьет и кричит⁵³.
- (32) а'. [gadadi_i r̄iš katazava] va [Ø_i harajzava].
мальчик.ERG девочка.NOM бить.PRS и кричать.PRS
а''.[gadadi_i r̄iš kata-z,] Ø_i harajzava.
мальчик.ERG девочка.NOM бить-CNV ERG кричать.PRS
2. Мальчик девочку бьет, и она кричит.
- б'. [gadadi r̄iš_i katazava] va [r̄iša_i harajzava].
мальчик.ERG девочка.NOM бить.PRS и девочка.ERG кричать.PRS
б''.[gadadi r̄iš_i kata-z,] r̄iša_i harajzava.
мальчик.ERG девочка.NOM бить-CNV девочка.ERG кричать.PRS
3. Мальчик кричит и бьет девочку.
- в'. [gadadi harajzava] va [Ø_i r̄iš katazava].
мальчик.ERG кричать.PRS и ERG девочка.NOM бить.PRS
в''.[gadadi harajari-z,] Ø_i r̄iš katazava.
мальчик.ERG кричать-CNV ERG девочка.NOM бить.PRS
4. Девочка кричит, и мальчик ее бьет.
- г'. [r̄iša_i harajzava] va [gadadi ama_i katazava].
девочка.ERG кричать.PRS и мальчик.ERG PRON.NOM бить.PRS
г''.[r̄iša_i harajari-z,] gadadi ama_i katazava.
девочка.ERG кричать-CNV мальчик.ERG PRON.NOM бить.PRS
5. Мальчик идет и кричит.
- (33) [gada_i q.ä-z,] Ø_i harajzava.
мальчик.NOM идти.CNV ERG кричать.PRS

Как мы видим, в лезгинском языке в обеих конструкциях действует принцип *линейного приоритета*. При синтаксическом сочинении глаголы обеих клауз представлены в одинаковых финитных формах, при подчинении глагол зависимой клаузы имеет форму конверба⁵⁵.

⁵³ В данном случае сочиняются клаузы, обозначающие две одновременно происходящие ситуации.

⁵⁴ Одноместный глагол 'кричать' оформляет свой единственный актант эргативом. Это никак не сказывается на сути рассматриваемых конструкций.

⁵⁵ Идентификация этой формы вызывает затруднения. Согласно [Мейланова 1967: 536], показатель -z оформляет целевое наклонение, но он же может использоваться как показатель конверба.

Мишень всегда находится во второй клаузе. Она оформляется нулем, местоимением или полной ИГ. Нужно подчеркнуть, что репертуар кодирования мишени совпадает с техникой *аварского языка*, см. разд. 4.4, и зависит от типа контролера, но распределение форм другое⁵⁶.

В лезгинском языке, в отличие от аварского, местоимение не различает классов, поэтому его способность к установлению антецедента равносильна нулевой анафоре. Они различаются лишь степенью маркированности коммуникативного статуса (дискурсивной тематичности) кореферентных ИГ.

Немаркованной является ситуация, когда обе кореферентные ИГ являются текущей темой дискурса. В непереходной клаузе это единственная ИГ, а в переходной – агентивная ИГ. В такой ситуации во второй клаузе используется нулевая анафора, смыслы (1, 3). Замечу, что несущественно, какая из ИГ является контролером, а какая мишенью.

В (33) представлен пример с двумя непереходными клаузами. В этом случае также используется нулевая анафора, и это естественно, так как в данном предложении речь идет о единственном участнике. Его ролевые характеристики не существенны, важно, что с коммуникативной точки зрения этот участник и является текущей темой дискурса.

Ситуация, когда кореферентная ИГ в переходной клаузе является пациентивом, не гармонирующими со статусом текущей темы дискурса, является маркованной. Почему же в лезгинском языке при смысле (4) используется местоименная анафора, а при смысле (2) – полная ИГ? Местоименная анафора используется, когда достаточно только обозначить маркованную коммуникативную ситуацию в противоположность немаркованной, хотя проблемы установления антецедента мишени в (32г'–г") нет. То есть функция местоименной анафоры состоит не в установлении референции, а в указании на неидентичность коммуникативного статуса мишени статусу контролера⁵⁷. Предложения типа (32б'–б") отличаются от (32г'–г") тем, что в них изначально заложена референциальная неоднозначность, и ее маркованное снятие обеспечивается особым средством – полной ИГ (именно это мы видим в ряде языков, использующих данное средство).

Хочу подчеркнуть, что для понимания природы сочинительной конструкции в лезгинском языке важную роль играет сравнение ее с конструкцией *аварского языка*. Лезгинский язык реализует дальнейшее движение конструкции аварского языка в сторону синтаксической аккузативности. Но это лишь начальный этап движения к подлинной синтаксической аккузативности. В основе лезгинской конструкции лежит не гиперролевая семантика принципала, а синтаксическое проявление концепта текущей темы дискурса, относящегося к коммуникативной сфере. Вместе с тем, поскольку этот концепт естественно гармонирует с ролевым концептом принципала, в исторической перспективе это движение может привести к склеиванию ролевых и коммуникативных свойств ИГ и к возникновению последовательной синтаксической аккузативности.

⁵⁶ Напомню, что в ситуации возможности установления референции при нуле, то есть в примерах (24в–г), когда мишень находится в переходной клаузе, в аварском языке используется нуль (или местоимение). Когда нулевая анафора приводит к неоднозначности, то есть в примерах (24а–б), где в первой клаузе находится два потенциальных контролера, нуль невозможен. В этих случаях используется полная ИГ или, если потенциальные контролеры относятся к разным классам, местоимение.

⁵⁷ Это формально то же, что switch reference (переключение референции) в языках с синтаксической аккузативностью, указывающей на смену субъекта во второй клаузе по сравнению с предыдущей.

Итак, обобщим наши рассуждения в схематическом виде на схеме 20.

Схема 20

ЛЕЗГИНСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая/коммуникативная аккузативность, различительность, линейный приоритет, левостороннее ветвление (при подчинительной стратегии)	<i>a) синтаксическое союзное соединение: va,</i> <i>б) синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: CNV, кодирование мишеней: Ø, см. (1, 3)</i> <i> PRON, см. (4)</i> <i> FULL, см. (2)</i>

5.2. Крызский язык

Крызский язык входит в лезгинскую группу, но ареально расположен в Азербайджане в высокогорном Закавказье. Его ближайший родственник – будухский язык, см. разд. 4.2. В крызском языке реализуется явное движение к аккузативной схеме поддержания референции. Рассмотрим примеры (данные сел. Крыз).

- 1. Мальчик девочку позвал и ушел.*
- (34) a. [gädär *rišuχ* χoki] \emptyset_i GÄČ'-Ži.
 мальчик.ERG девочка.ESS звать.PF 1.NOM 1.уйти-AOR
- 2. Мальчик девочку позвал, и она ушла.*
- б. [gädär *rišuχ_i* χoki] ad_i || riš_i GÄ=p'=č'i-Ži.
 мальчик.ERG девочка.ESS звать.PF PRON || 2.девочка.NOM 2=уйти-AOR
- 3. Мальчик пришел и позвал девочку.*
- в. [gädä_i *Yuχ_i*] \emptyset_i *rišuχ* χokur-Ži.
 1.мальчик.NOM 1.прийти.PF ERG девочка.ESS звать-AOR
- 4. Девочка пришла, и мальчик ее позвал.*
- г. [*riš_i* *Yu=p=χ_i*] gädär *anuχ_i* χokur-Ži.
 2.девочка.NOM 2=прийти.PF мальчик.ERG PRON.ESS звать-AOR

В крызском языке использована подчинительная стратегия в соответствии с принципом *левостороннего ветвления*. При этом зависимая клауза (выделена квадратными скобками) оформлена формой, совпадающей с перфективной видовой основой⁵⁸ глагола. Контролер находится в зависимой клаузе (принцип *линейности*). Если в анфорическую связь вступает агентив переходного глагола (независимо от того, является он контролером или мишенью), см. смыслы (1, 3), мишень выражается нулем, если пациентив, см. смыслы (2, 4), то выбор формы мишеней зависит от того, восстанавливается ли антецедент. В (34г) антецедент восстанавливается при минимальных кодирующих средствах, но мишень выражается местоимением, а не нулем. В (34б) антецедент, выраженный нулем, не восстанавливается. В этом случае используется местоимение или полная ИГ. Почему в этом случае имеется вариативность? В крызском языке местоимение 3-го лица не различает пола референта, но парадигматически оно противопоставлено нулю. Поэтому в принципе местоимения достаточно для идентификации контролера-пациентива. Тем не менее синтагматически более эксплицитной является полная ИГ.

⁵⁸ В принципе в крызском языке причастие совпадает с видовой основой, но причастная конструкция должна быть подчинена имени, находящемуся в главном предложении, а в данных примерах это не так.

В (35) мы видим, что при сочинении двух непереходных клауз с единственным актантом мишень выражается нулем, как и в (34а, в).

Таким образом, крызский язык продвинулся несколько дальше в направлении аккузативности, которая также обусловлена коммуникативным фактором, но его действие еще проявляется в вариативности местоименной анафоры и полной ИГ при смысле (2).

На схеме 21 представлена сочинительная конструкция в крызском языке.

Схема 21

КРЫЗСКИЙ ЯЗЫК

ПРИНЦИПЫ: <i>синтаксическая/коммуникативная аккузативность, различительность, линейный приоритет, левостороннее ветвление</i>	СТРАТЕГИИ: <i>синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: STEM_{PF}, кодирование мишени: Ø, см. (1, 3) PRON, см. (2, 4) FULL, см. (2)</i>
---	---

5.3. Агульский язык

Агульский язык является ближайшим родственником лезгинского и табасаранского языков, см. разд. 5.1, 4.6 и 5.4. В агульском языке (данные говора сел. Бурцаг) реализуются две сочинительных конструкции.

Рассмотрим 1-ю конструкцию.

1. Побив сестру, брат ушел.

- (36) a. [utu-na ∅_i či_i] čuj_i χinaw.
 бить-CNV ERG сестра.NOM брать.NOM уйти.AOR

2. букв. Побил брат (сестру), сестра ушла.

б. [utu-na čuji ∅_i_j] či_i χinaw.
 бить-CNV брать.ERG NOM сестра.NOM уйти.AOR

3. Придя, брат побил сестру.

в. [argi-na ∅_i_j] čuji_i utunaw či_i
 прийти-CNV NOM брать.ERG бить.AOR сестра.NOM

4. (Сестра) придя, брат побил сестру.

г. ???

Эта конструкция⁵⁹ следует принципу *структурного приоритета*: контролер находится в главной клаузе, а мишень в зависимой. Мишень выражается нулем. При такой технике возникает проблема с принципом *различительности* при выражении смыслов (3–4). В (3бв) контролером нуля однозначно считается агентив, а отсылку к пациентиву выразить затруднительно. С такой ситуацией мы уже встречались раньше, см. лакский язык, разд. 3.7. В целом 1-я конструкция соответствует принципу синтаксической нейтральности, см. схему 22.

⁵⁹ Порядок реальных слов в зависимых клаузах в (36) и (37) фиксированный.

АГУЛЬСКИЙ ЯЗЫК. 1-я конструкция

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая нейтральность, различительность, линейный приоритет, структурный приоритет, левостороннее ветвление	синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: CNV, кодирование мишени: \emptyset , см. (1–3)

2-я конструкция способна выразить все четыре смысла. Рассмотрим примеры.

1. *Брат побив сестру, ушел.*

(37) а. [čuij _i utu-na či _i] \emptyset_i χinaw. брат.ERG бить-CNV сестра.NOM NOM уйти.AOR

2. букв. *Брат побив сестру, сестра ушла.*

б. [čuij _i utu-na či _i] či _i timer _i χinaw. брат.ERG бить-CNV сестра.NOM сестра PRON.NOM уйти.AOR

3. букв. *Брат придя, побил сестру.*

в. [čuij _i argi-na,] \emptyset_i utunaw брат.NOM прийти-CNV NOM.ERG бить.AOR сестра.NOM

4. *Когда сестра пришла, брат ее побил.*

г. [či _i argi-gana,] čuij _i time _i utunaw. сестра.NOM прийти-TEMP брат.ERG PRON.NOM бить.AOR
--

В этой конструкции действует принцип *линейного приоритета*. При этом кореферентность с агентивом переходной клаузы (независимо от того, в какой из клауз находится антецедент) кодируется в (37а, в) нулем, а кореферентность с пациентивом – личным местоимением, см. (37б, г), или полной ИГ, см. (37б). Полная ИГ выступает как возможный вариант.

Следует отметить, что смысл (4), с точки зрения принципа различительности, допускает нулевую анафору, поэтому здесь использование местоимения в (37г) мотивировано коммуникативными характеристиками такого предложения. Кроме того, в (37г) глагол зависимой клаузы оформлен показателем временного конверба, с чем мы уже неоднократно встречались. Смысл (2) требует использования особого средства выражения анафора с целью его отличия от смысла (1).

Итак, в агульском языке имеются две конструкции, из которых одна синтаксически нейтральна, а другая – приближается к синтаксической аккузативности, см. схемы 22 и 23.

Схема 23

АГУЛЬСКИЙ ЯЗЫК. 2-я конструкция

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
синтаксическая/коммуникативная аккузативность, различительность, линейный приоритет, левостороннее ветвление	синтаксическое подчинение, кодирование подчинения в DC: CNV, см. (1–3) TEMP, см. (4) кодирование мишени: \emptyset , см. (1, 3) PRON, см. (2, 4) FULL, см. (2)

5.4. Табасаранский язык (говор сел. Дюбек)

Завершим рассмотрение языкового материала данными говора сел. Дюбек, относящегося к северному диалекту табасаранского языка. Данные дюбекского говора взяты

из работы [Бергельсон, Кибrik 1982: 66–69]. Примечательно, что в отношении сочинительной конструкции дюбекский говор принципиально отличается от кондикского, см. разд. 4.6.

1. Мальчик сестру побил и ушел.
- (38) a. baj_i [Ø_i] či d.uvčč-unu,] guši.
мальчик.NOM ERG сестра.NOM бить-CNV уйти.AOR
2. Мальчик сестру побил, и она ушла.
6. [bali či_i uvčči-gan,] dumu_i guši.
мальчик.ERG сестра.NOM бить-TEMP PRON.NOM уйти.AOR
3. Мальчик пришел и сестру побил.
- в. bali_i, [Ø_i] d.uf-nu,] či guvčči
мальчик.ERG NOM прийти⁶⁰-CNV сестра.NOM бить.AOR
4. Сестра пришла, и мальчик ее побил.
- г. [či_i Gi-gan,] bali dumu_i guvčči.
сестра.NOM прийти-TEMP брат.ERG PRON.NOM бить.AOR

В дюбекском говоре в сочинительной конструкции используется несколько кодирующих техник.

Во-первых, при смыслах (1, 3) анафор выражается нулем, а при (2, 4) – местоимением. Эта оппозиция формально соответствует аккузативной схеме.

Во-вторых, при смыслах (1, 3) действуют принципы *структурного и линейного приоритета*, требующие применения стратегии выноса влево ИГ-контролера, а при смыслах (2, 4) действует только принцип *линейного приоритета*, исключающий вынос влево ИГ-контролера.

В-третьих, глагол зависимой клаузы оформляется показателем конверба (-*ипи*⁶¹) или временным конвербом⁶² (-*ган*), имеющим значение ‘после того как’. Распределение этих показателей такое же: конверб -*ипи* используется при смыслах (1, 3), а временной конверб при смыслах (2, 4).

Итак, все кодирующие средства распределены в соответствии с принципом *синтаксической аккузативности*, см. схему 24.

Схема 24

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК (говор сел. Дюбек)

ПРИНЦИПЫ:	СТРАТЕГИИ:
<p><i>синтаксическая аккузативность,</i> <i>различительность,</i> <i>линейный приоритет,</i> <i>±структурный приоритет</i>, см. (1, 3) vs. (2, 4), <i>левостороннее ветвление</i></p>	<p><i>синтаксическое подчинение,</i> <i>вынос влево ИГ-контролера второй клаузы</i>, см. (1, 3), <i>кодирование подчинения в DC:</i> CNV. см. (1, 3) TEMP, см. (2, 4) <i>кодирование мишени:</i> Ø, см. (1, 3) PRON, см. (2–4)</p>

Данные дюбекского говора имеют для наших целей принципиальное значение. Это, пожалуй, единственный случай в нашем материале, когда имеются веские основания считать, что синтаксическая аккузативность в данном языке реализована. Заслуживает,

⁶⁰ Глагол ‘прийти’ имеет супплетивные основы, от которых образуются разные конвербы в (37в–г).

⁶¹ Конверб образуется от основы, к которой добавляется префиксальное *d*.

⁶² В некоторых случаях встречается также временной конверб *-si* ‘как только’, употребление которого недостаточно изучено.

правда, внимания тот факт, что аккузативная схема реализуется не одним кодирующим средством, а системой самостоятельных средств, действующих в одном направлении. Этот факт указывает на то, что такая техника складывалась постепенно, хотя отдельные ее компоненты присутствуют в различных комбинациях в разных дагестанских языках.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Языковое разнообразие. Подведем итоги рассмотрения организации клаузального сочинения двадцати дагестанских языков. Было продемонстрировано, что действительно в этой выборке *не встретилось ни одной пары языков, имеющих идентичную систему сочинительных конструкций*. Более того, некоторые языки имеют более одной сочинительной конструкции. При этом анкетный метод сбора материала не гарантирует, что в действительности дагестанские языки не используют других сочинительных конструкций, по тем или иным причинам не обнаруженных в процессе сбора материала.

2. Метод исчисления. В данном исследовании используется не таксономический метод классификации зарегистрированных конструкций, а метод их исчисления, позволяющий ограничить множество всех потенциально возможных конструкций, как не зарегистрированных, так и таких, которые могут быть впоследствии обнаружены или возникнуть в процессе развития дагестанских языков.

Этот метод строится на презумпции, что при всем многообразии сочинительных конструкций различия между ними не безграничны. Это многообразие объясняется ограниченным множеством альтернативных принципов и стратегий, способных объединяться в различные комбинации. Иными словами, ограничение сочинительных конструкций обеспечивается не на уровне самих конструкций, а на уровне тех параметризованных принципов и стратегий, которые лежат в основе построения конкретных сочинительных конструкций. Их репертуар описан в разд. 2, и он действительно покрывает все разнообразие зафиксированных конструкций.

3. Неспецифический характер принципов и стратегий. Особо следует подчеркнуть общеязыковой статус принципов, а также большинства стратегий: сфера их действия не ограничена семантическим сочинением, они проявляются также в построении других синтаксических конструкций. Такое понимание архитектуры естественного языка опирается на принцип многофакторности, лежащий в основе выбора средств для построения языковых конструкций. Иными словами, семантическое сочинение отображается в синтаксическую конструкцию исходя из ограниченного репертуара параметризованных элементарных концептов, встроенных в грамматику данного языка. Этот репертуар в свою очередь является подмножеством универсального репертуара, ограничивающего вариативность естественных языков.

Существенно, что в целом для дагестанских языков *ни один из параметров и ни одна из стратегий не являются обязательными*, но выбор некоторого параметра (и его значений) часто предопределяет последующие выборы. Возможно, техника клаузального сочинения есть цепочка частично детерминированных выборов из ограниченного репертуара альтернатив⁶³.

4. Принципы. Следует обратить внимание на то, что введенные в рассмотрение конкретные принципы и стратегии, являясь формальными конструктами, напоминающими

⁶³ Такая идеология реализована в ряде других моих работ, затрагивающих проблемы реляционной структуры элементарного предложения [Кибрик 2003: 133–187], “аномалии” личного спряжения, мотивированные дейктической иерархией, ролями и когнитивной маркированностью [Кибрик 2003: 270–304], внешний посессор [Кибрик 2003: 307–319], многофакторные стратегии согласования [Кибрик 2003: 400–450].

конструкты генеративной теории принципов и параметров⁶⁴, в то же время глубоко мотивированы когнитивной структурой и имеют содержательную интерпретацию.

Так, *принцип различительности* характеризует не только (и не столько) сочинительные конструкции, а базовый семиотический принцип – обеспечивать существующими в языке знаковыми средствами различие релевантных смыслов языковых выражений.

Принцип синтаксической нейтральности является необходимым свойством чистых ролевых языков, последовательно концептуализирующих различия между участниками ситуаций в терминах соответствующих гиперролей. Дагестанские языки следуют эргативной схеме, основанной на гиперролях – агентиве и абсолютиве, подробнее см. [Кибрик 2003: ч. 3. Теория элементарного предложения], и относятся к типу семантически эргативных языков. Это означает, что для них гиперролевые характеристики участников ситуации имеют фиксированное кодирование и не могут быть изменены ни в каком контексте. Поэтому, в частности, синтаксический уровень “прозрачен”, “нейтрален” в отношении ролевых характеристик. Действительно, нейтральность синтаксиса в области сочинительных конструкций проявляется в подавляющем большинстве рассмотренных языков.

5. Стратегии. Что касается стратегий, то в большинстве случаев они также формальны только в техническом смысле слова, будучи наделены когнитивной, семиотической или системной мотивацией.

Например, стратегия *выноса влево ИГ-контролера второй клаузы* обычно мотивирована системно. Такая линеаризация не случайна, она вызвана необходимостью снять конфликт между независимыми принципами линейного приоритета и структурного приоритета (или приоритета непереходной клаузы). В некоторых особых случаях сфера действия этой стратегии расширяется, будучи мотивирована более локальным ограничением на линейную цепочку находящихся в разных клаузах контролера и мишени, кодируемых одним и тем же поверхностным падежом, см. конструкцию (8г') арчинского языка.

Стратегия *кодирования мишени анафорической связи* допускает в дагестанских языках определенный репертуар оформления анафоров. Этот репертуар соответствует универсальному набору средств оформления повторной номинации. Нулевое кодирование анафора в наибольшей степени соответствует принципу синтаксической нейтральности, и оно представлено как единственная возможность в половине языков.

Как показывает анализ конкретных языков, выбор альтернативных кодирующих средств в определенной степени мотивирован *Иерархией маркированности* средств повторной номинации:

➤ нуль < личное местоимение < возвратное местоимение < полная ИГ

Нулевое кодирование в этом случае означает максимально немаркированную ситуацию, а оформление повторной номинации полной именной группой – максимально маркированную. Личное местоимение кодирует коммуникативно более маркированные номинации, чем нуль. Возвратное (точнее, эмфатическое) местоимение более маркировано, чем личное⁶⁵, так как оно дополнительно указывает на смену ожиданий адресата, см. [Кибрик, Богданова 1995; Лютикова 1999].

6. Коммуникативное измерение. Примерно в половине языков намечается формирование относительно нового для дагестанских языков коммуникативного измерения и

⁶⁴ Хотя я хочу указать, что эти понятия не являются специфическими для данной теории. Например, они используются также в работе [Comrie 1988] без придания им строго терминологического значения.

⁶⁵ Влияние этой иерархии проявляется и в русском языке (примеры Е.А. Лютиковой): (i) *Маша, встретила гостю, и Ø, пошла на кухню.* (ii) *Маша, встретила гостю, и она/та, пошла на кухню.* (iii) *Маша, встретила гостю, а сама, пошла на кухню.*

грамматикализация его параметров. Это обстоятельство играет существенную роль в кодировании анафорических отношений в сочинительных конструкциях и постепенном наращивании черт синтаксической аккузативности. Множественность типов конструкций позволяет почти пошагово восстановить этот исторический процесс и его мотивацию. Типологически важно, что такой сдвиг происходит в результате кластеризации концептов ролевого и коммуникативного членения и их амальгамирования в новой кодирующей технике (средства лексического оформления анафора), не затрагивая по существу исконной техники кодирования концептов ролевого членения (падежное кодирование актантов и классное согласование).

7. Типология родственных языков. Данное исследование убедительно демонстрирует важность типологического подхода к родственным языкам. Во-первых, он позволяет избежать ошибок в интерпретации языковых выражений каждого из языков, что часто неизбежно происходит при их автономном изучении из-за явного или скрытого недостатка аргументов для отсева конкурирующих описательных альтернатив. Типологический подход позволяет тестиировать правильность описания языковых выражений конкретного языка и обнаруживать их наиболее адекватную интерпретацию. Во-вторых, он показывает опасность типологических обобщений, формулируемых на основе статистически нормализованной выборки из языков различных семей, ограниченной их одинаковой представительностью. Так, если в такую выборку будет включен в качестве представителя дагестанских языков лезгинский язык, то окажется, что при клаузальном сочинении дагестанские языки характеризуются синтаксической аккузативностью (а также не имеют именных классов, оппозиции местоимений по инклюзивности – эксклюзивности, латеральных согласных, фарингализации и т. д.).

Полное описание синтаксиса клаузального сочинения всех двадцати языков дополнительно продемонстрировало, что давнее утверждение С. Андерсона [Anderson 1976], подкрепленное случайными и поверхностно проанализированными примерами, об универсальной синтаксической аккузативности языков с эргативной конструкцией не выдерживает эмпирической проверки языковыми данными дагестанских языков. Лишь в трех языках (лезгинский, крызский, агульский) наблюдаются сочинительные конструкции, похожие на аккузативную схему, и лишь в одном языке (*табасаранский*), правда, только в одном из двух проанализированных говоров, зафиксирована собственно аккузативная схема. Однако при их сравнении с другими языками наглядно видно, что формально аккузативная схема не выделяется дискретно на множестве языков, а выступает как элемент континуума и результат постепенного наращивания средств кодирования концептов коммуникативного измерения, автономного по отношению к ролевому измерению. Более того, в пределах одного говора агульского языка существуют две конструкции, относящиеся к разным синтаксическим типам.

8. Сочинительные конструкции в исторической перспективе. Если взглянуть на варьирование сочинительной конструкции с исторической точки зрения, то бросается в глаза тот факт, что это варьирование не коррелирует с генетической и ареальной близостью языков, см. таблицу 1. В таблице языки одной группы объединены. Ареальная близость, где это возможно, также учитывается при упорядочении языков. Знаком + обозначается, что данное свойство распространяется на все четыре типа предложения, знак ± указывает, что данное свойство применимо не ко всем предложениям.

Такая дистрибуция свойств по языкам свидетельствует, что сочинительные конструкции в дагестанских языках неустойчивы, находятся в процессе их формирования. К общедагестанскому фонду могут быть отнесены в первую очередь принципы (исключая коммуникативное измерение), а также ряд стратегий, типа синтаксического подчинения и использования нулевой анафоры. Данный материал может быть интересен для исследований в области исторического синтаксиса дагестанских языков⁶⁶.

⁶⁶ Выражаю благодарность К.И. Казенину, А.А. Кибрику, А.А. Лютиковой и Я.Г. Тестельцу, ознакомившимся с рукописью и сделавшим ряд ценных замечаний.

Таблица I

Используемые принципы и стратегии в дагестанских языках

Языки и языковые группы		нейтральность																		
		КОММУНИК. ИЗМ.	КОММУНИК. аккузативн.	СИНТАКСИЧ. аккузативн.	различительность	левостор. ветвление	линейный приоритет	структурный приоритет	приор. неперех. клаузы	синтаксич. сочинение	синтаксич. подчинение	вынос ИГ влево	CNV	VF // STEM	TEMP	& при ИГ	мишень: Ø	мишень: PRON	мишень: REFL	мишень: FULL
лезгинские	лезг.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	табас. К	+	+	+	+	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	табас. Дк	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	аг. 1	+	+	+	+	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	аг. 2																			
	рут.																			
	цах.																			
	крыз.																			
	буд.																			
	арч.																			
цезские	гунз.	+	+																	+
	бежт. 1	+																		
	бежт. 2	+																		
	гин.	+																		
	цез.	+																		
	хварш.	+																		
анд.	тинд.	+	±																	
	чам.	+																		
	ахв.	+	+																	
аварский	аварский	+																		±
	лакский	+																		+
	даргинский	+	±																	±
	хиналугский	+																		+

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергельсон, Кибрек 1982 – М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрек. Сочинительное сокращение в табасаранском языке // А.Е. Кибрек (ред.). Табасаранские этюды. Материалы Дагестанской экспедиции. 1979. М., 1982.
- Гудава 1967 – Т.Е. Гудава. Тиндинский язык // Языки народов СССР. М., 1967.
- Кибрек 1992 – А.Е. Кибрек. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // А.Е. Кибрек. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрек 1979–1981 – А.Е. Кибрек. Материалы по типологии эргативности // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 126–130, 140, 141. М., 1979–1981.
- Кибрек 2003 – А.Е. Кибрек. Константы и переменные языка. СПб., 2003.

- Кибrik, Богданова 1995 – *A.E. Кибrik, E.A. Богданова*. САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // ВЯ. 1995. № 3.
- Лютикова 1999 – *Е.А. Лютикова*. Эмфатическое местоимение *иүз* // А.Е. Кибrik (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Мейланова 1967 – *У.А. Мейланова*. Лезгинский язык // Языки народов СССР. М., 1967.
- Тестелец 1999 – *Я.Г. Тестелец*. Сочинительные конструкции // А.Е. Кибrik (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Толдова 1999 – *С.Ю. Толдова*. Местоименные средства поддержания референции // А.Е. Кибrik (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Anderson 1976 – *S. Anderson*. On the notion of subject in ergative languages // Ch. Li (ed.). Subject and topic. New York, 1976.
- Berg van den 1995 – *H. van den Berg*. A grammar of Hunzib with texts and lexicon. 1995. PhD thesis..
- Berg van den 2004 – *H. van den Berg*. Coordinating constructions in Daghestanian languages // M. Haspelmath (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam, 2004.
- Comrie 1988 – *B. Comrie*. Coreference and conjunction reduction in grammar and discourse // J.A. Hawkins (ed.). Explaining language universals. Oxford, 1988.
- Haspelmath 2004 – *M. Haspelmath*. Coordinating constructions. An overview // M. Haspelmath (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam, 2004.
- Kazennin, Testelec 2004 – *K. Kazennin, Ya. Testelec*. Where coordination meets subordination: Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian) // M. Haspelmath (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam, 2004.

© 2007 г. А. А. СОКОЛЯНСКИЙ

О СТАТУСЕ ЗВУКА [Ц] И ФОНЕМЫ <Ц> В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос о месте аффрикаты *ц* в системе русского литературного языка. Автор приходит к выводу, что фонема <ц> в русском языке существует, но ее функционирование ограничено интервокальной позицией, в других позициях противопоставление <ц> и <тс> отсутствует. В разговорной речи имеется тенденция к устраниению фонемы <ц>.

Фонетисты редко обращали внимание на проблему фонематической целостности <ц>. Вероятно, действовал гипноз буквы: одна буква – одна фонема.

Прежде всего определим, что именно нам надо выяснить, чтобы ответить на поставленный вопрос о фонематической природе аффрикаты [ц]. Для этого нам необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Какова фонетическая природа звука [ц]?
2. Отличается ли звук [ц] в произношении от сочетания звуков [тс]? Если отличается, то чем?
3. Если отличается, то в каких позициях?
4. Влияет ли на различение [ц] и [тс] морфемная граница? Если влияет, то как?

Только после ответа на все эти вопросы мы вправе делать вывод относительно статуса <ц> в русском языке.

Подробное описание артикуляции [ц] предлагается в работе Р.И. Аванесова «Русское литературное произношение»: «Глухая твердая зубная аффриката <ц> имеет сложную артикуляцию. Она образуется путем смыкания спинки передней части спинки языка, примыкающей к кончику, к верхним зубам или альвеолам, как это нужно для <т>; однако смычка быстро раскрывается очень кратким щелевым элементом. Несколько упрощая, можно сказать, что при <ц> смыкание такое же, как при <т>, а размыкание такое же, как при <с>.

Края языка прижаты к боковым зубам. Язык занимает положение, близкое к тому, которое нужно для образования гласного [ъ]» [Аванесов 1984: 69].

Далее в разделе «Качество отдельных согласных» даются новые пояснения:

«Буквы *ц* и *ч* обозначают аффрикаты, иначе называемые слитными звуками. Каждый из этих звуков представляет собой как бы слившееся в один нераздельный звук сочетание: аффриката [ц] представляет собой нераздельный звук, состоящий из элементов [т] и [с]: [тс]; аффриката [ч'] – из элементов [т'] и [ш'] – мягких [т] и [ш]: [т'ш']. Таким образом, аффриката [ц] всегда произносится как звук твердый, а аффриката [ч'] – как звук мягкий. При произнесении аффрикат кончик языка образует смыкание, нужное для [т] или [т'], и быстро следующую за ним щель; поэтому звуки [ц] и [ч'] образуются при помощи взрыва сомкнутых органов речи и быстро следующего за ним трения [фрикции] струи воздуха о края щели, образованной сближенными между собой органами речи» [Аванесов 1984: 115].

Описание Р.И. Аванесова принципиально не расходится с описаниями других фонетистов, поэтому мы позволим себе не приводить их. Итак, получен ответ на первый вопрос: аффриката [ц] – это звуки [т] и [с], представляющие собой неразрывное единство.

Второй вопрос: отличается ли звук [ц] от сочетания звуков [тс]?

В большинстве работ по фонетике практически всегда [ц] отличали от сочетания [тс]. При этом неумение услышать разницу между [ц] и [тс] считалось признаком некоторой фонетической «незрелости». Когда возникает необходимость обозначить близость и в то же время различие между [ц] и [тс], то делается это с помощью знаков [тс] и [тс] соответственно. Что же скрывается за диакритикой? Объясняют так: [тс] произносится слитно, а простое [тс] – раздельно. Что в этом случае значат слова *слитно* и *раздельно*? Общепринятые значения слов могут подтолкнуть к такому решению: *слитно* – это вместе, без паузы, а *раздельно* – это врозь, с паузой. Решение неверное. При произнесении [тс] никакой паузы нет. Бытовые значения слов *слитно* и *раздельно* здесь явно не годятся. Нужны другие критерии.

Р.И. Аванесов специально замечает по этому поводу: «Однако аффрикаты, как и взрывные согласные (например, [т]), – звуки мгновенные: их нельзя тянуть. Если второй, фрикативный элемент аффрикаты, образуемый путем трения, будет тянуться, то получится не единый и не раздельный звук, которым она является, а сочетание звуков. Именно этим отличается аффриката [ц] от сочетания [тс], которое может произноситься как [тс] (ср. *поцарствовать* и *подсаживать* или *отсаживать*)» [Аванесов 1984: 115]. Таким образом, по мнению Аванесова, продление фрикативного элемента в составе аффрикаты приводит к ее преобразованию в сочетание звуков [тс]. Обозначим краткость фрикативного компонента аффрикаты с помощью ^с. Тогда различие между аффрикатой [ц] и сочетание звуков [тс] графически можно будет передать как [т^с] и [тс]. Итак, *слитность*, *не раздельность* – это более краткий фрикативный элемент.

Л.В. Щерба обращал внимание и на другие различия между [ц] и [тс]: «Согласные *ц* и *ч* составляют в русском языке особую группу смычных и называются аффрикатами, отличаясь от простых (или чистых) смычных тем, что у них смычка оканчивается щелевым элементом, образующимся теми же органами и в том же месте. Таким образом, *ц* в известной степени может рассматриваться как *тс*, а *ч* – как *тиш*⁶. Однако они отличаются от соответствующих сочетаний исключительной краткостью щелевого элемента, который ни при каких обстоятельствах не может быть продолжен. Этот элемент является своего рода придатком смычного или, еще лучше, своеобразным его разрешением, заменяющим нормальный взрыв *т*. Таким образом, в отличие от звуковых групп *тс*, *тиш*, где слышен взрыв смычного элемента, звуки *ц*, *ч* являются простыми звуками, при которых звука взрыва не слышно» [Грамматика 1960: 53].

Опираясь на это высказывание, можно уточнить природу противопоставления [ц] и [тс]: помимо краткости щелевого элемента, который «ни при каких обстоятельствах не может быть продолжен», [ц] от [тс] отличается еще и тем, что взрыв как таковой при произнесении аффрикат отсутствует. Фрикция выступает своеобразной заменой взрыва. Ослабленная взрывность согласного приводит к появлению так называемых имплозивных согласных. Это «ненапряженный смычный согласный, артикуляция которого ограничивается экскурсией» [Ахманова 1966: 174]. Имплозивный согласный обозначают обычно с помощью > под знаком согласного – [т^с]. Тогда более точно произношение аффрикаты может быть представлено как [т^с]. В аффрикате взрыв не такой сильный, а фрикативный элемент не такой длительный, как при произнесении обычных звуков, существующих не в составе аффрикаты. Итак, по Щербе, аффриката произносится как [т^с], а сочетание тех же звуков, не образующих аффрикату, как [тс].

Со времен Л.В. Щербы наши представления о природе аффрикат несколько углубились. Выяснилось, что само по себе [тс] без – не является очевидной фонетической реальностью. В данном сочетании происходит взаимодействие, следствием которого является появление двух типов долгих аффрикат, впервые описанных М.А. Штудинером. Природа долгих аффрикат несколько иная, чем природа других долгих звуков. По мнению М.А. Штудинера, «долгие согласные в терминах артикуляторной фонетики могут быть определены как звуки, при произнесении которых дольше, чем обычно, не изменяется конфигурации артикуляционных органов, т.е. дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель» [Штудинер 1981: 80]. Долгий звук русского языка можно (с известными оговорками) отобразить как состоящий из двух недолгих согласных, то есть

$[\bar{t}] = [tt]$, $[\bar{c}] = [cc]$. Произведенные нами совместно с Д.Л. Тихоненковой подсчеты показали, что долгий и краткий согласный в интервокальной позиции соотносятся друг с другом как 11 : 9. Психологическое восприятие долгих и кратких согласных иное, обычно опрашиваемые говорили о том, что это соотношение равно 3 : 1. Очевидно, влияла психология:казалось, что соотношение 2 : 1 черезчур «орфографично», а представить его меньше, чем 2 : 1 не позволяло ясное представление о том, что долгие и краткие согласные четко противопоставляются в речи. В отношении аффрикат представление о том, что $[\bar{t}] = [\bar{ts}]$ не может быть признано даже как чисто условное обозначение. При таком подходе долгое $[t]$ должно быть представлено как $[\bar{t}^c \bar{t}^c]$, или традиционно как $[t\bar{t}c]$, но такое обозначение не будет соответствовать никакой фонетической реальности. Обычно отмечается, что долгое $[\bar{t}]$ имеет только долгий затвор. Р.И. Аванесов обозначал этот звук как $[\bar{t}\bar{t}]$. Он произносится в таких словах как *бра^тца* (*брата*), *боя^тя* (*бояться*) и др. Если отобразить его в соответствии с принятыми нами ранее обозначениями, то тогда его надо записать как $[\bar{t}^c]$. Это аффриката с долгим затвором.

Но русский язык знает еще одну долгую аффрикату, у которой удлинена вторая часть, щелевая. Она произносится в словах типа *подсадил*, *отсох* и др. Р.И. Аванесов произношение данных слов обозначал двояким образом. В основном тексте своего учебного пособия он предлагает такую транскрипцию, как *по[ц]адыл*, *о[ц]бх*, но в примечании указывает: «Точнее, здесь произносится [пъ^тцслд'йл] и т.д.: предшествующий слог кончается затвором, нужным для [t] (обозначает его маленьким *т* сверху), а следующий начинается с аффрикаты [ц]» [Аванесов 1984: 181]. Если следовать принятым нами обозначениям, то данный звук надо обозначить, как $[\bar{t}^c]$, но «долгое короткое» $[\bar{c}]$ – это оксюморон, поэтому, речь следует вести об [c], как минимум, обычной длительности. В самом деле $[\bar{c} + \bar{c}]$ – это не менее чем просто [c]. Поэтому обозначение должно принять такой вид: $[\bar{t}^c]$, дужка сверху использована как напоминание о том, что перед нами один сложный звук.

Итак, русский язык знает три аффрикаты [ц]: одна обычная $[\bar{t}^c]$ и две долгие: $[\bar{t}^c]$ и $[\bar{t\bar{c}}]$. Предложенные способы обозначения трех типов аффрикат точны, но наглядно не представляют главных различий между ними. Во всех трех аффрикатах взрывной элемент – имплозивный, следовательно, это качество не противопоставляет их друг другу, именно поэтому указанным общим свойством при обозначении в транскрипции в дальнейшем можно пренебречь. Знак $\bar{}$ использован для обозначения только одного из типов аффриката, тогда как слитность является общим свойством всех аффрикат. В дальнейшем при обозначении трех типов аффриката будем использовать следующие обозначения: $[\bar{t}^c] = [\bar{t\bar{c}}]$ или просто [ц], $[\bar{t}^c] = [\bar{t\bar{c}}]$, $[\bar{t}^c] = [t\bar{c}]$.

Все примеры, приводимые в литературе на разграничение трех типов аффрикат, приходятся исключительно на интервокальную позицию: *поцарствовать* и *подсаживать*, то есть *по[ц]арствовать* и *по[т]саживать*, и *спица* и *спиться*, то есть *спи[ц]а* и *спи[т]я*. В других позициях данное противопоставление отсутствует. Для доказательства последнего утверждения рассмотрим, каким образом противопоставление *<тс>* и *<ц>* могло бы быть представлено в позициях 1) начала слова; 2) конца слова и 3) в сочетании с согласными.

Обращение к малочастотным заимствованным словам при решении нашей проблемы вынужденно, так как необходимого нам материала для разграничения *<тс>* и *<ц>* в указанных позициях словарный состав исконно русских слов и общеупотребительных заимствований не дают. В отношении малочастотных заимствований всегда можно сказать, что они представляют особую фонетическую подсистему, которая необязательно реализуется в фонетической системе основных слов.

Тут поневоле мы должны на первом этапе доверяться орфографии и исходить из принципа: где написано сочетание букв *тс*, там и есть сочетание данных единиц. В начале слова сочетание *тс* встречается только в таких уникальных словах, как *тсонга*, *тсога* (название народов и языков банту), *тсуга* (род хвойных деревьев, от лат. *tsuga*) и тому подобные. Последнее слово в словаре иностранных слов дается с вариантом написания *цуга* и представлено на двух страницах [Словарь иностранных слов 1964: 722, 859]. Труд-

но говорить о произношении слов, которые практически не встречаются в обиходе. Однако сам факт варианности написания последнего слова говорит в пользу того, что в начале этих слов должно произноситься [ц].

При разграничении [ц] и [тс] в начале слова «не работает» одно из правил Н.С. Трубецкого о разграничении фонем и их сочетаний. Правило гласит: «Группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если ее длительность не превышает длительности других фонем данного языка» [Трубецкой 1960: 65].

Для подтверждения того, в этом случае правило Трубецкого неприменимо, нет необходимости в проведении реального фонетического эксперимента, так как любые результаты эксперимента заранее могут интерпретироваться неоднозначно. Поэтому ограничимся мыслительным экспериментом. Слова *тсуга* и *царь* принадлежат к разным фонетическим подсистемам. Предположим, что в слове *тсуга* сочетание *тс* звучит дольше, чем *ц* в слове *царь*. Это можно объяснить не разным фонемным составом, а принадлежностью слов к разным фонетическим подсистемам. Кроме того, для проведения эксперимента надо найти людей, которые бы знали слова типа *тсонга*, *тсога*, *тсуга* и свободно употребляли их в речи. В противном случае эксперимент покажет только то, что люди затрудняются читать «с листа» слова, фонетический вид которых необычен.

Конец слова также представляет весьма ограниченный материал для противопоставления <тс> и <ц>. Сочетание *тс* широко представлено в системе имен собственных: *Уиттс*, *Коттс*, *Киттс*, *Каттс*, *Роберттс*, *Гейттс*, *Оттс*, *Массачусеттс* и др. На конце этих слов произносится [ц]. Фамилии российского дирижера *Кац*, английского физиолога немецкого происхождения *Кац* (нем. *Katz*) и нидерландского поэта рубежа XVI–XVII вв. *Каттс* (голл. *Cats*) в форме именительного падежа в произношении не различаются. Да и этимологически перед нами, скорее всего, одна и та же фамилия.

Любопытно употребление этих слов в форме предложного падежа. Как правило, носители русского литературного языка не относятся к конечному сочетанию как к аффрикате, которая должна сохранять твердость в позиции перед <э>. Филологам для прочтения были предложены такие тексты:

О Георге Отсе мне много рассказывали родители.

Райзман много рассказывал нам об английских поэтах: о Шекспире, о Байроне и о Китсе.

Я кое-что слышал о советском дирижере Каце, но ничего не знаю о голландском поэте Каттсе.

Большая часть опрошенных произнесла *об От[с']е, о Кит[с']е, о Кат[с']е*. Мы сознательно «вынесли за скобки» *т*, так как в ответах оно было и твердым, и мягким, но как раз это для нас несущественно. Однако были и те, кто во всех случаях произнес все слова твердо: *об О[ц]е, о Ки[ц]е, о Ка[ц]е*. В последнем случае их не отпугнула даже омонимия форм *Каце* и *Каттсе*. Некоторые из опрошенных настаивали на своем праве не различать эти слова в предложном падеже.

Отношение к *Отсу* некоторые распространяют и на *бутсы*. Так, во фразе *Я потерял одну бутсу, а в одной бутсе ходить неудобно* часть респондентов предпочла мягкое произношение, а часть (их было больше) твердое. Итак, говорящих можно разделить на тех, кто воспринимает *тс* в словах *Оттс*, *Киттс*, *Каттс*, а также *бутсы* как еще один способ обозначения аффрикаты на письме, другие интуитивно полагают, что перед нами сочетание согласных, следовательно, оно должно подчиняться требованиям поведения парных по твердости – мягкости согласных на стыке основы и окончания. Правило такое: перед окончанием существительных *-е* парный твердый заменяется на соответствующий ему мягкий. Одни считают это изменение сугубо морфологическим, то есть меню *t//t'* рассматривают как морфонологический процесс, другие полагают, что в позиции перед <э> на стыке окончания и основы продолжает действовать фонетическое правило, требующее чередования *t//t'*. Если принять первое решение, то в данных

словах мы имеем дело с морфонологическим чередованием *ц/тс*'. Второй подход требует признания того, что конечное *тс* представляет собой две фонемы – <тс>, так как финальный элемент сочетания ведет себя как фонема, парная по признаку твердости – мягкости. К сожалению, последнее решение не может быть окончательно принято ввиду того, что в описание условия чередования нам пришлось ввести морфологический показатель. Действительно, получается, что фонема <с>, представленная на конце слова в виде [с], изменяется перед <э> на [с'] только в том случае, если между <с> и <э> проходит морфологическая граница. Морфологическое условие является необходимым условием фонетической позиции! Следовательно, поведение последовательности *тс* в указанных словах подчиняется не только фонетике, но и морфологии, которая не должна быть решающей при принятии фонетических решений. Кроме того, надо принять во внимание и интересы тех (они пока в меньшинстве), кто не считает необходимым смягчать согласный в формах типа *Отсе*, *Китсе* и др.

Предварительно можно принять такое решение: в речи тех, кто произносит *об О[ц]е* (*об Отсе*), отсутствуют различия между сочетанием фонем <тс> и <ц>, то есть в их речи аффриката всегда может быть интерпретирована как бифонемное сочетание. Такой интерпретации противятся те, кто различает словоформы *о Каце* и *о Катсе*. Для них здесь различается <ц> и <тс>. При этом нельзя не учитывать того, что сама по себе мягкость не может свидетельствовать о том, что перед нами не аффриката. До последнего времени старомосковское произношение не запрещало позиционной мягкости [ц] в таких словах, как *цвести*, *цвел* и т.п., однако это не позволяло говорить об особой мягкой аффрикате.

О том, что на конце слова <тс> и <ц> в русском языке не различаются, говорит и такой факт (принадлежащий диахронии): заимствованные из немецкого языка слова с конечным сочетанием *tz* в русском языке оформлены с помощью *ц*: *абзац* (нем. *Absatz*), *форзац* (нем. *Vorsatz*), *эрзац* (нем. *Ersatz*), *плац* (нем. *Platz*), *шиц* (нем. *Spitz*) и др.

Русский язык представляет богатый материал реализации сочетания <тс> и <дс> в сочетаниях с согласными, где в данном случае однозначно появляется [ц]: *совé[ц]кий*, *брá[ц]кий*, *солдá[ц]кий*, *дé[ц]кий*, *азиá[ц]кий*, *заво[ц]кóй*, *горо[ц]кóй*, *лю[ц]кóй*; *богá[ц]тво*, *бра[ц]тво* и др. [Аванесов 1984: 181]. Правда, Р.И. Аванесов замечает, что «при более отчетливом произношении в некоторых случаях может выступать [цс]: *совé[цскý]*, *срé[цтвъ]*, *наслé[цтвъ]*» [Аванесов 1984: 182]. Но, скорее всего, мы имеем дело здесь с орфоэпической гиперкоррекцией. В таком режиме произношения и обычное [ц] может звучать подобным образом. Для понимания того, как реализуются аффрикаты в этом случае, очень важен закон, открытый М.В. Пановым. Закон гласит: «В соседстве с другими согласными долгий теряет свою долготу (т. е. долгий замещается кратким согласным). Слова *классный*, *трехбалльный*, *программный* и подобные произносятся с кратким согласным: [клáсныи] и т.д. В словах *белорусский*, *черкесский*, *индусский*, *французский* соединяются два согласных [с] – в конце основы и в начале суффикса *-ск-*, так что ожидался бы долгий согласный; но на самом деле в естественном произношении согласный не удлиняется. Таким образом, между *матросской* (прилаг.) и *матроской* (сущ.), *киргизской* и *киргизкой* – произносительной разницы нет» [Панов 1979: 136]. Открытие М.В. Панова касается и аффрикат, которые не могут быть долгими в сочетании с другими согласными. Оказавшись в позиции, неблагоприятной для реализации долготы, фонемы <т> и <с> охотно слились в одном звуке [ц]. То, что в данных словах [ц] представляет собой именно сочетание фонем, сомнений не вызывает.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в позиции начала, конца слова и в сочетании с согласными фонема <ц> не противопоставляется сочетанию фонем <тс>. Если данное противопоставление не будет выявлено в других позициях, то можно говорить об отсутствии фонемы <ц> в русском языке как таковой. В том случае, если в других позициях противопоставление <ц> и <тс> будет выявлено, надо будет говорить о том, что в рассмотренных позициях происходит нейтрализация <ц> и <тс>.

Следующая позиция, которую нам предстоит рассмотреть, – это интервокальная позиция. В этой позиции <ц> и <тс> противопоставлены, но это противопоставление не

прямолинейно. Рассмотрим данную позицию сразу же с учетом морфологической границы:

- внутри морфемы
- на стыке корня и суффикса
- на стыке приставки и корня
- на стыке предлога и корня
- на стыке окончания и постфиксса

Вопрос о возможности противопоставления <ц> и <тс> внутри морфемы в интервокальной позиции весьма спорный. Материал русского языка не представляет нам возможности наблюдать это противопоставление в чистом виде, однако имеются случаи, очень близкие к искуому. Речь идет о числительных типа *одиннадцать*, *двенадцать*, *двадцать*, *тридцать* и др. Фонетическую аномалию в истории числительного *десять* отмечал еще А.И. Соболевский: «Выпадение гласных в середине слов, более или менее общее всем русским наречиям, очень редко и может быть указано прежде всего в слове *десять*, которое в сложении с другими числительными и при потере ударения, очень рано начинает появляться в сокращенном виде: *дъсять*, откуда *тиять*, *тицать*» [Соболевский 1907: 97]. К сожалению, нет ясности в отношении того, как эти сочетания должны произноситься сегодня и как они реально произносятся. Р.И. Аванесов полагал: «На месте сочетаний *тиц*, *диц* произносится аффриката [ц] с долгим затвором: [o⁺ц]а, бра[⁺ц]а (брата), си[⁺ц]а (*ситца*)... двá[⁺ц]ать (*двадцать*), три[⁺ц]ать, два[⁺ц]а(ты) (*двадцатый*), три[⁺ц]атый. То же в другой транскрипции: бра[ц:]а, о[ц:]éпит, двá[ц:]ать и т.д....

Нередко встречающееся произношение числительных *двадцать*, *тридцать* и произвольных от них без долгого затвора ([двáцът'], [двацáтъ]) не рекомендуется» [Аванесов 1984: 182].

Специальное исследование долгих согласных, проведенное Л.Л. Касаткиным и М.М. Чой, показало, что рекомендации в отношении числительных явно устарели в силу того простого обстоятельства, что реально долгие согласные в этих случаях произносят крайне редко: «Долгое/краткое произношение согласного внутри суффикса -дцать связано с количеством звуков в слове. Среди слов, имеющих сочетание *диц* сразу после ударного гласного, долгий согласный произносится в основном в коротких словах, содержащих менее семи звуков, таких как *двáдцать*, *тридцать*. В слова, содержащих 7 и более звуков, долгий [тц] был произнесен лишь два раза: в *тринáдцать* и *девятнáдцать*. В таких словах, как *восемнáдцать*, *восемнáдцатый*, *двенáдцать*, *девятнáдцать*, *девятнáдцатый*, *пятнáдцать*, *семнáдцать*, *тринáдцать*, *шестнáдцать*, долгий [тц] ни разу не был произнесен» [Касаткин, Чой 2005: 100–101]. Но даже и с учетом произнесения слов, содержащих менее семи звуков, доля произнесений -дцать с долгой аффрикатой ничтожна мала: «Внутри суффикса -дцат- / -дцат'- на месте *диц* долгий [тц] произносится очень редко – в 1,64% всех случаев. Долгий согласный может произноситься в позиции сразу после ударного гласного в коротких словах, например, *двáдцать*, *тридцать*» [Касаткин, Чой 2005: 108]. Таким образом, долгий согласный только «может произноситься», а реальное распространение имеет краткий согласный. Стало быть, данные слова чаще произносят с обычным [ц] и такое произношение сегодня надо признать как литературное: *одинна[ц]ать*, *двена[ц]ать*, *два[ц]ать*, *три[ц]ать* и т.п. Даже в сугубо синхронном плане нельзя исключать связи между числительным *девять* и элементами -надцать и -дцать. Диахроническая связь здесь очевидна. Таким образом, сочетание фонем <д'с'> в русском языке внутри корня реализуется как [ц], хотя не запрещена еще его традиционная реализация в виде [тс].

Следует принять во внимание и такие факты, относящиеся, правда, не к интервокальной позиции, но в целом весьма показательные. Фонетически закономерным преобразованием древнерусского *дъска* является слово *цка*, сохранившееся в русских говорах и профессиональной речи иконописцев, у последних оно обозначает доску, на которой пишут икону. Название реки *Цна* восходит к слову *Дъсна*, в котором после утраты редуцированных сочетание <д + с> дало [ц]. Косвенные падежи слова *тьсть* в русском языке фонетически не закономерны (фонетически закономерное развитие этого слова, к при-

меру, в родительном падеже [после перехода в склонение существительных на *'] должно было дать *тьстя* → **тстя*), и поэтому оно не может помочь нам. Приведенные факты, скорее всего, свидетельствуют в пользу того, что последовательности <т + с> и <д + с> реализуются в русском языке в виде [ц].

Сочетание *тс* часто встречается в заимствованных словах, таких как *бутсы*, *аутсайд*, *аутсайдер*, *джиу-джитсу*, *адсорбент*, *хатса* (название одного из бушменских языков), *хидатса* (название языка индейцев) и др.

Орфоэпический словарь, как правило, не дает каких-либо определенных рекомендаций в отношении произношения сочетания *тс* в подобных словах. Так, в отношении слова *бутсы* обращается внимание только на то, чтобы при склонении говорящие не были склонны сохранять раздельное произношение [тс] в абсолютном конце слова, поэтому указывается, что надо произносить [уц], то есть [буц]. Тем самым, очевидно, предполагается, что в интервокальной позиции произносится [тс]. К такому решению подталкивает и то, что, предлагая форму единственного числа, авторы словаря пишут: «ед. -са.», то есть [с] будто бы существует отдельно от [т] [Орфоэпический словарь 1989: 54]. Но это в известной мере реконструкция, так как прямого указания относительно произношения этого слова нет. Р.Ф. Касаткина и М.Л. Каленчук при слове *бутсы* дают два возможных варианта: бу[цс]ы и бу[ц]ы [Каленчук, Касаткина 1997: 65, 87]. Иначе говоря, авторы словаря допускают в произношении этого слова аффрикату с долгим фрикативным компонентом, в нашем обозначении [тс].

В слове *аутсайдер* вариантность произношения не отмечается. Следовательно, предполагается, что произносится то, что написано, то есть [тс] = [тс].

Что касается слова *джиу-джитсу*, то оно имеет вариантное написание в виде *джиуджицу*, широко представленное в Интернете, хотя и не отмечаемое большинством словарей. С одной стороны, слово заимствованное и фонетически причудливое, с другой – оно в свое время было освоено массой дворовых мальчишек, которые вряд ли заботились о тщательности произношения и ориентировались на свои бытовые произносительные навыки.

Такие слова, как *адсорбент*, *хатса*, *хидатса* являются специальными, но и здесь нет серьезных оснований говорить об их особом произношении.

Можно прийти к выводу, что в словах рассмотренного типа допустимо произношение как обычного [ц], так и [тс], точнее, наверное, речь вести о некоторой шкале фонетической реализаций от [ц] = [тс] к [тс], где возможен весь спектр звуков переходного типа. Если слово далеко от освоения, то говорящие могут склоняться к произношению [тс]. К этому произношению будут тяготеть слова *адсорбция*, *хатса*, *хидатса* и т.п. Возможно, тот, для кого эти понятия – научная повседневность (химик, этнограф, лингвист), будет склонен к тому, чтобы произносить здесь аффрикату обычной длительности. Такие относительно освоенные слова, как *аутсайдер*, *бутсы*, склонны к тому, чтобы их произносили с чистым [ц], хотя и не возбраняется помнить об их иностранном происхождении, тогда допустимо [тс].

Кажется, уже можно прийти к выводу, что хотя и не последовательно и не всегда, но [ц] и [тс] противопоставлены в интервокальной позиции внутри корня. Однако что-то мешает нам принять такой вывод. Более того, чем привычнее слово, тем больше оно стремится к тому, чтобы произноситься с обычным [ц]: *ацетат* (лат. *acetum*), *ацидоз*, *ацидофилин*, *акроцефалия* (греч. ἀκρος + κεφαλή), *антрацен* (греч. ανθράκος), *бацилла*, *бенефиций*, *биоценоз*, *бицепс*, *борацит*, *брехицефалы*, *брюцеллез*, *гемоцитобласты*, *геноцид*, *гиацинт*, *гинецей*, *гифомицеты*, *глицерин*, *глицин*, *грамицидин*, *грация* и др. Различие между словами *адсорбция* и *ацидофилин*, *брехицефал* и *хатса*, *аутсайдер* и *бицепс*, *бутсы* и *бацилла* и др. не фонетические, а этимологические. В слове *бутсы* сочетание *тс* восходит к английскому *ts* (*boots*), в слове *бацилла* – к латинскому *c* (*bacillum* – палочка). Что касается чисто фонетической реализации, то как *тс* в *бутсах*, так и *ц* в *бациллах* могут реализовываться в зоне фонетической шкалы от [ц] до [тс]. Дело не в разных фонетических реализациях *тс* и *ц* в этих словах, а в том, что данные слова принадлежат к классу заимствованных слов, которые могут себе позволить более

четкую артикуляцию всех элементов. Даже вполне русские слова попадают в сферу этого фонетического разброса. Учителя начали фиксировать такие написания, как *литсо* вместо *лицо*. Таким образом, можно прийти к выводу, что в интервокальной позиции внутри морфемы отсутствует противопоставление <ц> и <тс> в виде [тс] и [тс̄], между реализациями этих фонем лежит переходная зона, которая не позволяет прийти к выводу о наличии фонемного противопоставления.

Теперь обратимся к анализу противопоставления [тс] и [тс̄]. Русское правописание знает небольшую группу слов с написанием цц. Как правило, это слова, связанные с итальянским языком: *пицца*, *пиццерия*, *палаццо*, *меццо-сoprano*, *Ницца*, *Гоцци*, *Дураццо* (устаревшее итальянское название современного города *Дуррес* в Албании). Наиболее освоенным из этих слов является *пицца*. Здесь менее всего следовало бы ожидать сохранения иноязычного фонетического облика, однако исследования показали, что слово сохраняет произношение *пи[тс]а*. Студентам нефилологического факультета (юристам) было предложено такое задание:

В каком случае рифма более точная? Объясните, почему вы так считаете?

1. *Пицца – спиться* 2. *Спица – спиться*

Девять опрошенных из 15 отдали предпочтение первой рифме, шесть предпочли вторую, но при этом некоторые из них оговорили, что их предпочтение связано с наличием звукового повтора в начале слова («здесь больше совпадений первых звуков»). Таким образом, рифма *пицца – спиться* воспринимается как более точная, это связано с тем, что консонантное скопление и в том, и в другом слове реализуется как [тс̄]. Естественно, что в других словах (может, за исключением слова *пиццерия*) стремление к сохранению аффрикаты с долгим затвором еще больше. Словоформы с пиццей и спицей явно различаются в произношении тем, что в первом случае звучит [тс̄], а во втором – [тс].

Курьезным для русского языкового сознания является второе имя Карла II Венгерского (1345–1386 гг.) – Карл Дураццский (то есть Карл из Дураццо). В русском неискусственном произношении слова *Дураццкий* и *дурацкий* совпадают, создавая комическую омонимию.

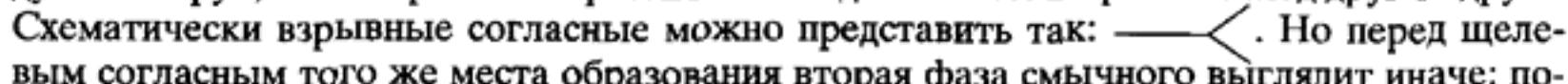
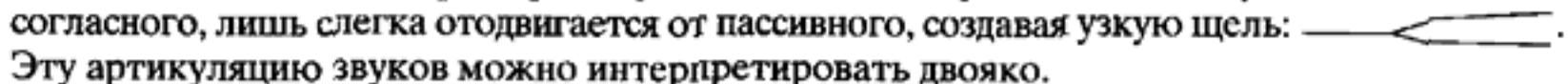
Таким образом, есть все основания говорить, что в интервокальной позиции внутри корня противопоставляются две аффрикаты: краткая, обычная [тс] и с долгим затвором [тс̄]. Однако данное противопоставление не является ярким, существует в ограниченном кругу слов, поэтому [тс̄] целесообразнее интерпретировать как бифонемное сочетание <щ>, встречающееся в крайне ограниченном количестве слов. Противопоставление [тс̄] и [тс] находится в общем ряду противопоставления долгих и кратких согласных.

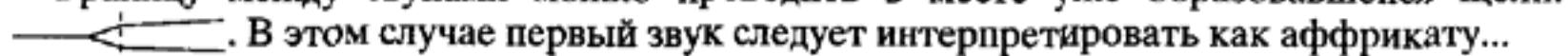
На стыке корня и суффикса сочетание <тс> в интервокальной позиции не встречается, имеющиеся примеры приходятся на позицию «гласный + т + с + согласный» типа *братский*, *солдатский*, *детский* и др., которые были рассмотрены нами ранее.

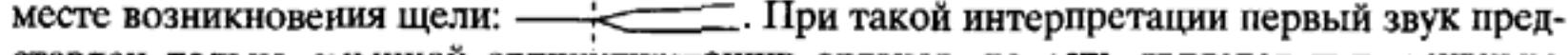
Очень ценными для рассматриваемого нами фонетического сюжета являются наблюдения Л.Л. Касаткина, который открыл чрезвычайно важный для русского языка фонетический закон: «Взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами: *отсыпать* – *о[ц]сыпать*, *пяться* – *пя[ц']ся*, *отщипнуть* – *о[ч']щипнуть*, *ветшать* – *ве[ч]шать*. Понять это легко. Последняя фаза взрывающего – резкий и достаточно широкий отход сомкнутых органов речи один от другого. Но перед щелевыми того же места образования этого не происходит. После смычки активный орган речи (уже готовясь к образованию следующего щелевого) лишь слегка отодвигается от пассивного, создавая узкую щель. Образуется аффриката. Так, [т] перед [с] меняется на [ц]: *де[ц]сад*, *бра[ц]Сáши* (*брат*), *бú[ц]сы* (*бутсы*); [т'] перед [с'] меняется на [ц']: *мé[ц']ся* (*меться*), *пя[ц'] селёдок* (*пять*)» [Касаткин 1982: 106–107]. В дальнейшем Касаткин уточнил свое наблюдение и пришел к выводу, что аффрикаты образуются и в таких случаях, как *о[бв]вáл*, *[кх]хúтору* и др. [Касаткин 1999а: 81]. Правда, в данном случае, вероятно, надо говорить не об аффрикатах, а об особой реализации стыков между согласными одного места образования.

Стык приставки и корня, приставки и слова дает максимальные возможности для противопоставления всех трех типов аффрикат. Примеры уже приводились: *поцар-*

ствовать и подсаживать, то есть *по[тс]арствовать* и *по[тс]аживать*, о царе, от царя и отцарствовать, то есть *о[тс]аре*, *о[тс]царя* и *о[тс]арствовать*.

Весьма тонкое объяснение причин появления разных типов произношения в этих случаях предлагает Касаткин: «Взрывные согласные содержат в своем образовании две фазы: сначала происходит смычка артикулирующих органов и полная задержка воздушной струи, а затем резкое их размыкание и достаточно широкий отход друг от друга. Схематически взрывные согласные можно представить так: . Но перед щелевым согласным того же места образования вторая фаза смычного выглядит иначе: после смычки активный орган речи, уже готовясь к образованию следующего щелевого согласного, лишь слегка отодвигается от пассивного, создавая узкую щель: . Эту артикуляцию звуков можно интерпретировать двояко.

Границу между звуками можно проводить в месте уже образовавшейся щели: . В этом случае первый звук следует интерпретировать как аффрикату...

Сложную артикуляцию, возникающую на месте взрывного и следующего щелевого, можно членить на звуки и другим образом. Границу между звуками можно проводить в месте возникновения щели: . При такой интерпретации первый звук представлен только смычкой артикулирующих органов, то есть является имплозивным. Транскрипция в этом должна быть такой: *о[тс]адить...*» [Касаткин 1999а: 79–81].

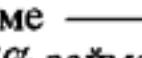
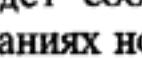
Итак, в зависимости от того, где мы проведем границу между звуками, зависит и интерпретация всего стыка: *о[цс]адить* или *о[тс]адить*? Предложенная нами транскрипция аффрикат не противоречит тому, как те же процессы отображаются Касаткиным. Его *о[цс]адить* равно нашему *о[тс]адить*. Разлагая [цс] на составляющие, получаем: [цс] = [тс + с] = [тс].

В процессе анализа природы стыка в словах типа *отсадить* Касаткин следовал такой логике.

Во-первых, он проанализировал соотношение длительности взрывной фазы и щелевой. Анализ был проведен на примере словоформы *от сабли*. Выяснилось, что у разных информантов (к сожалению, не сказано, сколько именно информантов исследовалось) на взрывную фазу приходится в среднем 38% длительности, а на щелевую 62%. Следует заметить, что для анализа проблем соотношения длительности взрывной и щелевой части принятое нами обозначение нагляднее. В самом деле, в транскрипции [цс] в знаке *ц* скрыта взрывная фаза и часть щелевой, а знак *с* обозначает только часть щелевой фазы, так как начальная часть щелевой фазы скрыта в *ц*. Предлагаемая нами транскрипция нагляднее представляет эти две фазы: в записи [тс] знак *т* обозначает только взрывную фазу, а знак *с* – только щелевую.

Во-вторых, Касаткин постарался выяснить, как во времени распределяются согласные в слоге типа *отто*, когда почти нет сомнений, где именно проходит граница между согласными. Была исследована относительная длительность согласных в двухконсонантных сочетаниях в интервокальной позиции типа *сказка*, *шапка* и др. Длительность первого согласного в среднем составила 45%, а длительность второго – 55% [Касаткин 1999б: 235]. Ранее в этой же работе Л.Л. Касаткин приводил данные, полученные Л.В. Златоустовой. У нее соотношение в сочетаниях подобного рода несколько иное: 48% и 52% соответственно [Касаткин 1999б: 234]. Как видим, у Л.В. Златоустовой данные приближены к тому пределу, когда можно говорить о равенстве звучания первого и второго элементов сочетания двух согласных. Но все это именно в «среднем». Реальные же употребления допускали значительные отклонения от среднестатистического параметра. Так, в данных Л.В. Златоустовой было отмечено соотношение 54%–46% (185 мс – 155 мс), с одной стороны, и 44%–56% (160 мс – 200 мс) – с другой. В данных Л.Л. Касаткина имеется соотношение 54%–46% (126 мс – 107 мс) и 36%–64% (91 мс – 160 мс). У нас не было никаких оснований сомневаться в точности наблюдений Л.В. Златоустовой и Л.Л. Касаткина, тем не менее мы повторили эксперимент наших предшественников. Как и ожидалось, проведенный эксперимент показал приблизительно ту же картину, но с некоторыми объяснимыми статистическими отклонениями. Как правило, первый согласный несколько короче второго, но допускаются довольно значи-

тельные отклонения в ту и другую сторону. Полученные данные в психологическом плане можно интерпретировать так: в бифонемном сочетании согласных, находящихся в интервокальной позиции, слушающий склонен первые 45% звучания воспринимать как первый согласный, а последующее звучание – как второй согласный.

Теперь вновь вернемся к анализу восприятия сочетания *тс* в словах типа *отсадить*. Взрывная фаза может оказаться в зоне 45%, тогда все сочетание будет восприниматься как последовательность [тс], что соответствует такой схеме . Взрывная фаза может оказаться короче, тогда часть пространства в 45% займет щелевой элемент, и все сочетание будет восприниматься как [цс], что будет соответствовать схеме . Поэтому появление аффрикаты в этих сочетаниях носит вероятностный характер, хотя эта вариантность в целом склоняется в пользу аффрикат.

Анализ Л.Л. Касаткина позволяет объяснить, почему фонетисты столь различно интерпретируют сочетание *тс*. Оказывается, многое зависит не от физической реальности как таковой, а от того, что мы думаем об этой реальности. Открытие Касаткина, как это ни парадоксально, дает материал для сторонников гипотезы Сепира–Уорфа на фонетическом уровне. Кажется, до сих пор сторонники этой гипотезы не прибегали к фонетике, хотя вся фонология исходит из того, что важна не физическая реальность, а интерпретация этой реальности говорящими. В схемах Л.Л. Касаткина сплошные линии обозначают физическую реальность (силою ума преобразованную в графическую форму), а пунктирная линия обозначает границу, проводимую сознанием говорящих. В зависимости от того, где сознанием будет проведена данная граница, различным будет и членение звукового потока. Оказывается, не физическая реальность принимает окончательное решение, а говорящий, который эту реальность интерпретирует. Подход глубоко филологический.

Почти все реализации сочетаний [т + с] на разных морфемных стыках подчиняются закону Касаткина. На стыках приставка + корень, предлог + слово, слово + слово сочетание [т + с] реализуется в виде [тс] (по Касаткину – [цс]): *o[тс]адить* – *отсадить*, *o[тс]аши* – *от Саши*, *жиле[тс]аши* – *жилет Саши*. При этом наблюдается нейтрализация <тс> и <цс>: в парах *блицсалат* (быстро приготовленный салат) – *отсадить*, *спецсад* – *от Саши*, *жилет Саши* – *жилец Саши* сочетания <тс> и <цс> произносится одинаково. По идее эти сочетания должны различаться долготой фрикативного элемента: [т + с] → [тс], а [тс + с] → [тс]. Но вступает в действие закон Панова: долгий не может быть в сочетании с согласным, поэтому «теоретические» [тс] и [тс] оказываются равными друг другу, то есть «превращаются» в [тс]. Не противоречит ли принятое нами изображение аффрикаты в виде [тс] закону Панова? Действительно, у нас рядом с [т] оказывается долгий согласный [с]. Противоречия нет. Закон Панова касается отдельных согласных, а мы имеем дело с аффрикатой: длительность [с] существует не сама по себе, а внутри целостного звука. Долгий [с] внутри аффрикаты долгий только по сравнению с [с] внутри обычной аффрикаты [ц] = [тс], а в сравнении с обычным долгим [с], например в слове *рассорились*, он вовсе даже и краткий. Закон Панова на такие случаи не распространяется.

Законы Панова и Касаткина касаются очень тонких вещей, они не очевидны, если бы было иначе, то эти законы были бы открыты раньше, и лингвисты так долго не мучились с тем, как лучше обозначить эти сочетания согласных. Но неочевидность этих законов заключается и в другом. Рядом с обычным произношением существует разговорное, эти два типа произношения не отделены друг от друга непроходимой стеной. В разговорной речи вполне возможно появление на месте этих сочетаний обычного [ц] (не долгого!). Норма требует говорить *o[тс]адить*, но тут же можно услышать и разговорное *o[ц]адить*. И в этом типе произношения уже аффриката становится представителем бифонемного сочетания <т + с>. Пока различаются случаи *o[тс]адить* и *o[ц]аровать звук* [ц] не может быть интерпретирован как сочетание фонем <т + с>, но в разговорном стиле произношения предятствий к этому нет.

Помимо долгой аффрикаты [тс] в рассматриваемых позициях употребляется и другая долгая аффриката – [тс], она произносится в таких случаях, как *o[тс]епить* – *отцепить*,

o[тс]апли – от цапли, са[тс]апли – сад цапли. Таким образом, в интервокальной позиции встречаются все три типа аффрикат: *о[ц]апле – о[тс]апли – о[тс]адить*. Фонематически здесь представлены такие фонемы, как <ц> – <тц> – <тс> = [тс] – [тс] – [тс].

В разговорной речи [тс], как уже было сказано, «стремится» к [ц]. Нет ли той же тенденции у [тс]? Иначе говоря, может ли исчезнуть различие между формами *оценить* и *отцепить*? В произношении автора статьи данные формы различаются длительностью аффрикаты, в первом случае она равна 202 мс, во втором – 242 мс. Кажется, что долгий затвор языка оберегает более ревностно, чем долгий щелевой компонент. Поэтому слияние [ц] и [тс] возможно только в крайне разговорной речи, где действуют уже совсем иные законы.

Закон Кацаткина распространяется и на мягкие согласные. Говорят: *о [т'с']есть – отсесть, о[т'с']ебя – от себя, са[т'с']имы – сад Симы*. Возможно, произношение с твердым затвором, особенно в последнем случае, то есть *о[тс']есть, о[тс']ебя, са[тс']имы*. Это произношение «в пользу» самостоятельности аффрикат. Русские аффрикаты «однолюбивы»: [ц] «любит» твердость, а [ч'] – мягкость. Если образуемый в слове *отсесть* сложный звук тяготеет к аффрикатам, то он должен подчиняться и их привязанностям, то есть стать твердым, если же он ощущает свою связь с фонемами, которым обязан своим появлением, тогда он должен сохранить присущую им мягкость. В данном случае сложный звук – мягкий или неоднородный в отношении мягкости, следовательно, он представляет собой сочетание фонем.

В интервокальной позиции, как уже говорилось ранее, зафиксирована нейтрализация <тс> и <цс> в звуке [тс]. Нейтрализация объясняется действием законов Панова и Кацаткина.

Очень богатый, но противоречивый материал дают сочетания с постфиксом -ся. Имеется весьма обширная литература, посвященная так называемому парадоксу А.А. Реформатского, который в статье 1957 года «Фонологические заметки» впервые обратил внимание на это явление.

«*Купаться – пяться; ленинградский – подсадить*. Данные примеры представляют вариации на ту же тему (ранее были рассмотрены случаи типа *к Ире и Кире*. – A.C.), но здесь вопрос несколько сложнее, так как связан со строением слова и с грамматическими тенденциями словообразования и словоизменения. В данном случае спор уже внутри так называемой Московской фонологической школы.

Что в примерах *купаться* [купáц:л] и *пяться* [п'áт'с'л] (где различие [ц:] и [т'с'] – очевидно): 1) разный состав фонем в тех же «условиях» или же 2) тот же состав фонем в разных «условиях»? Мы вотируем за второе.

Казалось бы, что «условия» одинаковы. [т'] предшествует [с'] на стыке морфем, и фонетический результат этого стыка оказывается различным: *купаться* (-ц-), но *пяться* (-т'с'-) – здесь аффрикаты не получилось.

Соотнося формы *купаться* [купáц:л] и *купался* [купáс'], мы «очищаем» [с], а сопоставляя *купаться* [купáц:л] и *купать* [купáт'], – «очищаем» [т']. Для случая *пяться* всего этого не нужно, разве что вспомнить о форме *пять* [п'ат'], что, собственно, ничего нового не дает.

Так что же: акцентные «условия» те же, соседство – то же, а результат разный. Можно ли сказать, что здесь та же позиция, значит, разный состав фонем? Нет.

Здесь разная позиция, т.е. не «те же условия». Дело в том, что вопреки мнению многих сторонников «автономии» фонетики, она – член общей структуры языка и через морфонологию теснейшим образом связана с морфологией. Бодуэн де Куртенэ всегда подчеркивал теснейшую связь фонем и морфем. Фонемы существуют не «где-то», а только в морфемах, и сами морфемы (их тип: корень, префикс, суффикс, флексия), и характер соединения в слове – необходимые характеристики «условий» для существования фонем.

В данном случае, на наш взгляд, секрет в том, что в *купаться* налицо стык инфинитивного аффикса [т'] с начальным [с'] возвратного аффикса, и это стык фузионный, а *пяться* – стык конечной согласной корня [т'] с таким же аффиксом, но это стык агглю-

тирующей тенденции. Поэтому при фузионном стыке в *купаться* [т' + с'] дают долгую аффрикату [ц:], а при агглютинирующем стыке в *пяться* [т' + с'] не дают аффрикаты, а остаются «каждый сам по себе». Следовательно, одинаковые фонемы, находясь в разных морфонологических позициях, дают различный результат при той же линейной расположенностии.

Для того, чтобы проверить этот сложный случай, возьмем более простой. Примеры: *ленинградский* [л'эн'и³нграцкэй] и *подсадить* [пэ⁷слд'йт'] (в сноске А.А. Реформатский выражает несогласие с орфоэпической рекомендацией Р.И. Авансова: «Пример приводится и у Р.И. Авансова... Впрочем, насчет оговорки “при более отчетливой речи произносится, видимо (? – A.P.), [цс]: сове[цс]кий...” мы с Р.И. Авансовым никак согласиться не можем»). «Опять [д] и [с] встретились рядом, в той же последовательности, но результат разный» [Реформатский 1970: 484].

Позднее А.А. Реформатский возвращался к своему анализу и остался на прежних позициях. Формулируя принципы МФШ, он в 1970 году писал:

«Но могут быть и позиции иного рода, зависящие не от линейной последовательности и не от общих фонологических факторов, а от морфологических условий, например от агглютинативной или же фузионной тенденции тех или иных «стыков» и сочетаний, например, те же фонемы, в той же последовательности расположенные, могут давать разные результаты (в русском: <тс>, <дс> → [ц:] или [ц], или же без образования аффриката – [тс], в примерах: *штатский*, *шведский*, где аффриката образуется, и *отсадить*, *подсадить*, где аффриката не образуется; ср. также *купаться* и *пяться*, где еще больше различие в реализации фонем <т> и <с>» [Реформатский 1970: 115–116].

Сегодня возможна несколько иная интерпретация случаев *ленинградский*, *штатский*, *шведский*. С учетом закона Панова. Долгая аффриката в этих словах не образуется потому, что сочетание фонем <тс> или <дс> находится в соседстве с другим согласным. Следовательно, долгота аффриката «подавляется». Уже говорилось, что случаев, когда бы сочетания фонем <тс> или <дс> на стыке «корень + суффикс» находились в интервокальном положении, русский язык не предоставляет.

Иное решение в отношении рассмотренного А.А. Реформатским случая было предложено М.Л. Каленчук в статье «Об одном из лингвистических парадоксов А.А. Реформатского». Она исходит из того, что «в русском языке нет других примеров, подтверждающих, что при стыке постфиксса с корнем налицо агглютинирующая тенденция, а при стыке постфиксса с аффиксом – фузионная» [Каленчук 1998: 135]. О характере стыков А.А. Реформатский делает выводы только на основе поведения фонем в анализируемых им формах. «Получается логическое противоречие: мы узнаем о том, что здесь агглютинация и фузия по тому, что фонемы себя ведут не одинаково, а затем объясняем их различное поведение тем, что они находятся в разных позициях – фузии и агглютинации. Это замкнутый круг» [Каленчук 1998: 135].

Далее М.Л. Каленчук рассуждает следующим образом: фонетически закономерной признается реализация сочетания <т'с'> в словах типа *пяться*, так как именно эта реализация соответствует закону Касаткина, согласно которому «взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами» [Касаткин 1982: 106]. В отношении произношения в словах типа *купаться* М.Л. Каленчук ссылается на мнение своих предшественников, А.Ф. Бишерта и М.А. Штудинера, которые считали, что появление аффриката [ц] в таких случаях носит не фонетический, а грамматический характер. Вместе с тем природа этого грамматического чередования ими описана не была. Опираясь на классификацию чередований М.В. Панова, М.Л. Каленчук относит данное чередование к грамматическим позиционным. То есть мы имеем дело с грамматическим чередованием, происходящим в определенной грамматической позиции.

Дальнейшая логика М.Л. Каленчук такова.

1. Звук [ц:] в глаголах *купаться* представляет собой две фонемы: одна из них принадлежит окончанию глагола или суффиксу инфинитива, другая – возвратному постфиксу.

2. Вторая фонема – <ц>, так как звук в данном случае находится в сильной позиции перед гласной, а [ц] в этой позиции может представлять только <ц>.

3. Правильность принятого решения подтверждается тем, что нельзя интерпретировать конечное [ц] как реализацию <с>: искусственно созданные слова типа *коцса*, *табецсун*, *пацсок* и т.п. информанты произносили со звуками [цс], а не [ц:] (в нашей транскрипции соответственно [тс] и [тс]. – А.С.). Стало быть, предшествующее [ц] не «превращает» [с] в себе подобное, то есть в [ц].

4. Поэтому «никакой фонетической обусловленности мены звуков [с] или [с'] на звук [ц] в наших примерах нет. Здесь фонемы функционируют в условиях морфологической обусловленности: в возвратном постфикссе -ся в позиции после глагольного аффикса инфинитива -ть или 3-го лица настоящего будущего времени всегда происходит меня звуков [с] или [с'] на [ц]. Следовательно, мена фонем <с> или <с’> на фонему <ц> носит морфологический характер» [Каленчук 1998: 138].

Здесь почти совсем хочется согласиться, но некоторые неясности остаются. Определяя грамматические условия чередования, М.Л. Каленчук не повторяет аффиксы, перед которыми данное чередование происходит. Действительно, аффиксы ею названы на предыдущей странице. Повторим их, это: показатель инфинитива -ть, а также окончания глаголов -ет, -ит, -ут, (-ют), -ат, (-ят). Все эти окончания завершаются либо гиперфонемой <т/д>, либо <т'/д'> (если принять во внимание при установления фонемного состава суффикса инфинитива такие формы, как *нести*, *вести* и др., то можно признать, что в суффиксе инфинитива нет гиперфонемы, а есть фонема <т'>). Нельзя просто проигнорировать тот очевидный факт, что финаль везде в фонетическом отношении одинакова. Поэтому от фонетической обусловленности все-таки целиком в данном случае не удается избавиться.

М.Л. Каленчук ставит вопрос о том, считать ли чередование с//ц в постфикссе фонетическим или грамматическим. Она доказывает грамматический характер этого чередования, устанавливая, что позицией, обусловившей мену, является положение после определенных глагольных показателей. При этом все эти морфемы имеют одинаковую с фонетической точки зрения финаль – все они заканчиваются согласной <т / д> или <т'/д'>.

Следует принять во внимание некоторые диахронические соображения. В парадигмах глаголов очень часто проявляет себя аналогия. Примеры общеизвестны. Изменение произношения у глаголов 2-го лица множественного числа настоящего времени типа *н'эс'эт'э* → *н'эс'бт'э* не имело фонетических оснований, основания исключительно морфологические. В современной форме [н'и³с'от'ь] преодолена изначальная ограниченность фонетического изменения [э] в [о]. Если появление [ц:] в анализируемых случаях – грамматический процесс, то где-то его изначальная фонетическая обусловленность должна быть преодолена. Наряду с формами *купае[ц:]я* должны бы были появиться формы типа **купае[щ]я* и тому подобные. Литературный язык этих форм не знает, поэтому он не преодолел пока фонетическую обусловленность данного грамматического чередования. Отсутствуют формы такого рода и в говорах, которые дружно представляют во всех случаях только формы на с: меняется качество с по твердости – мягкости и конечный гласный [Атлас: карта 107]. Поэтому, вероятно, пока стоит говорить о грамматико-фонетической обусловленности, но это значит вернуться, по сути дела, к точке зрения Реформатского.

М.Л. Каленчук объясняет незакономерный результат развития сочетания [тс] исключительно фонетически: «Можно предположить, что это изменениешло следующим путём: после того как [т'ьс'] изменилось после падения редуцированных в [т'с'], произошла замена взрывного на аффрикату перед щелевым того же места образования... В результате этого получилось сочетание [ц'с']. А затем произошла прогрессивная ассимиляция по способу образования: [ц'с'] > [ц'ц'] = [ц':]. После отвердения [ц':] превратился в [ц:], который произносится на рассматриваемом шве и сейчас» [Каленчук 1998: 139].

Попытаемся «переписать» указанные переходы в системе обозначений, принятой нами. Сочетание [ц'с'] тогда будет выглядеть как [т'с']. Фонетически это уже аффриката с долгой щелью. Сочетание [ц'ц'] должно быть представлено как [т'ц']. А это аффрика-

та с долгим затвором. Тогда изменение, постулируемое М.Л. Каленчук, можно изобразить как [т'с'] > [т'с'], то есть долгота с фрикативной части аффрикаты была перенесена на затвор. При таком понимании процесса уже нет возможности говорить об ассимиляции.

Что послужило толчком к этому изменению? Выбор не велик: фонетика или грамматика. «Попробуем» разные ответы.

Ответ «фонетика» приводит нас к следующим трудностям.

В о - п е р в ы х, данное изменение ограничено грамматической позицией, описанной М.Л. Каленчук, оно не происходит в других случаях. Так, *о[тс]адить* не изменяется в **о[тс]адить*. Не знают этого изменения и совсем «близкие» формы типа *пяться*, *отметься*.

В о - в т о р ы х, в говорах каким-то образом должна была отразиться предшествующая стадия состояния в виде аффрикаты с долгим фрикативным элементом, однако знакомство с диалектным состоянием не оставляет никаких иллюзий на этот счет: все говоры русского языка имеют в данном случае произношение с долгим затвором [Атлас: карта 108].

В - т р е т ь и х, материалы памятников письменности так же, как и диалектные данные, не отражают этапа, связанного с произношением в этом случае [т'с']. В связи с тем, что говоры в данном случае дают однородную картину, можно считать, что данное изменение носило общерусский характер. Диахронические аспекты взаимодействия между [т] и [с] в этих формах предполагается рассмотреть в отдельной статье, общий вывод в отношении появления произношения типа *пя[т'с']я* таков. Мягкость конечного согласного основы глагола повелительного наклонения стала функционировать как аналог утраченного *и*: *встани* > *встан'*, *забуди* > *забуд'*, *удари* > *удар'*. В современном русском языке «формы 2 л. ед. ч. образуются от основы наст. вр. одним из следующих способов: путем присоединения к основе наст. вр. 1) флексии -и или 2) нулевой флексии при чередовании согласных в конце основы по твердости – мягкости» [Русская грамматика 1980: 620]. Таким образом, для русского языка финальные *и*, *ј* и мягкость – обязательные показатели повелительного наклонения. Исключение представляют собой формы на непарные по твердости – мягкости согласные типа *режь*, *услышь*, *ляг*. Строго говоря, в формах типа *забудь*, *ударь* показателем повелительного наклонения является мягкость конечного согласного основы. Именно поэтому в формах типа *пяться*, *отметься*, *охоться* не произошло образование твердой аффрикаты: морфология требовала сохранения мягкости согласного, являющегося показателем повелительного наклонения. Таким образом, в диахронии позиция А.А. Реформатского в отношении этих форм находит свое подтверждение.

Итак, в результате рассмотрения функционирования <ц> в русском языке в ее противопоставленности к <тс> можно прийти к выводам, которые в целом благоприятны по отношению к фонеме <ц>.

1. В интервокальной позиции <тс> и <ц> противопоставлены друг другу, но только в определенных морфологических условиях. Эти условия таковы: а) на стыке приставки и корня: *отсадить* (*о[тс]адить*) – *оцарапать* (*о[тс]арапать*); б) на стыке предлога и слова: *от сада* (*о[тс]ада*) – *о царе* (*о [тс]аре*).

2. В позиции в соседстве с другим согласным и в позиции конца слова противопоставление <тс> и <ц> отсутствует вне зависимости от тех или иных морфологических условий. Слова *Кац* и *Катс* произносятся одинаково, в словах *детский* и т.п. также представлена нейтрализация фонем <тс> и <ц>. Эта нейтрализация обусловлена действием закона Панова.

3. В позиции начала слова <тс> и <ц> в русском языке не противопоставляются.

4. Интервокальная позиция внутри морфемы реально представлена только словами с суффиксами *-дцать* и *-надцать*. В этой позиции противопоставление <ц> и <тс> практически уже отсутствует, хотя орфоэпические справочники настаивают на произношении в данных словах аффрикаты с долгим затвором. Здесь реальное употребление значительно расходится с орфоэпическими рекомендациями.

5. Вызывает споры фонематический статус стыка окончания и постфикса в таких словах, как *смеяться, смеется*. Автор статьи в целом готов согласиться с тем решением, которое было предложено в работах Л.Л. Касаткина и М.Л. Каленчук, однако процесс морфонологизации здесь еще не завершен. Поэтому пока еще явственно просматривается в этих формах былая фонетическая обусловленность, на которой настаивал А.А. Реформатский.

Таким образом, фонема <ц> в русском языке существует, но ее функционирование ограничено интервокальной позицией, в других позициях противопоставление <ц> и <тс> отсутствует. В разговорной речи имеется тенденция к устраниению фонемы <ц>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1984 – *Р.И. Аванесов. Русское литературное произношение*. М., 1984.
- Атлас 1989 – Атлас говоров русского языка. Ч. II. Морфология. М., 1989.
- Ахманова 1966 – *О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов*. М., 1966.
- Грамматика 1960 – Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1960.
- Каленчук 1998 – *М.Л. Каленчук. Об одном из лингвистических парадоксов А. А. Реформатского // Язык: изменчивость и постоянство / К 70-летию Леонида Леонидовича Касаткина*. М., 1998.
- Каленчук, Касаткина 1997 – *М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина. Словарь трудностей русского произношения*. М., 1997.
- Касаткин 1982 – *Л.Л. Касаткин. Фонетика // Современный русский литературный язык*. М., 1982.
- Касаткин 1999а – *Л.Л. Касаткин. Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке // Проблемы фонетики. Т. III*. М., 1999.
- Касаткин 1999б – *Л.Л. Касаткин. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка*. М., 1999.
- Касаткин, Чой 2005 – *Л.Л. Касаткин, М.Ч. Чой. Долгота / краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном русском литературном языке*. М., 2005.
- Орфоэпический словарь 1989 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, удаление, грамматические формы. М., 1989.
- Панов 1979 – *М.В. Панов. Современный русский язык. Фонетика*. М., 1979.
- Реформатский 1970 – *А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии*. М., 1970.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2-х т. Т. I. М., 1980.
- Словарь иностранных слов 1964 – Словарь иностранных слов. М., 1964.
- Соболевский 1907 – *А.А. Соболевский. Лекции по истории русского языка*. М., 1907.
- Трубецкой 1960 – *Н.С. Трубецкой. Основы фонологии*. М., 1960.
- Штудинер 1981 – *М.А. Штудинер. О двух типах долгих аффрикат в русском языке // ФН. М., 1981. № 1.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Языки мира. Славянские языки. М.: «Academia», 2005. 641 с. + 11 карт.

Рецензируемый том продолжающегося энциклопедического издания «Языки мира» посвящен славянским языкам и является первым полным монографическим описанием всех славянских языков под одной обложкой, вышедшим на русском языке (монография [Кондратов 1986] значительно менее подробна). Для сравнения укажу, что аналогичное издание на английском языке появилось в 1993 г. [Comrie, Corbett (eds.) 1993], ср. также только что вышедшую монографию [Sussex, Cubberley 2006]. Ценность и новизна данного издания состоит, помимо того, что описания всех славянских языков представлены в нем в единообразном формате, облегчающем типологические сопоставления (см. подробнее ниже), также и в том, что он делает доступной широкому читателю информацию о целом ряде славянских языков, до того на русском языке либо вовсе не публиковавшуюся (это касается в первую очередь так называемых микроязыков), либо трудно доступную (кашубский язык, полабский язык).

В международный авторский коллектив тома вошли следующие ученые: А.Е. Супрун («Славянские языки», «Старославянский и церковнославянский язык», «Полабский язык»), С.С. Скорвид («Славянские языки», «Чешский язык»), А.М. Молдован («Старославянский и церковнославянский язык», «Украинский язык»), Ю.С. Маслов («Болгарский язык»), Р.П. Усикова («Македонский язык»), А.Г. Кречмер, Г. Невекловский («Сербохорватский язык»), А.Д. Дуличенко («Словенский язык», «Кашубский язык», «Малые славянские литературные языки (микроязыки)»), Л.Н. Смирнов («Словацкий язык»), М.И. Ермакова, А.Ю. Недолужко («Серболужицкий язык»), Т.С. Тихомирова («Польский язык»), Г.А. Хабургаев («Древнерусский язык»), А.А. Зализняк, М.Н. Шевелева («Древненовгородский диалект»), В.В. Лопатин, И.С. Улуханов («Русский язык»), М.А. Жовтобрюх («Украинский

язык»), Н.В. Бирилло, Ю.Ф. Мацкевич, А.Е. Михневич, Н.В. Рогова («Белорусский язык»), Ю.Б. Коряков (карты славянских языков).

В данный том включены описания всех основных славянских литературных языков, как живых (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, серболужицкий, польский, кашубский, русский, украинский, белорусский), так и мертвых (старославянский и церковнославянский, полабский, древнерусский). Помимо этого, в нем содержатся описания обладающего рядом интереснейших особенностей древненовгородского диалекта древнерусского языка и, что особенно ценно, так называемых малых славянских литературных языков (югославорусинского, градищанско-хорватского, молизско-славянского, резьянского, банатско-болгарского, чакавского, кайкавского, прекмурско-словенского, восточнословацкого, ляшского, карпаторусинского, западнопольского), распространенных на небольшой сравнительно с «основными» славянскими языками территории и бытующих в существенно отличной от них социолингвистической ситуации. Отдельное рассмотрение «малых» и не имеющих статуса государственных славянских языков представляется безусловно оправданным.

Помимо описания собственно литературных языков, каждая статья включает также и краткий очерк основных особенностей диалектов и говоров, равно как и ряд сведений из истории языка. К тому приложен ряд карт, на которых отмечены области распространения славянских литературных языков и диалектов, а также (почему-то в ряде экземпляров приведенная дважды – на вкладке и на внутренней стороне обложки) карта распространения славянских языков и диалектов в эпоху Кирилла и Мефодия.

Статьи сборника построены по единой схеме, общей для всех томов данного издания. Каждая из них содержит основную социолингвистическую и лингвогеографическую информацию о языке, сведения о его письменности и этапах его истории. Центральное место в статье занимает, естественно, собственно лингвистическая характеристика: информация о фонологии, просодии, фонотактике, структуре слова, морфонологии, частях речи и грамматических категориях, основных лексико-грамматических классах лексики, морфологической парадигматике, структуре словоформы, словообразовании, синтаксисе простого и сложного предложения (последнему, правда, в большинстве статей уделяется лишь короткий абзац), лексике – и основные сведения о диалектах и их отличиях от литературного языка и друг от друга. Следует отметить, что статьи сборника обнаруживают заметно более высокую по сравнению с рядом предыдущих томов серии «Языки мира» степень единства при описании различных славянских языков, что позволяет использовать их данные при первичном типологическом сопоставлении. Это несомненное достоинство тома сопровождается другим, не менее важным – от внимания авторов не ускользают «мелкие», но исключительно интересные характеристики описываемых языков, которые, в принципе, в издании такого рода могли бы остаться неупомянутыми. Так, например, в статье «Болгарский язык» отмечен, казалось бы, периферийный, но на самом деле представляющий большой интерес факт утраты современным болгарским языком противопоставления моторно-кратных и моторно-некратных глаголов (с. 80), а в статье «Серболужицкий язык» отмечено тонкое и типологически очень важное противопоставление дательного и винительного падежа каузируемого в аналитических каузативных конструкциях (с. 325). Такого рода примеры можно умножить.

Отмечу отдельные особенно удачные разделы некоторых статей. Так, большой интерес представляет детализированный очерк семантики предлогов в статье «Македонский язык» (с. 123–124), с особой подробностью описан синтаксис энклитических местоимений в чешском языке (с. 269). Особенно четко и информативно описана именная парадигматика в статье «Словенский язык» (с. 220–225). Интересен раздел, посвященный синтаксису, в статье «Полабский язык» (с. 415–416). Следует отметить подробное описание диалектных особенностей украинского (с. 541–546) и белорусского (с. 588–591) языков. Образцовой можно признать подачу социолингвистической информации в статье «Малые славянские литерату

турные языки (микроязыки)», ср., например, сводную таблицу с данными о разнообразных аспектах функционирования этих языков (с. 602–603).

Переходя к критическим замечаниям, следует сначала отметить ряд моментов, общих для всех или почти всех статей сборника. Во-первых, сообщаемые в каждой из них сведения из исторической фонетики нередко фрагментарны и явно недостаточны для того, чтобы читатель мог сформировать хотя бы самое общее, но целостное представление о рефлексах праславянской фонологической системы в том или ином современном славянском языке. Было бы полезно в каждой статье давать полную информацию об основных нетривиальных рефлексах, а в обобщающей статье «Славянские языки» представить сводную таблицу основных фонетических соответствий между современными славянскими языками.

Во-вторых, имеющийся в каждой статье раздел «Образцы парадигм», как правило, содержит таблицы окончаний, но лишь за редкими исключениями («Словенский язык», «Кашубский язык» и «Русский язык») – собственно парадигмы склонения и спряжения. Такой способ подачи материала представляется весьма неудобным, в особенности для языков с большим количеством сложно распределенных подтипов склонения (польский, чешский), в первую очередь потому, что имеющиеся в статьях сведения зачастую не позволяют правильно построить соответствующие словоформы. Неуместным кажется такой способ подачи материала и при описании мертвых языков, представленных ограниченным корпусом текстов, в частности, полабского языка. Еще одна претензия к подаче материала в данном разделе касается принятого во всех без исключения статьях сборника порядка падежей «Именительный – Родительный – Дательный – Винительный – Творительный – Местный». Данный порядок, как справедливо отмечено в статьях «Чешский язык» (с. 262) и «Словацкий язык» (с. 292), «соответствует национальной грамматической традиции», которая, в свою очередь, восходит к некритически воспринятой традиции античной грамматики, однако не отвечает реально существующей в славянских языках структуре парадигмы, которую наиболее точно отражает порядок «Именительный – Винительный – Родительный – Местный – Дательный – Творительный». Последний порядок не только подробно и убедительно аргументируется в ряде работ (см., например [Chvany 1996/1982]), но и эксплицитно принят в ряде классических исследований по славянским языкам (например [Мейе 2000/1934; Вайан

1952/1948; Зализняк 1967/2002]. Такой порядок позволяет, в частности, наглядно и систематически представить случаи падежного синкетизма, в большом количестве наблюдающиеся в славянских языках, см. [Plank 1991].

В-третьих, не всегда благоприятное впечатление производит определенная небрежность в терминологии, периодически встречающаяся на страницах сборника. В частности, вызывает протест смешение падежа как морфологической категории и как совокупности «глубинных» семантико-сintаксических ролей, приводящая к формулировкам типа «падеж выражается преимущественно морфологически, а также сintаксически (предлоги)» («Сербохорватский язык», с. 156) и к тому, что вперемежку приводятся примеры употребления падежей как с предлогами, так и без оных. Аналогичным образом, кочующие из статьи в статью «понятийные» «определения» частей речи вроде «существительное – часть речи, обозначающая предмет» («Русский язык», с. 475), представляются неуместными в издании, посвященном конкретным языкам (см. недавнюю статью [Перехвальская 2006], где подробно рассматривается практика использования такого рода определений частей речи). Странное впечатление производит употребление терминов «субъект» и «объект» в самых разных и не всегда ясных значениях, что иногда приводит к тому, что формулировки морфосintаксических правил оказываются попросту непонятными (ср. ниже).

В-четвертых, существенным, хотя и сугубо техническим недостатком является отсутствие ударений в собственных именах, в частности, в названиях языков и диалектов, топонимах, именах просветителей, писателей и языковедов и т.п. Такого рода информация была бы очень полезна «широкому кругу адресатов», для которого предназначается данное издание.

В-пятых, следует отметить, что авторы не всегда выбирают удачные примеры для иллюстрации тех или иных положений. Так, в статье «Славянские языки» не следовало бы иллюстрировать переход кратких *i, *i в редуцированные ъ, ъ (с. 15) примерами, где соответствующие фонемы принадлежат флексиям, подчиненным, как известно, особым фонетическим правилам. Вызывает большие сомнения словосочетание со значением ‘памятник погибшим героям’ в качестве примера на посессивное значение дательного падежа («Сербохорватский язык», с. 157). Весьма странно иллюстрировать глаголами ‘интересоваться’, ‘приготовиться’, ‘встретиться’ значение «полного охвата субъекта действием» («Чешский язык», с. 251). В единственном примере употребления силезского окончания 1-го лица единственного

числа -ch («Польский язык», с. 381) почему-то представлено окончание -k (если это, конечно, не опечатка). В статье «Украинский язык» употребление винительного падежа при «переходных словах категории состояния» (с. 524) проиллюстрировано предложением видно село, где словоформа село может с тем же успехом стоять и в именительном падеже.

Наконец, приходится отметить ряд существенных пробелов в библиографии, в основном (по уже ставшему недоброю традицией отечественного языкоznания обыкновению) касающиеся зарубежной литературы. Так, крайне удивляет отсутствие в библиографии к статье «Славянские языки» такого фундаментального и во многом эталонного издания, как трехтомник [de Bray 1980/1951]; не было бы лишним упомянуть там и ряд таких важных работ, как, например, сборники [Brecht, Levine 1986; Franks, King 2000], монографии [Garde 1976; Franks 1995; Fici Giusti 2001]. Иначе, чем как неприятный курьез, нельзя трактовать то, что в обширнейшей библиографии к статье «Русский язык» есть лишь одно (sic!) название книги, вышедшей не на русском языке, – и это книга С. Карцевского, изданная в 1927 г.! В библиографии к этой статье – учитывая ее подробность – должны были, по мосему убеждению, найти место по крайней мере такие работы, как [Forsyth 1970; Veyrenc 1970; 1973; 1979; 1980; Chvany 1975; Comrie, Stone 1978; Paillard 1979; 1984; Babby 1980; Garde 1980; Is-satschenko 1980–1984; Flier, Brecht 1981; Nichols 1981; Guiraud-Weber 1984; 2004; Yokoama 1986; Wade 1992; King 1995; Comrie et al. 1996] и многие другие.

Отмечу также ряд недочетов в конкретных статьях. Как кажется, во вводной статье «Славянские языки» следовало бы уделить больше внимания типологическим расхождениям между славянскими языками; в ней наблюдается явный «перекос» в сторону исторической грамматики. В той же статье в разделе о редуцированных (с. 24) сказано, что распределение сильной и слабой позиций зависело, в частности, от ударения, что неточно – позиция неконечного редуцированного определялась в первую очередь гласной фонемой следующего слога, а со слабых редуцированных ударение обычно переходило на соседний слог; собственно же ударение могло влиять на судьбу редуцированного далеко не во всех случаях и не во всех славянских языках.

Ряд формулировок в статье «Старославянский и церковнославянский язык» диахронически некорректны; так, нельзя говорить о том, что в старославянском языке имелся возвратный «постфикс» и «завершалась грамматикализация вида». Удивляет также отсутствие в

этой статье какого-либо упоминания про местоименные энклитики.

Трактовка так называемых «форм пересказа» в статье «Болгарский язык» (с. 82) как входящих в систему категории наклонения не представляется удачной; более точная формулировка имеется в статье «Македонский язык», где противопоставляются два типа модальности (с. 118): «модальность, основанная на признаках отношения действия к реальности», и «модальность, основанная на противопоставлении по признаку достоверности/недостоверности действия с точки зрения говорящего» (последняя формулировка также не вполне адекватна, поскольку категория эвиденциальности, представленная в болгарском и македонском языках «формами пересказа», связана не с достоверностью информации как таковой, а с ее источником; ср. [Молошная 2001: гл. 3]).

Некорректна трактовка в качестве фонетического соответствия между сербским и хорватским вариантами сербохорватского языка противопоставления сербского *plata* и хорватского *plaća* ‘зарплата’: фонема *ć* в данном случае могла появиться лишь в результате йотового преобразования, что означает, что сербское и хорватское слова являются не фонетическими, а морфологическими вариантами. Приведенные здесь же в разделе, посвященном суффиксальному словообразованию, уменьшительные имена *Grga*, *Mate* и т.п. (с. 185) образованы без суффиксации. В подробном описании синтаксиса энклитик (с. 188–189) не отмечено то нетривиальное обстоятельство, что в этом языке конкурируют две стратегии выбора «второй позиции» в предложении: после первого слова и после первой составляющей (ср. примеры из монографии [Anderson 2005: 110]: *Moja će mladaja sestra doci i utorak* vs. *Moja mladaja sestra će doci i utorak* ‘Моя младшая сестра приедет во вторник’).

В статье «Чешский язык» отнесение композитов *provazochodec* ‘канатоходец’ и *horolezec* ‘альпинист’ к двум разным словообразовательным типам (соответственно, «словосложение» и «словосложение с суффиксацией», с. 267) не представляется обоснованным: структура обоих слов абсолютно тождественна (и сходна, в частности, с английскими композитами типа *truck-driver*, см., например [Carstairs-McCarthy 1992: 109–119]). Употребление здесь же термина «огласовка» по отношению к консонантному составу словоформ представляется в высшей степени неожиданным.

Описание в статье «Словацкий язык» зависимости порядка слов от актуального членения (с. 303) в следующих терминах: «В первой части предложения ставятся менее значимые

слова, во второй – те, на которые падает логическое ударение», – не кажется ни корректной, ни допустимой в современном издании. Абзац, в котором сопоставляется реализация фонемы /ä/ в среднесловацких диалектах и в литературном языке (с. 306), построен так, как будто он посвящен рефлексам праславянского *r. В статье «Серболужицкий язык» представляется неуместной ссылка на «контенсивную типологию» при отнесении этого языка к номинативному типу (с. 344).

В статье «Польский язык» трактовка местоимений множественного числа как «инклюзивных» (с. 362) представляется не только излишней, но и некорректной: в языках с отсутствием противопоставления местоимений по инклюзивности ~ эксклюзивности местоимения могут выражать оба значения в зависимости от контекста (ср. русское *Мы завтра идем в кино?* vs. *Мы завтра идем в кино, а тебя не возьмем*).

Употребленный в статье «Кашубский язык» термин «семантический способ» словообразования (с. 400) не понятен и не проиллюстрирован примерами. В статье «Полабский язык», как кажется, без достаточных оснований выделен особый тип чередований группы согласных с одиночным согласным (с. 408): в словоформах *lüt'it* ~ *lüxt'åm* ‘локоть’, *nüd'it* ~ *nükte* ‘ноготь’ имеется чередование *d'*, *t'* ~ *x* перед *i*, закономерно возникающее при выпадении беглого гласного.

В статье «Древнерусский язык» дается устаревшая трактовка развития восточнославянских языков от «относительного диалектного единства» в раннедревнерусский период в сторону «углубления диалектных различий» в позднедревнерусскую эпоху (с. 420); подобные представления ныне признаны по меньшей мере слишком упрощенными (см., например, монографию самого автора данной статьи [Хабургаев 1980]). «Повторение отрицания при субъекте или объекте в отрицательной конструкции», охарактеризованное как «специфическая особенность» древнерусского языка (с. 429), очевидно, характерно вообще для всех славянских языков, в том числе и древних. Не вполне корректным представляется и утверждение о том, что «префиксация характеризовала почти исключительно глагольное словообразование» (с. 433): то, что глагольная префиксация была (и остается) более разнообразной и продуктивной, нежели именная, не отменяет того факта, что в древнерусском языке существовал целый ряд продуктивных именных моделей префиксации.

Более всего замечаний можно предъявить к статье «Русский язык», содержащей множество мелких неточностей и не вполне коррект-

ных формулировок. Остановлюсь лишь на наиболее серьезных, с моей точки зрения, недочетах. В статье безо всяких оговорок принята устаревшая и неадекватная трактовка русской падежной системы как содержащей шесть падежей; второй предложный и второй родительный падежи, существование которых было обосновано еще полвека назад П.С. Кузнецовым [Кузнецов 1953], Р.О. Якобсоном [Якобсон 1985/1958] и А.А. Зализняком [Зализняк 1967/2002], упоминаются лишь вскользь (с. 479) в качестве особых форм флексии. Кроме того, в статье полностью игнорируются новые звательные формы типа *Наташи*, также отмечаемые в классических работах по русистике (см. [Шахматов 1957/1911; Дурново 1924]). В списке частных видовых значений (с. 471) нет общефактического значения, во многом составляющего типологическое своеобразие русской видовой системы. Авторы статьи, как кажется, склонны к излишнему теоретизированию; рассуждения о характере сильных и слабых позиций фонем (с. 453), о классификации морфем (с. 496), о функциональной классификации аффиксов (с. 499) представляются излишними, особенно в свете, по-моему, непропорционального объема данной статьи. Утверждения о том, что «для русского языка характерна мена субъектных и объектных значений, обусловленная только изменением порядка слов в активной конструкции» (с. 503), и о том, что мена порядка слов «недопустима по отношению к содержательно нерасчленимым синтаксическим блокам», попросту бессмысленны без точного определения понятий «субъект», «объект» и «содержательно нерасчленимый синтаксический блок».

В статье «Украинский язык» в разделе, посвященном фонетике, непоследовательно дается транскрипция словоформ (с. 514), а фонетические обозначения типа [e^u] или [i^e] (с. 519) требуют хотя бы минимальных пояснений. Перевод фразы *місто заполонило село* (с. 538), по всей видимости, содержит опечатку: вместо ‘город заполонило село’ должно быть ‘город заполонил село’.

В статье «Белорусский язык» не вполне корректно описана редукция гласных в безударных слогах и ее отражение в орфографии (с. 549, 552). Нельзя, как кажется, приводить в качестве примеров проявления аналитизма (с. 560) «неоднословные языковые номинации» типа *сосновы лес* ‘сосновый лес’ и фразеологизмы типа *рады няма* ‘сил нет’.

Языковые карты, прилагаемые к сборнику, выполнены на самом высоком уровне. Определенные сомнения вызывает лишь присутствующее на некоторых из них отождествление

языковых и государственных границ (так, по сугубо априорным соображениям сомнительно, чтобы словенский язык вообще отсутствовал на территории Хорватии, а сербохорватский – на территории Словении, или чтобы граница между чешским и словацким языками проходила в точности по границе этих двух стран). Впрочем, по всей видимости, это является недостатком не столько картографии, сколько диалектологической классификации, членящей славянский диалектный континуум подчас весьма произвольным образом.

В сборнике имеется ряд опечаток как в русском тексте, так и в языковых примерах.

Несмотря на то, что разного рода мелкие недочеты в отдельных статьях сборника весьма многочисленны, это не умаляет его ценности как справочного издания, содержащего всю основную информацию о славянских языках и способного – при надлежащей осмотрительности пользователя – служить первичным источником сведений о них. Остается лишь надеяться, что следующие выпуски серии «Языки мира» выйдут в обозримом будущем и что их качество будет по меньшей мере не уступать весьма высокому стандарту, заданному рецензируемым томом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайан 1952/1948 – *A. Vailant. Руководство по старославянскому языку*. М., 1952 (*A. Vailant. Manuel du vieux-slave*. Paris, 1948).
- Дурново 1924 – *Н.Н. Дурново. Очерк истории русского языка*. М.; Л., 1924.
- Зализняк 1967/2002 – *А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение*. М., 1967 (2-е изд. М., 2002).
- Кондрашов 1986 – *Н.А. Кондрашов. Славянские языки*. М., 1986.
- Кузнецов 1953 – *П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология*. М., 1953.
- Мейе 2000/1934 – *A. Meillet. Общеславянский язык*. М., 2000 (*A. Meillet. Le Slave Commun. 2-me éd. Paris, 1934*).
- Молошная 2001 – *Т.Н. Молошная. Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках*. М., 2001.
- Перехвальская 2006 – *Е.В. Перехвальская. Части речи в русских пиджинах* // ВЯ. 2006. № 4.
- Хабургаев 1980 – *Г.А. Хабургаев. Становление русского языка*. М., 1980.
- Шахматов 1957/1911 – *А.А. Шахматов. Историческая морфология русского языка*. М., 1957 (1-е изд. 1911).
- Якобсон 1985/1958 – *Р.О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением*.

- нением // Р.О. Якобсон. Избранные труды по языкоznанию. М., 1985 (Доклад на IV Международном съезде славистов, Москва, 1958).
- Anderson 2005 – S.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005.
- Babby 1980 – L.H. Babby. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, 1980.
- Brecht, Levine 1986 – R.D. Brecht, J.S. Levine (eds.). Case in Slavic. Columbus, 1986.
- Carstairs-McCarthy 1992 – A. Carstairs-McCarthy. Current morphology. London, 1992.
- Chvany 1975 – C.V. Chvany. On the syntax of be-sentences in Russian. Columbus, 1975.
- Chvany 1996/1982 – C.V. Chvany. Hierarchies in the Russian case system: For N-A-G-L-D-I, against N-G-D-A-I-L // O.T. Yokoyama, E. Klenin (eds.). Selected sssays of Catherine V. Chvany. Columbus, 1996. (Orig. publ. 1982).
- Comrie, Corbett (eds.) 1993 – B. Comrie, G.G. Corbett (eds.). The Slavonic languages. London; New York, 1993.
- Comrie, Stone 1978 – B. Comrie, G. Stone. The Russian language since the revolution. Oxford, 1978.
- Comrie et al. 1996 – B. Comrie, G. Stone, M. Polinsky. The Russian language in the twentieth century. Oxford, 1996.
- de Bray 1980/1951 – R.G.A. de Bray. Guide to the Slavonic languages. V. I–III. 3rd ed. Columbus, 1980 (1st ed. 1951).
- Fici Giusti 2001 – F. Fici Giusti. Le lingue slave moderne. Padova, 2001.
- Flier, Brecht 1981 – M.S. Flier, R.D. Brecht (eds.). Russian morphosyntax. Columbus, 1981.
- Forsyth 1970 – J. Forsyth. A grammar of aspect: Usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.
- Franks 1995 – S. Franks. Parameters of Slavic morphosyntax. Oxford, 1995.
- Franks, King 2000 – S. Franks, T.H. King (eds.). A handbook of Slavic clitics. Oxford, 2000.
- Garde 1976 – P. Garde. Histoire de l'accentuation slave. T. 1–2. Paris, 1976.
- Garde 1980 – P. Garde. Grammaire russe. Paris, 1980.
- Guiraud-Weber 1984 – M. Guiraud-Weber. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Guiraud-Weber 2004 – M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.
- Issatschenko 1980–1984 – A.V. Issatschenko. Geschichte der russischen Sprache. Bd. I–II. Heidelberg, 1980–1984.
- King 1995 – T.H. King. Configuring topic and focus in Russian. Stanford, 1995.
- Nichols 1981 – J. Nichols. Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian. Berkeley, 1981.
- Paillard 1979 – D. Paillard. Voix et aspect en russe contemporain. Saint-Sulpice-de-Favières; Paris, 1979.
- Paillard 1984 – D. Paillard. Énonciation et détermination en russe contemporain. Paris, 1984.
- Plank 1991 – F. Plank. Rasmus Rask's dilemma // F. Plank (ed.). Paradigms: The economy of inflection. Berlin; New York, 1991.
- Sussex, Cubberley 2006 – R. Sussex, P. Cubberley. The Slavic languages. Cambridge, 2006.
- Veyrenc 1970 – C.J. Veyrenc. Histoire de la langue russe. Paris, 1970.
- Veyrenc 1973 – C.J. Veyrenc. Grammaire du russe. 2e éd. Paris, 1973.
- Veyrenc 1979 – C.J. Veyrenc. Les propositions infinitives en russe. Paris, 1979.
- Veyrenc 1980 – C.J. Veyrenc. Etudes sur le verbe russe. Paris, 1980.
- Wade 1992 – T. Wade. A comprehensive Russian grammar. Oxford, 1992.
- Yokoyama 1986 – O.T. Yokoyama. Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia, 1986 (Русск. пер. О.Т. Йокояма. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005).

П.М. Аркадьев

А.А. Кретов. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. 390 с. (Библиотека лингвистической прогностики. Т. 1).

Вопрос о степени научности гуманитарных дисциплин чаще всего сводится к рассуждениям об эффективном использовании в них количественных методов (для лингвистики такое использование, как принято считать, плодотворно). Но еще более убедительным в этом отношении считается «сертификат» на прогнозирование, на наличие прогностических возможностей и методик. В арсенале современной цивилизации существует метеорологическая, экономическая, политическая, военная,

социальная, демографическая, медицинская, техническая, экологическая прогностика, а лингвистической прогностики пока нет. Очевидно также, что экология языка и культуры, целесообразность которой никто не отрицает, в принципе ориентируется на устойчивые точки перспективы, заранее определенные и социально одобренные.

С полным основанием автор концепции и посвященной ей монографии А.А. Кретов начинает свое сочинение с тезиса о том, что на-

личие прогностики – как теории, так и практики прогнозирования – в составе той или иной науки является свидетельством ее теоретической завершенности (с. 8). Лингвистическая прогностика предстает как внешне и внутренне необходимая, но пока отсутствующая часть общей лингвистики. Предназначение ее – на основании специальных лингвистических исследований прогнозировать будущие состояния лексико-семантических подсистем языка. Прогностика опирается на знание истории объекта, законов его развития. А.А. Кретов ссылается на опыт Ф. де Сосюра, который с помощью методики внутренней реконструкции обнаружил в индоевропейском прайзыке особый класс фонем (позднее названных ларингалами). Вспоминает он и аналогичный опыт Д.И. Менделеева, предложившего классификацию, с помощью которой теоретически обнаруживаются новые элементы и описываются их свойства, а также опыт Н.И. Вавилова, с помощью теории гомологических рядов предсказавшего существование еще не известных науке разновидностей растений, многие из которых затем были найдены (с. 44). Однако подобных примеров в истории науки не так уж и много.

В зависимости от соотношения времени объекта и времени познания Кретов предлагает различать ф у т у р о г н о с т и к у (экстраполяцию тенденций развития), направленную на познание будущего состояния объекта; о н т о г н о с т и к у, направленную на познание современного состояния объекта, и р е т р о г н о с т и к у («анализ пережитков», реконструкцию), направленную на познание прошлых состояний объекта. Из этих трех «гностик» более всего повезло ретрогностике: языкознание XIX века и лингвистика XX столетия могут предъявить весьма впечатляющий список открытых, касающихся раннего состояния языков.

А.А. Кретов свое внимание направляет на две другие «гностики». Целью его исследования стала разработка на конкретном материале теоретических оснований, методов и приемов лексико-семантической онтогностики и футурогностики (с. 9). К первоочередным задачам исследователь относит: 1) выбор подхода к анализу лингвистического материала; 2) решение проблемы существования лингвистических единиц; 3) демонстрацию на конкретном языковом материале возможностей лексико-семантической онтогностики; 4) отработку на конкретном речевом материале технологической цепочки лексико-семантической футурогностики (Там же).

Решение первых двух задач предопределило необходимость главы «Теоретические пробле-

мы лексико-семантической прогностики», решение третьей задачи – главы «Основы лексико-семантической онтогностики», решению четвертой задачи посвящена глава «Проблемы лексико-семантической футурогностики».

Формулирование основ лингвистической прогностики начинается с констатации того, что применительно к лексике плохо известно, что в ней произошло, еще хуже – когда произошло, и совсем плохо – почему произошло то или иное событие в лексико-семантической системе (с. 105). Автор ощущает сложность в достижении поставленной цели. Лексика самый подвижный, мало предсказуемый, условно системный уровень языка. Применительно к лексической семантике исследовательские трудности возрастают многократно. Семантику невозможно оторвать от всего, что составляет общекультурную сферу нашего опыта. Семантика одновременно и часть психологии понимания и интерпретации, и часть этнографии культуры. Семантика предполагает постоянный выход за пределы языка, где господствуют иные законы. Это тот самый виртуальный дрейф (в терминологии Э. Сепира), который обеспечивается усилиями каждого в отдельности носителя языка. «Жизнь языка открыта всем, каждый говорит, участвует в движении языка, и каждое сказанное слово оставляет на нем свежую борозду» [Мандельштам 1987: 179]. Ретроспективный семантический анализ реконструируемой прайзыковой лексики предполагает выход из системы языка в пространство внеязыковых понятий. В итоге реконструируется не столько сам язык, сколько внеязыковой мир, отраженный в реконструируемых языковых данных [Гамкрелидзе 2005: 15].

Внутреннее (лексико-семантическое) время языка несопоставимо с временем человека: язык обслуживает общение трех-четырех поколений и должен оставаться на протяжении 50–70 лет неизменным. Поэтому лингвист лишен возможности непосредственно наблюдать и исследовать изменения языка. Ему остается только воспользоваться сформулированным еще А.И. Бодуэном де Куртенэ хронологическим принципом анализа существующих фактов языка, позволяющим в современном состоянии языка выделять слои, свидетельствующие о прежних состояниях языка; слой, характеризующий современное состояние его системы, и слой, намечающий будущее состояние языковой системы.

Автору концепции лексико-семантической прогностики известен устойчивый научный скепсис относительно прогнозов в семантике. Показательны приводимые им цитаты (с. 107): «История конкретного слова может управ-

ляться множеством непредсказуемых обстоятельств» (К.С. Горбачевич); «Прогнозировать развитие лексики пока не удается» (Ю.В. Рождественский).

А.А. Кретов понимает, что прогноз возможен только в пределах системной иерархии от морфемы через текст, культуру, цивилизацию, а это означает, что лингвопрогностические исследования в перспективе выходят за пределы собственно лингвистики. Это в перспективе. Но чтобы подойти к системным исследованием высокого уровня обобщения, надо решить множество собственно лингвистических проблем, а потому автор на данном этапе разработки решил ограничить себя рамками собственно лингвистической проблематики (с. 107–108). Кретов предполагает различение семиотического и функционального подходов к языку. «Семиотический подход позволяет теоретически обнаруживать содержащиеся в системе языка лингвистические единицы во всей полноте их языковой формы и языкового значения <...>. Функциональный же подход позволяет прослеживать динамику функционирования лингвистических единиц и на этом основании делать выводы о будущих изменениях языковой системы» (с. 20). Учет двух подходов – семиотического и функционального – позволяет выявить внутреннюю противоречивость языка и создает предпосылки для постановки и решения проблемы существования лингвистических единиц. Для онтогности, по мнению автора книги, ведущим является семиотический подход, а для футурогности – подход функциональный.

Любой прогноз необходимым образом связан с проблемой существования прогнозируемого явления. Не случайно первая глава книги посвящена обсуждению двух вопросов – категории существования в лингвистической прогностике и проблемы существования лексико-семантических единиц. Критерием лингвистического существования языковой единицы Кретов считает не представленность ее в речи, а выводимость ее из системы данного языка, соответствие ее этой системе, «предсуществование в сокровищнице языка» (П.А. Флоренский) (с. 17). Весьма полезны и интересны рассуждения автора по поводу матрицы лингвистического существования лингвистических единиц – узуальных окказиональных, потенциальных и иррациональных (с. 21–25).

Создание лингвистической прогностики в области лексико-семантических изменений дает мощный импульс для описания лексико-семантической системы языка на новом уровне обобщения. Сам автор достоинство лексико-семантической прогностики видит в том, что она открывает исследовательскую перспекти-

ву синхронной и диахронической лексикологии, объединяя последние единой целью и внутренне необходимой связью, способствуя решению многих вопросов современной и исторической лексикологии (с. 106). Можно согласиться с Кретовым в том, что лексико-семантическая прогностика позволяет ставить вопрос о внешних причинах изменений в функционировании лексико-семантической системы, что делает поиск механизма взаимодействия языка как системы и общества как надсистемы целенаправленным и эффективным (с. 205).

И основной текст сочинения, и попутные замечания автора содержат сетования по поводу технических сложностей в реализации прогностических проектов. «Отбор и обработка текстов представляет собой один из наиболее трудоемких этапов прогностического исследования, с которым связано немало теоретических вопросов, самым непосредственным образом способных повлиять на результаты исследования» (с. 106).

По мнению Кретова, сложность осуществления идеальной программы состоит в том, что список единиц, функции которых подлежат всестороннему изучению, исследователь получает лишь по завершении сбора материала и анализа источников. Это значит, что для сбора информации о функционировании интересующих его лексических единиц требуется заново обработать тот же корпус источников под новым углом зрения. Избежать повторения исследовательского цикла можно лишь формируя электронные корпуса текстов.

Однако кажется, что у лингвистической прогностики появился очень серьезный помощник в лице создаваемого Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Корпус, претендующий на статус третьего формата представления языка (после словарей и грамматики) (см. [Молдован, Плунгян 2005]) и подтверждающий речевое существование языковой единицы, сам в свою очередь нуждается в разработке таких технологий, которые подтверждают его эффективность. Неслучайно автор концепции лингвистической прогностики оказывается одним из разработчиков НКРЯ, см. [Кретов, Добровольский 2005]. В этом мы видим еще один аргумент в пользу практической ценности теоретических разысканий в области прогностики.

Хотя добрая половина фактического материала книги вынесена в приложения, значительная часть его включена в основной дискурс, и это, на наш взгляд, придает сочинению особую привлекательность. Книга одновременно является и теоретическим курсом, и практическим руководством, одинаково полез-

ным и въедливому оппоненту, который, пройдя маршрутами мысли автора, удостоверится в аргументированности предложенных рассуждений, и начинающему исследователю. Творческая «кухня» исследователя гостеприимно открыта. «Опыт лексико-семантической онтогностики...» (с. 44) – такие «технологические» заголовки в книге не исключение. Они ненавязчиво вовлекают читателя в русло эвристических размышлений, приглашают к исследовательскому «верстаку» для виртуального соучастия. На страницах книги мы найдем тщательно выверенное описание футурогностического эксперимента (с. 105), соотнесем свой опыт отбора и обработки источников с соответствующими принципами автора (с. 113), получим рекомендации по заполнению клеток прогностических таблиц.

Разрабатываемая Кретовым концепция лексико-семантической прогностики соприкасается с теорией и практикой лексикографии в различных точках. Во-первых, словарные материалы – одна из важнейших составляющих эмпирической базы исследования. Примером может служить лексикографическая история глагола *впиться* (с. 76), итогом которой служит вывод автора книги: «...Выделенное нами в 1980 году значение глагола *впиться* ‘смотреть, виваясь глазами в кого-, что-л.’ в 1991 году не только обрело лексикографическое существование, но и оказалось подтверждено примерами из произведений, написанных задолго до 1980 года» (с. 76).

Во-вторых, исследовательский инструментарий прогностики позволяет видеть то, что оказалось вне поля внимания лексикографов, и оставляет возможность конструктивной критики тех или иных словарных решений. Автор книги удивлен, что лексикографы не выделяют лексико-семантическую единицу *щурить глаза на кого-, что-л.*, не замечают семантической разницы в примерах с этим управлением и без него (с. 49). Автор концепции лингвистической прогностики предлагает лексикографам воспользоваться его материалами и дефинициями для ликвидации отмеченных им словарных лакун (с. 72).

В-третьих, разработчикам проектов словарей, равно как и тем, кто опирается на словари как базу исследования, стоит учитывать вывод Кретова о том, что «показания словарей русского языка XVIII–XX вв. в плане внешней хронологии <...> оказываются достоверными и показательными лишь при условии, что лингвистические и лексикографические процессы идут параллельно, т.е. когда речь идет о лексикографической фиксации сравнительно молодых лингвистических явлений» (с. 101).

А.А. Кретов стилистически изящно сочетает точность аргументирующей фактуры с образностью постановки задачи и формулировки выводов. Полемизируя с теми, кто скептически относится к попыткам создать лексико-семантическую прогностику и сравнивает эти попытки с возведением крыши здания, у которого нет не только стен, но и фундамента, автор использует метафору, довольно метко отражающую реальную ситуацию в пользу лексико-семантической прогностики: «В ситуации, когда нет единства мнений ни относительно архитектоники здания, ни относительно его размеров, когда нет единого фундамента, а стены возводятся так далеко друг от друга и на такую разную высоту, что они скорее годятся для разных зданий, чем для единого, четкое представление о том, какой должна быть крыша здания, позволит решить и вопрос о стенах, и вопрос о фундаменте» (с. 105–106).

В монографии описывается научный поиск автора концепции, осуществляемый им с 1980 г. За 25 лет были подготовлены и защищены четыре кандидатские диссертации, проведены три научные конференции, вышли в свет выпуски специализированного сборника научных трудов «Проблемы прогностики» (с. 6). Однако, как нам показалось, творческие результаты новых кандидатов наук, участников конференций и авторов сборников в тексте итоговой монографии не отражены. Интересно было бы знать, насколько подтвердились гипотезы и выводы Кретова в исследованиях учеников, опирающихся на иной языковой материал, какие новые наблюдения и идеи привели вперед теорию и практику лингвистической прогностики.

На полке современной лингвистической литературы не так много книг, которыми начинаются новые направления научного поиска, формируются и формулируются основы новых научных дисциплин. Монография А.А. Кретова относится к числу таких книг. Пожелаем заявленной серии «Библиотека лингвистической прогностики», начатой столь результативно, счастливого продолжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамкрелидзе 2005 – Т.В. Гамкрелидзе. Новая парадигма в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании: к реконструкции индоевропейского прайзыка и индоевропейской прото-культуры // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005.
Кретов, Добровольский 2005 – А.А. Кретов, Д.О. Добровольский. Подкорпус парал-

лельных текстов в Национальном корпусе русского языка: проблемы, решения, использование // Современные информационные технологии и филология. М., 2005.

Мандельштам 1987 – О. Мандельштам. Слово и культура. М., 1987.

Молдован, Плунгян 2005 – А.М. Молдован, В.А. Плунгян. Национальный корпус русского языка // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005.

А.Т. Хроленко

M. Napoli. *Aspect and actionality in Homeric Greek: A contrastive analysis*. Milano: Franco Angeli, 2006. 256 p.

Семантика видо-временных категорий и акциональность – крайне насущный вопрос для греческого языка, причем на всех известных нам этапах его истории. Так, для новогреческого, наверное, основная трудность заключается в том, что ситуация в стандартном языке (диалекте Афин) сильно отличается от той, которая засвидетельствована в локальных диалектах: во многих из них отсутствует перфект, который появляется в речи носителей диалектов, по-видимому, исключительно под влиянием средств массовой информации. Можно даже предположить, что отсутствие перфекта в диалектах является основной причиной отсутствия грамматикализованной эвиденциальности в новогреческом языке. Но если видовременные значения и акциональность в стандартном новогреческом можно считать хоть как-то описанными [Joseph, Smirniotopoulos 1993; Mozer 1994; Hedin 1995], то диалекты в этом отношении до сих пор совершенно не изучены.

Не лучше обстоит дело и в среднегреческом (позднем койне и раннем новогреческом), где первые черты реальной языковой ситуации проявляются лишь в текстах XII в., и то только в тех, которые относятся к поэтической традиции (по большей части устной), язык которой представляет собой особое поэтическое койне [Eideneier 1991: 7; 2001: 47; 2005: 14]. Строго говоря, и здесь ситуацию можно считать практически неописанной, а существующие работы, типа [Mozer 1988], несмотря на их несомненные достоинства, – это лишь первый шаг к описанию видовременной системы в среднегреческом.

В отличие от новогреческого и среднегреческого, список работ, посвященных видовременной семантике в древнегреческом, впечатляет – правда, не столько количеством исследований, сколько именами исследователей. И хотя многие из этих исследований не утратили своей актуальности до сих пор, особенно [Chantraine 1938; Ruiperez 1954; Rugh 1985; 1991], они скорее предлагают направление исследования, нежели полностью решают проблему. Поэтому новые исследования по акциональности и видовременным отношениям в древнегреческом всегда вызывают сильный

интерес, причем не только у типологов и специалистов по истории греческого языка, но и у филологов, поскольку их результаты могут влиять на интерпретацию текстов.

Акциональности и видовременным значениям в гомеровском диалекте древнегреческого языка посвящена и рецензируемая монография Марии Наполи, представляющая собой переработанный вариант ее докторской диссертации [Napoli 2003]. Заглавие монографии значительно шире, чем проблема, поставленная в исследовании (см., например, с. 13): дихотомия презенса и аориста (т.е. семантическая обусловленность выбора основы презенса или аориста) с учетом акциональных свойств предиката. Известно, что в древнегреческом языке рассматриваемая здесь оппозиция включает три элемента: презенс, аорист и перфект, причем каждая из трех бинарных оппозиций – презенс ~ аорист, презенс ~ перфект, аорист ~ перфект – представляет собой существенную проблему. Поэтому вполне оправдано, что М. Наполи решила ограничиться рассмотрением лишь одной из этих трех оппозиций. В то же время, подобное ограничение проблемы неизбежно предполагает продолжение исследования на базе полученных результатов или, по крайней мере, обрисовку возможных направлений этого продолжения.

Монография состоит из шести глав, трех приложений, указателя использованных примеров¹ и обширной библиографии. Логически работа делится на две части – первую, теоретического характера (гл. 1–2), и вторую, посвященную уже собственно рассмотрению гомеровского материала (гл. 3–6).

В теоретической части, прежде всего, формулируется метод исследования, который ориентирован на известную классификацию З. Вендлера [Vendler 1957] с учетом современных концепций акциональности (с. 20–21). Для того, чтобы приспособить четыре класса Вендлера к своему материалу, автор вынужден решить две проблемы:

¹ Ок. 190 примеров из Илиады и 175 – из Одиссеи.

1. Определение вида и акциональности, а также приложение понятий вида и акциональности к противопоставлению презенс ~ аорист.

С этой задачей М. Наполи, несомненно, справилась. Основная часть второй главы монографии (с. 24–70), в сущности, является кратким, но удачным описанием того, как акциональность и вид понимаются в новейших исследованиях по общему языкознанию и типологии, где автор не ограничивается тем, что формулирует свое понимание вида и акциональности, но и обращается к вопросу о том, как выражался вид в праиндоевропейском языке (с. 45–56). Важно отметить, что, хотя М. Наполи интересуют презенс и аорист, рассматривая праиндоевропейскую ситуацию, она уделяет немного места и перфекту (с. 51–52). Естественно, такой краткий очерк (всего 11 страниц) не может обеспечить сколько-нибудь полноценного описания видовых отношений в праиндоевропейском языке, однако он в совокупности с типологическим и общелингвистическим рассмотрением вопроса о природе акциональности позволяет автору сделать вывод, с одной стороны, достаточно тривиальный, но, с другой, – очень важный для дальнейшего исследования: противопоставление «презенс ~ аорист» носит, скорее, видовой характер, и, с определенными оговорками, равнозначно противопоставлению «несовершенный ~ совершенный вид» (с. 65–67).

2. Применение акциональной классификации к мертвому языку, что осложняется отсутствием информантов, с помощью которых можно было бы протестировать глаголы на предмет принадлежности к определенному акциональному классу.

По мнению М. Наполи, преодолеть данную трудность можно, во-первых, более критически подходя к полученным результатам и, во-вторых, как можно более точно сформулировав критерии классификации, которые бы учитывали как семантические, так и синтаксические параметры (с. 20). Тогда анализ будет проводиться по следующей схеме: сначала с помощью специального теста² глаголы будут разделены на четыре акциональных класса, а потом, уже в рамках каждого из классов, будет рассмотрено противопоставление презенс ~ аорист.

Подобный способ, в целом, следует признать успешным, однако, наравне с ним, можно было бы ожидать использование наработок

сравнительно-исторического языкознания, направленных на приспособление современных методов лингвистического описания и типологического сопоставления к языковым ситуациям, находящимся не в синхронии. Подобные наработки подробно описаны, например, в [Joseph, Janda 2003], а иллюстрацией их успешного использования может служить [Hristidis 2001].

Кратко остановлюсь на некоторых других недостатках первой, «теоретической», части. В первой вводной главе (с. 13–23) М. Наполи обосновывает актуальность своего исследования, в частности, отмечая, что в уже упоминавшихся работах Шантрена и Руйпереса критерии классификации материала не опираются на серьезную теоретическую базу, а, кроме того, сами классификации не подкрепляются достаточным анализом текста (с. 16–17). Оба эти суждения вызывают удивление. Они не являются общепринятыми ни среди индоевропейцев, ни среди специалистов по истории греческого языка, а М. Наполи не приводит каких-либо фактов, позволивших бы с ней согласиться; более того, далее автор сама отталкивается от идей и определений, предложенных Руйпересом (с. 58 и сл.). Можно лишь признать, что Шантрен и Руйперес не могли учсть критерии, связанных с акциональностью, споры о которой возникли намного позже, в связи с чем появилось большинство основополагающих исследований по глагольной морфологии в древнегреческом, как это справедливо отмечает и сам автор (с. 17).

Рассуждая об использованном материале, М. Наполи оговаривает, что не учитывает (за некоторыми исключениями) примеры с медиальным залогом, обосновывая это тремя факторами (с. 17–19):

1. неочевидность происхождения медиальных окончаний;
2. полисемия медиальных форм, а также маркированность медиальных форм в рамках оппозиции с формами актива и пассива;
3. значение медиальных форм в презенсе и аористе часто может различаться, поэтому их не всегда возможно сопоставить друг с другом.

Действительно, формы медиального залога могут представлять определенные проблемы для исследователя именно по двум последним причинам (вопрос о происхождении окончаний представляется тут не таким существенным), однако можно предположить, по меньшей мере, два очевидных способа преодоления данной трудности: во-первых, учитывать контекст употребления конкретных форм, а, во-вторых,

² Образцы подобного классификационного теста приводятся на с. 70–84 рецензируемой книги.

привлекать многочисленные комментарии и схолии к гомеровским текстам.

К незначительным недочетам можно отнести неточности в переводе русского примера я напишу письмо как 'I write a letter' (с. 26). Этот пример взят из [Dahl 1985: 80], однако в отличие от Даля, М. Наполи не добавляет к нему необходимого комментария.

Во второй условно мной выделенной части монографии примеры из гомеровских поэм распределяются по четырем классам Вендлера. В гл. 3–4 рассматриваются принципы распределения по классам, релевантные для гомеровских текстов³. В гл. 5 анализируются три особых случая: (а) глаголы движения со значением 'идти, приходить'; (б) глаголы речевой деятельности и (в) глаголы, у которых возможны как переходные, так и непереходные формы аориста⁴.

Особенно интересна последняя, шестая глава. В ней проводится типологическое сопоставление результатов, полученных в предыдущих главах монографии, с данными ряда живых языков, в первую очередь – славянских, в частности, болгарского и русского. Это позволяет М. Наполи сделать вывод о близости, если не идентичности (*sic!*) гомеровского греческого и славянских языков в плане акциональности и видовых отношений (см., например, с. 215).

Монография М. Наполи – это добротное типологическое исследование, автор которого демонстрирует несомненное знакомство с большинством современных работ по рассматриваемому ей вопросу. Библиография включает более 400 статей и монографий на пяти языках (английском, итальянском, французском, немецком и испанском). Мне как русскоязычному читателю было приятно найти здесь работы Вяч. Вс. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе, Ю. С. Маслова, В. П. Недялкова и С. Е. Яхонгова, Е. В. Падучевой, Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева (последняя даже по-русски) и др. Недоумение, правда, вызывает отсутствие в библиографии уже упоминавшихся работ Джозефа и Смирниотопулоса, Христидиса, Мозер и особенно [Jacquinod et al. 2000; Chantraine 1938]; последняя представляет собой опубликованные материалы семинара по категории вида у Платона.

Исследование М. Наполи представляет интерес как для специалистов по истории греческого языка (не только древнегреческого, но и средне- и новогреческого), так и для типоло-

гов, причем гл. 2 может служить своего рода справочником по имеющимся сегодня наработкам в области акциональности и вида. Правда, несмотря на очевидные достоинства монографии, читателя, хоть немного знакомого с классической филологией, не оставляет чувство, что автор не в полной мере использовала те богатейшие возможности, которые предоставляют исследователю такие тексты, как Илиада и Одиссея. Гомеровский диалект – это не просто один из древнегреческих диалектов и не просто язык гомеровского эпоса. Это язык древнегреческой поэтической традиции, который отразился не только в древнегреческих поэтических текстах и средне- и новогреческих народных песнях [Notopoulos 1952; Ptolemaios 1989; 1995; 1999], но и значительно повлиял на древнегреческую прозу. Поэтому типологическое сопоставление гомеровского диалекта с современными, в частности, славянскими языками – это практически то же самое, что и типологическое сопоставление видовременных отношений в языке поэзии Пушкина, например, с видовременными отношениями в бамана. Конечно, полученные выводы могут быть цennыми и интересными, однако непроизвольно напрашивается вопрос: почему видовременные отношения в языке поэзии Пушкина не были сначала поставлены в контекст развития русского литературного языка и истории русского языка. Аналогичный вопрос встает и в случае с гомеровским диалектом. Поэтому естественным было бы сравнение видовременных отношений у Гомера (причем обязательно с учетом перфектных основ и медиального залога), с одной стороны, с видовременными отношениями в более поздней древнегреческой поэзии и драме, а, с другой, – в прозе, в первую очередь с Геродотом и Платоном. Подобное исследование носило бы пограничный характер, объединяя методы типологии, сравнительно-исторического языкознания и собственно филологического исследования. Впрочем, такое исследование еще впереди, и монография М. Наполи могла бы стать для него хорошей базой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Chantraine 1938 – P. Chantraine. Remarques sur les rapports entre les modes et les aspects en grec // BSLP. 40. 1938.
- Dahl 1985 – O. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Eideneier 1 1991 – H. Eideneier. Byzantinische volkssprachliche Schriftkoine und mündliche Überlieferung // Mantatoforos 33. Afieroma stin kritiki logoteknia. 1991.

³ Списки расклассифицированных глаголов представлены в приложениях 1 и 2.

⁴ Список глаголов, относимых к особым случаям, представлен в приложении 3.

- Eideneier 2001 – *H. Eideneier*. Ti simainei «Proforiki paradosi» sta keimena tis dimodous grammateias? // *H. Eideneier, U. Moennig*, N. Toufezis (eds.). *Theoria kai praxi ton ekdoseon tis ysterobyzantinis anagennisiakis kai metabyzantinis dimodous grammateias. Praktika tou Diethnous Synedriou «Neograeca Medii Aevi IVa»*. Ambourgo 28–31.1.1999. Irakleio, 2001.
- Eideneier 2005 – *H. Eideneier*. Written transmission vs. oral performance // D. Holton, T. Lentaris, U. Moennig, P. Vejleskov (eds.). *Kodikografoi, syllektes, diaskeuastes kai ekdotes. Heirografoi kai ekdoseis tis opsimis byzantinis kai proimis neoellinikis logotechnias. Praktika Synedriou pou pragmatopoiithike sto Institiouto tis Danias stin Athina, 23–26 Maiou 2002, pros timin ton Hans Eideneier kai Arnold van Gemert*. Irakleio, 2005.
- Hedin 1995 – *E. Hedin*. The tense-aspect system of modern Greek // R. Thieroff (ed.). *Tense system in European languages*. Tübingen, 1995.
- Hristidis 2001 – *A.-F. Hristidis* (ed.). *Istoria tis Ellinikis glossas. Apo tis arxes eos tin ysteri arhaiotita*. Thessaloniki, 2001.
- Jacquinod et al. 2000 – *B. Jacquinod, J. Lallot, O. Mortier-Waldschmidt, G. Wakker*. Études sur l'aspect verbal chez Platon. Saint-Etienne, 2000.
- Joseph, Janda 2003 – *B.D. Joseph, R.D. Janda*. The handbook of historical linguistics. Oxford, 2003.
- Joseph, Smirniotopoulos 1993 – *B.D. Joseph, J.C. Smirniotopoulos*. The morphosyntax of the modern Greek verb as morphology and not syntax // *Linguistic Inquiry*. 1993. XXIV, 2.
- Mozer 1988 – *A. Mozer*. The history of perfect periphrases in Greek. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy of the University of Cambridge, 1988.
- Mozer 1994 – *A. Mozer*. Poion kai apopseis tou rimatos // «Parousia». Parartima Ar. 30. Athina, 1994.
- Napoli 2003 – *M. Napoli*. Tempo, Aspetto e Aktionsart nel Greco di Omero: funzioni del presente e dell'aoristo. Doctoral dissertation. Pisa, 2003.
- Notopoulos 1952 – *J.A. Notopoulos*. Homer and Cretan heroic poetry: a study in comparative oral poetry // *American journal of Philology*. LXXIII, 3. 1952.
- Promponas 1989 – *I.K. Promponas*. Ta omirika epi... kai neoelliniko dimotiko tragoudi. Tomos 2. Athina, 1989.
- Promponas 1995 – *I.K. Promponas*. I epibiosi proomirikon ekfraseon sto neoelliniko dimotiko tragoudi // *Praktika diethnous synedriou «Oi ethnikes glosses stin Europaiki Enosi. To paron kai to mellon tis Ellinikis»*. Athina, 1995.
- Promponas 1999 – *I.K. Promponas*. Koina thematika kai glossika stoicheia sto dimotiko tragoudi «To dokimi tis agapis» kai stin Odysseia // *Mandragoras* 22–23. 1999.
- Ruigh 1985 – *C.J. Ruigh*. L'emploi 'inceptif' du thème du présent du verbe grec // *Mnemosyne*. 38. 1985.
- Ruigh 1991 – *C.J. Ruigh*. Les valeurs temporelles des formes verbales en grec ancien // J. Gvozdanović, T. Janssen (eds.). *The function of tense in texts*. North-Holland, 1991.
- Ruipérez 1954 – *M.S. Ruiperez*. Escructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo. Salamanca, 1954.
- Vendler 1957 – *Z. Vendler*. Verbs and times // *The philological review*. 56. 1957.

М.Л. Кисициер

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Международный научный симпозиум «Славянская этимология сегодня»

В Белграде 5–7 сентября 2006 г. проходил Международный научный симпозиум на тему «Славянская этимология сегодня». Начало проведения этимологических симпозиумов было положено в конце 60-х г. в Москве и далее было продолжено в Москве, Лейпциге, Брно. В оргкомитет белградского симпозиума вошли ведущие ученые Сербской АН (М. Ивич, Н. Стипчевич, И. Клайн, А. Лома, Г. Йованович, С. Ристич, Я. Влаич-Попович, С. Милорадович, М. Белетич), все заботы по организации симпозиума взял на себя Этимологический отдел «Этимологического словаря сербского языка», возглавляемый чл.-корр. САНУ А. Ломой. Симпозиум стал возможным благодаря финансовой поддержке Министерства по вопросам науки и защиты окружающей среды Республики Сербия, открытого издательства Телеком Сербия. На торжественном открытии симпозиума в своих приветствиях акад. П. Палавестра (секретарь Отделения языка и литературы САНУ), акад. Н. Стипчевич (председатель Правления Института сербского языка САНУ), С. Милорадович (доктор, член оргкомитета симпозиума), А. Лома (чл.-корр. САНУ, председатель Этимологической комиссии при Международном комитете славистов) подчеркивали значение и роль этимологической науки в решении гуманитарных проблем, возрастающую ответственность этимологии в воссоздании историко-культурного контекста, необходимость совершенствования методики этимологического анализа.

В работе симпозиума приняли участие авторы-составители этимологических словарей славянских языков из Болгарии, Польши, России, Сербии, Словакии, Словении, Чехии, а также ученые, активно работающие в области этимологии из Австрии, Греции, Италии, Македонии, России, Румынии, Франции. Было за-

слушано 37 докладов. Активное обсуждение докладов, обмен мнениями по вопросам, затронутым в докладах, способствовали более углубленному пониманию проблем этимологии.

Весьма важное место в программе симпозиума было отведено обсуждению вопросов, возникающих при составлении этимологических словарей. Предметом специального рассмотрения стали некоторые словарные статьи из опубликованных этимологических словарей славянских языков. В докладе Л. Кралика (Братислава, «Праславянская лексика в словацком языке: о некоторых проблематичных этимологических интерпретациях») дан анализ словацких диалектизмов, которые в московском «Этимологическом словаре славянских языков» ошибочно интерпретированы как словацкие рефлексы лексем, восстанавливаемых для праславянского лексического фонда. Автором убедительно показано, что отнесенные к праславянскому уровню словац. *диал. dōren* ‘инструмент для расширения отверстия’, *lengat’ sa* ‘болтаться, качаться’, *kajbavei* ‘кричать, неровный’, *dbol* ‘улей’ и др. являются относительно поздними заимствованиями из немецкого или венгерского языков. Критический анализ некоторых этимологических решений, предложенных в «Этимологическом словаре старославянского языка», содержится в докладе И. Райнхарта (Вена, «Старославянская и церковнославянская этимология: современные достижения и задачи на будущее»). На основе анализа некоторых слов (ср. *тълва*, *рѣті*, *posočha* и *brъselije*, *jата*, *oimіть*, а также *jarigъ*, *kurigъ* и т.д.) автор показал, что достижение оптимального этимологического решения требует более полного охвата литературы, более широкого привлечения индоевропейского материала, разумного оперирования ларингальной теорией, большего внимания к возможностям заимствования и т.д. Предложенные А.Е. Анкиным (Новосибирск, «Дополне-

ния к "русскому Фасмеру": стоит ли продолжать?») дополнения и уточнения не только к тексту словаря М. Фасмера, но и к тексту ЭССЯ, а также новые объяснения этимологически трудных слов, особенно тех слов (ср. *баламыка* 'кушанье', *баган* 'жердь', *обыгать* 'подсохнуть' и т.д.), которые обязаны влиянию тюркских, финно-угорских языков или восходят к балканским тюркизмам, стали обоснованием идеи автора о необходимости создания нового этимологического словаря русского языка с учетом новых данных, последних достижений славистики, тюркологии, финно-угроведения.

Этимологическая наука развивается по пути активного освоения нового лексического материала, предоставляемого диалектными словарями, совершенствования приемов анализа. В ряде докладов высказанные на обсуждение этимологические решения построены на более углубленной, детальной разработке отдельных аспектов анализа. Особым вниманием исследователей пользуются явления структурно-типологического и семантического сходства в лексике. В докладе М. Белетич (Белград, «Серб.-хорв. *ни пири, ни вири* 'не растет, не поднимается': формально-семантический параллелизм как путь к этимологии») продемонстрированная на большом фактическом материале единая семантическая и словообразовательная организация славянских этимологических гнезд **verti*, **pertī* служит основанием для вывода о принадлежности к гнезду слав. **pertī* редкого серб.-хорв. гл. *пири*, засвидетельствованного однажды только в выражении серб.-хорв. *ни пири, ни вири* 'не растет, не поднимается'. По существу принцип единой формально-семантической организации лежит в основе предложенного Я. Влаич-Попович (Белград, «Праслав. **kotiti*/**katati*, **kotъ*/**katъ* – следы вокализма *-a-* на славянском юге») обоснования родства гнезд **kotiti* (*se*) 'котиться, рожать' и *kotiti* (*se*) 'катить(ся)', отлагольных имен в составе этих гнезд с тем и другим вокализмом в корне. Такой подход с опорой на максимально полное использование славянской лексики с привлечением новых данных из сербского и болгарского лексикона, открывает путь к объяснению слов, ранее не этимологизированных (ср. *кат* 'жердь, шест'), или внести дополнения и уточнения в понимание истоков некоторых лексем (ср. *катар* 'часть ткацкого станка, навой'). Большой интерес вызвал доклад С.М. Толстой (Москва, «Почему слепой не видит? (к этимологии праслав. **slēp-*»). Полный параллелизм в наборе семантических признаков двух гнезд с корнями **slēp-* и **gluh-* (< и.-е. **gel-* 'давить, притеснять, закрывать'), принадлежащих к одному поня-

тийному полю, служит новым серьезным аргументом в пользу версии В.Н. Топорова, связывающей слав. **slēp-* с и.-е. **leip-* 'намазывать жиром', далее с **lēpiti*, **lēpōti*. На большом количестве примеров Е.Л. Березович (Екатеринбург, «Слова и вещи – или слова без вещей? (на материале ксенонимов в славянских языках)») показала, как действующие в языке явления мотивационного параллелизма, мотивационной типологии помогают в семантической реконструкции не вполне ясных случаев (ср. словац. *uherský rok* 'длительный промежуток времени' на фоне явлений мотивационной типологии: русск. смол. *жидоўскій зараз* 'сейчас', серб. *циганско време* 'очень давно' и т.п.). В докладе М. Вучкович (Белград, «Арго-тизм *лизгам* 'пить' < *'лизать', *'скользить' или 'лущить'?») примеры семантической типологии вместе с поисками близких соответствий в славянских языках служат инструментом, с помощью которого обосновывается предположение о развитии значения 'пить' у арго-тизма *лизгам* из тайного языка строителей (Шар-Планина, Косово) из значения 'скользить'. Представленный в докладе Ж.Ж. Варбот (Москва, «К этимологии праслав. **město*») анализ употреблений и значений слова *место* в современных и диалектных русских текстах позволил дать более объемную характеристику выделенных В.Н. Топоровым основных параметров, составляющих содержание этого понятия, и, исходя из первичности признака «отмеченности» = «отмеченности», предложить гипотезу об образовании праслав. **město* на основе и.-е. корня **mē-* 'мерить, отмечать'.

Значению этнолингвистических данных в решении этимологических задач был посвящен доклад Т. Зайковской (Никозия, «Этимология народной обрядовой терминологии: языковая реконструкция и экстролингвистические данные»).

В ряде докладов проводится мысль о важности гнездового подхода при этимологизации слова. Значение гнездового подхода с учетом действующих в славянских языках словообразовательных моделей и возможности реконструкции утраченных звеньев словообразовательных цепей (ср. словен. *lopati* ~ *šlopati*, **govēdo* < **govē* и т.п.) показано в докладе М. Фурлан (Любляна, «Гнездовой подход как метод этимологического исследования славянского лексического фонда») на материале завершенного четырехтомного «Этимологического словаря словенского языка» (1976–2005 гг.). Гнездовой подход, положенный в основу доклада А.К. Шапошикова (Москва, «Праславянское лексическое гнездо с нерегулярными чередованиями производящей основы **torp-* : **tyrp-* : **trup-*»), осложненный

спорной реконструкцией фонетических отношений и модернизацией исходной семантики при неполном владении материалом, привели автора к сомнительному выводу об этимологическом родстве слав. **trigrъ* с **tъrgēti*, **torp-*.

Одним из важнейших резервов этимологии остается анализ лексики, организованной по тематическому, лексико-семантическому принципу. А. Шишиц-Дулар (Любляна, «Типология образования и семантики обозначений времени в славянских языках в рамках одного года») преимущественно на материале словенского языка, включенного в широкий славянский контекст, реконструировала историю формирования семантического поля времен года от индоевропейских истоков до современного состояния, учитывая диагностические возможности словообразовательно-семантических, культурологических, пространственных и т.п. критериев. Ряд новых этимологических решений предложен в докладе Хр. Дейковой (София, «О праславянских названиях птиц») на основе выявленных структурно-типологических и мотивационных тенденций, действующих в системе славянских названий птиц (ср. вызванное дискуссию объяснение первой части в *ga-vortъ* как отражения глагола звукоподражательного происхождения). Детальный анализ названий распространенных в Средиземноморье трех видов растения *Pistacia lentiscus* (*teterbinthus*) vera с выводами о происхождении названий и различием в их составе собственно славянских образований и заимствований при выделении заимствований, оформленных по славянским словообразовательным моделям, дан в докладе М. Калезич (Белград, «Сербохорватские названия растений из семейства *Pistacia* L. (этимологические заметки)». М. Якубович (Краков, «Семантическое развитие слов, относящихся к оценке внешнего вида») посвятила свой доклад анализу семантического развития слов, которые в отдельных славянских языках служат обозначением внешнего вида человека, при этом особое внимание обращено на выявление случаев с семантикой, эволюционирующими от позитивной оценки к негативной и наоборот. В докладе была подчеркнута вторичность семантики внешнего вида в подавляющем большинстве случаев (исключением является слав. **lъrъ(jь)*). В дискуссии было отмечено, что у экспрессивных образований (ср. русск. *ужасный*, *грозный*) возможны коннотации как положительные, так и отрицательные.

Значительное место в докладах отведено этимологизации отдельных слов. В докладе Д. Борисовой (София, «О происхождении и значении болг. *харч*, *арч*, серб.-хорв. *харч*, *арч*, *харач*, *арач*») семантика болг., серб.-хорв.

харч и его вариантов интерпретируется как результат взаимопроникновения и переплетения значений турецк. *harç* ‘расходы, издержки’ с последующей специализацией семантики на почве болгарского и сербохорватского языков. Привлекаемый в докладе болгарский материал важен и для уточнения этимологии турецкого слова. П. Валчакова (Брюссель, «Древнее ц.-слав. *pokrъta*») вносит уточнения в понимание семантики не совсем ясного ц.-слав. *покръжта*, засвидетельствованного однажды в Париже, первом церковнославянском переводе Старого Завета, по-разному трактуемого как ‘оладья’ или ‘хлеб’ или как ‘flaches Brot’ из муки грубого зерна. Автор склоняется к тому, чтобы интерпретировать это слово как общее обозначение хлеба. В дискуссии было предложено толкование *pokrъta* как хлеба из провеянной муки. Убедительные аргументы приведены Т. Лековой (Неаполь, «Статус *варарь* в средневековой болгарской терминологии») в пользу понимания термина *варарь*, засвидетельствованного в грамоте последнего царя Търново Ивана Шишмана (1371–1393 гг.), не как производного от глагола *варити* ‘варить’, а как образования с корнем **var-* ‘Schloss, Burg’ < и.-е. **uer-* ‘verschliessen, bedecken, schützen, retten’, – обозначения защитника, охранителя города или крепости, одного из стражников, организующих *angariae* населения для защиты укрепления. Этот корень, проникший в венг. *var*, *varоb* ‘город’ (< иран.), получил широкое распространение в топонимах на территории Балкан (ср. *Gostivar*, *Vukovar* и т.п.). Специфические для македонского языка названия радуги *божилак*, *виножито*, *суница* рассмотрены В. Софрониевским (Скопье, «Божилак, виножито, суница») как отражение культовых традиций. Словообразовательные и семантические особенности некоторых болгарских диалектизмов славянского, греческого и турецкого происхождения освещаются в докладе Т. Тодорова (София, «Происхождение некоторых болгарских диалектных слов: *изпавам*, *торкам*, *тортосвам се*, *трасенина*, *траул*»). В докладе Л.В. Куркиной (Москва, «К реконструкции этимологических связей слов. **čajati*») на основе семантического анализа и анализа структуры исходной основы, построенного на новых диалектных данных, преимущественно русских и сербских, обосновывается новое понимание исходной семантики глагола, для которого определяющим признается признак слабо выраженного, слабо протекающего процесса, что позволяет с новых позиций подойти к оценке этимологических связей глаголов **čajati* и **čakati*, русск. *чахнуть*. Кл. де Февр (Страсбург, «К этимологии слов. *рахати* ‘пахать’ и *рахъ* ‘подмыши-

ка'») предпринята попытка на чисто формальном уровне с использованием ларингальных этимологически разграничить глагол **rahātī* в значении 'пахать' и 'мести' и обосновать родство **rahātī* с восстановливаемым для него первоначальным значением 'вбивать, вколачивать заступ, кол в землю' > 'пахать' и *rahъ* 'подмышка' < 'кол' на основе соотношения и.-е. корней **reh₂g's-ā-tēi* ~ **reh₂g's-o-*. М. Пижурица (Нови-Сад, «Заметки по этимологии и географии слов (по материалам из Черногории)») приводит дополнительные данные, расширяющие наши представления о семантике, географии и этимологии некоторых слов, существенных для праславянской реконструкции (ср. *набирати*, *летъак*, *пресвијејети* и т.п.). Об отражении наивного осмысливания топонимических названий в геральдике русских городов (ср. Курск – три куропатки, Великие Луки – луки для стрельбы и т.п.) говорилось в докладе А.Ф. Журавлева (Москва, «Русская городская геральдика и наивная этимология»).

Вопросы словообразовательной структуры слова, способов образования слова нашли отражение в некоторых докладах. Проблемы образования сложных слов с элементами *lub-*, *zъlo-*, *rad-*, *zel-* в старославянском, чешском и других славянских языках с общим значением 'злорадство' развернуты на фоне анализа семантики и структуры соответствующих слов в индоевропейских языках с выявлением общих типов образования в зоне контактов с немецким языком в докладе Х. Карликовой (Брюно, «Лексическое выражение состояния злорадства в европейских языках»). Попытка обосновать на основе этимологического анализа участие избыточного неэтимологического *le-* в образовании некоторых лексем (ср. чеш. *neklec* 'слякоть, ненастье', словен. *neviha* 'гроза, буря' и др.) содержится в докладе И. Янышковой (Брюно, «Избыточное (неэтимологическое *le-*)». О значении этимологии в восстановлении прототипической семантики грамматикализованных элементов, о необходимости интердисциплинарного подхода к исследованию синтаксических структур показано на конкретных примерах (**da*, **eɪ-* 'идти') в докладе Я. Гркович - Майджор (Нови-Сад, «Этимология и исторический синтаксис»).

Топонимические названия остаются важным резервом отражений апеллативной лексики. Вместе с тем топонимы несут информацию о древних этнических контактах. Трудности истолкования названия реки *Poprad* (северная Словакия) при возможности участия кельтского, германского субстрата обсуждаются в докладе В. Совы (Краков, «К происхождению названия *Poprad*»). В дискуссии по докладу бы-

ла упомянута версия О.Н. Трубачева о происхождении *Poprad* из **popredъ*. Критический анализ существующих версий о возможных связях названий рек *Poprád* и *Hornád*, высказанные с опорой на венгерские, немецкие и славянские источники, подводят Р.-П. Риттера (Краков, «К вопросу о возможных связях *Poprád* и *Hornád*») к выводу о том, что сходство, если и существует, то касается только словообразовательной формы, а для гидронима *Hornád* обосновывается венгерское происхождение. Для новогреческих личных имен и некоторых местных названий с первой частью *Лито-* или *Літо-* (типа *Лито-жиро*, *Літо-ніцбіста*) обосновывается происхождение от слав. **l'it-* в докладе Х. Симеонидиса (Фессалоники/Никозия, «Новогреческие топонимы с первым слав. компонентом *l'ito-*»), прочитанным В. Зайковским.

Одним из важных аспектов этимологических исследований являются балтославянские лексические связи. С позиции индоевропейских отношений подходит А. Лома (Белград, «Два сербохорватских лексических диалектизма в плане балто-славянских отношений: *тренсла* (и др.) 'Prunus padus', *тремесла* 'диафрагма у крупного рогатого скота'») к оценке расхождений в фонетическом облике слов **сертъха*, **sermъsla*, **сертъsla*, традиционно объясняемых позднеславянскими процессами. Автор исходит из предположения о непоследовательном проведении поздней индоевропейской палатализации в балтославянском и древнеиндийском ареале, занимающем периферийное положение по отношению к протоиранскому центру, и на этом основании предполагается для славянских лексем развитие из **Kerm(o)uKs(l)-* (*K=**k, *k') (с чередованием палатальных и непалатальных велярных) с первой частью **ker-* (с отнесением сюда же **kor-sla*), второй – **m(o)uK(s)-* < и.-е. **teiçk-* 'снять, сбросить, содрать' (~ литов. *tai̯kli* 'драть, лупить', праслав. **m̥t̥kli*, с s-mobile литов. *smai̯kti* 'снимать, стягивать' и т.д.). В дискуссии была отмечена уязвимость предложенного автором морфемного членения. Обращаясь к исследованию рефлексов слоговых сонантов, В. Станышева (Белград, «О некоторых соответствиях в отражении индоевропейских слоговых сонантов в албанском и балтославянском языках») полагает, что сама природа рефлексов слоговых сонантов проливает свет не только на диалектное членение позднего индоевропейского языка, но и на хронологию выделения отдельных индоевропейских языков. По отражению сонантов как более молодая, новая определяется группа, объединяющая санскрит, кельтский, германский, балтославянский и ал-

банско-балканский языки (с наибольшей близостью двух последних).

В ряде докладов получили освещение разные аспекты проблемы субстрата, взаимодействия, взаимопроникновения лексики славянских и неславянских языков в разные хронологические периоды. Выделяя в составе славизмов в румынском языке три слоя — старые заимствования до XII в., заимствования XIII–XVII вв. из болгарского языка церкви и канцелярии и позднейшие и современные заимствования, М. Миту (Бухарест, «Румынские слова славянского происхождения из флексивных форм») особое внимание уделяет заимствованиям, восходящим к флексивной славянской форме, которая в системе румынского языка воспринимается как исходная (ср. *beznă* ‘очень темно’ < ц.-слав. *безъ дъна*, *osteni* ‘устать, измучиться’ < ц.-слав. *оустанж* и т.п.). В своем докладе С. Петрович (Белград, «Разделение на омонимы — результат балкано-славянского взаимопроникновения») детально обосновывает необходимость и сложность разграничения явлений полисемии и омонимии на материале лексической группы, объединяемой серб. *juriјa*: выделяются слова исконно славянского происхождения (*juriti* ‘мчаться, не-

стись, бежать’ < праслав. **jur-/*ur-*), тюркского (*juriјa*, *урија* ‘пашия, поле’ < турецк. диал. *ürү* ‘место на поле, где отдыхает скотина’, *öri* ‘пашия’ с возможной контаминацией с *утрина* ‘общинная земля’), романского (*juriјa* ‘плохая погода, ветер со снегом’ из итал., ср. лат. *ira* ‘гнев, злоба’, или праслав. **jeur-/*jūr-*, ср. словен. *ir* ‘источник’, русск. диал. *ирей* ‘сильный ветер’). О славянских заимствованиях разного времени в художественной литературе, пословицах, поговорках и т.п., а также в балканской топонимике и обратных явлениях говорилось в докладе В. Зайковского (Никозия, «Этимология, этнолингвистика и языковые контакты славянских с греческим, турецким и другими балканскими языками»).

Симпозиум был четко организован и проходил в доброжелательной обстановке. Ко дню открытия симпозиума было приурочено издание второго тома «Этимологического словаря сербского языка». Выход в свет второго тома словаря является показателем больших творческих успехов сербских этимологов.

Л.В. Куркина, Ж.Ж. Варбот (Москва)

Ежегодная международная конференция Общества Генри Свита по изучению истории лингвистики

Ежегодная международная конференция — встреча членов Общества Генри Свита по изучению истории лингвистики (Henry Sweet Society for the history of linguistic ideas) прошла 7–9 сентября 2006 г. в Шеффилде (Великобритания). В конференции приняли участие исследователи из Великобритании, США, Дании, Голландии, Германии, Швейцарии, Франции, Италии, России, Украины, Бразилии. Рабочими языками конференции были английский и французский. Основными организаторами встречи были британские историки лингвистики А. Линни и Ф. Маршалл.

Открыл конференцию доклад П. Бьюрка (Великобритания) «Социальная история языка в прошлом, настоящем и будущем». Продолжил тему «язык и история социума» Б. Веллеман (США). Его доклад был посвящен американской «лингвистике, идущей на войну», — программе ASTP (Army specializing training program). Основанная в теоретическом плане на работах лингвистов антропологического и структуралистского направлений (Ф. Боас, Л. Блумфилд, Б. Блока), эта программа предполагала открытие в 1942–1943 гг.

в разных американских штатах около пятисот интенсивных курсов для обучения более тридцати языкам. Основная задача курсов состояла в обучении будущих американских солдат языкам тех стран, где им, как предполагалось, предстояло воевать в недалеком будущем. При этом обучались будущие солдаты прежде всего разговорной форме соответствующих языков. Хотя на практике эта программа реализовывалась всего в течение года, она, по мнению докладчика, оказала большое влияние на последующие стратегии и методики обучения иностранным языкам в США.

Ряд докладов, представленных на конференции, был посвящен истории отдельных лингвистических поддисциплин — семиотики, нейролингвистики, компьютерной лингвистики и т.д. Так, С. Вакуленко (Украина) сделал доклад о работах представителей «португальской школы семиотики», написанных в период с середины шестнадцатого до середины восемнадцатого веков. Историк нейролингвистики М. Лорч (Великобритания) выступила с сообщением о «законе Рибо», в соответствии с которым при локальных поражениях головного мозга вероятность того, что больной забудет ту или иную информацию, обратно про-

порциональна длине временного отрезка, в течение которого она хранилась в его памяти до заболевания. Как подчеркнула докладчица, несмотря на то, что написанная Т. Рибо в 1881 г. книга «Болезни памяти» (*Les maladies de la mémoire*) постоянно упоминается в более поздних исследованиях по афазии, исследователи последующих поколений часто оставляли без внимания важное различие, проводимое Рибо между нарушениями речи уmono- и билингвов. На причинах этого невнимания исследовательница подробно остановилась в отдельной части доклада. Формальным грамматикам и истории компьютерной лингвистики были посвящены доклады французских исследовательниц Ж. Леон и Б. Годар-Венделен. Р. Мэйлхаммер (Германия) представил собравшимся доклад о различных фонетико-фонологических теориях слогового членения, а В. Макгрегори (Дания) рассказал о становлении понятия «фонемы» в австралийской лингвистике. Доклады И. Габреллини (Бразилия), А. Тениссен (Голландия) и Ж.-М. Фурнье (Франция) были посвящены истории грамматик: бразильская исследовательница выступила с докладом о работах по грамматике ряда античных авторов, докладчица из Голландии посвятила свой доклад истории японских грамматик, а французский исследователь рассказал о различных «теориях имени», представленных в ряде общих грамматик, написанных во Франции.

Многие доклады были посвящены выдающимся лингвистам прошлого и анализу отдельных фрагментов их концепций. Дж. Джефф (Великобритания) посвятил свой доклад анализу заполненной Ф. де Соссюром анкеты, речь в которой шла о проблемах синестезии. Эта анкета, связанная с огромным интересом к данной проблематике в конце девятнадцатого – начале двадцатого века, была опубликована психологом Т. Флурнуа в 1893 г. Соссюр, как и многие другие информанты Флурнуа, отмечал, что воспринимает в разных цветах, формах и запахах неабстрактные гласные определенного языка, взятые вне контекста, но их конкретные фонетические и графические реализации. Проблематика синестезии в целом была рассмотрена британским исследователем в более общем контексте вопроса о произвольном характере связи означаемого и означающего в языковом знаке, сформулированном в «Курсе общей лингвистики». Доклад Д. Релстаба (Швейцария) был посвящен семиотике Ч.С. Пирса в ее отношении к истории лингвистической pragmatики, а другая швейцарская исследовательница Г. Шивер рассказала о

понятиях «системы» и «системности» у К. Бюлера. В сообщении А. Мади (Италия) говорилось о понятии «внутренней формы языка» у Э. Кассирера. Как показала исследовательница, Кассирер заимствовал его у В. фон Гумбольдта через посредство работ А. Марти. М. Макмакон (Великобритания) выступил с сообщением о системе нотных записей Г. Свита, и сразу же за этим докладом последовала организованная британским историком лингвистики Д. Кремом дискуссия о «музыке и языке» в истории лингвистики.

Некоторые участники конференции говорили о теориях, разработанных русскими и советскими лингвистами. Н. Керечук (Великобритания) рассказала о влиянии идей британских ученых на формирование лингвистических концепций А.А. Потебни. Основное внимание докладчица уделила отражению в работах Потебни философских взглядов Г. Спенсера: Потебня систематически ссылалась на концепцию эволюции Спенсера, соответствовавшую его собственным взглядам на развитие индоевропейского предложения. Е. Вельмезова (Россия – Швейцария) рассказала о понятиях «фонемы» и «семемы» в работах П. Флоренского, нередко бросавшего вызов «традиционной» лингвистике своей эпохи. Как было подчеркнуто в докладе, даже если Флоренский и известен сегодня прежде всего как философ, проблемы языка и лингвистики всегда занимали в его работах большое место. Особенно интересовали Флоренского исследования в области этимологии, которую он полагал ключом к решению многих этических проблем. При этом Флоренский настаивал на относительном характере результатов исследований в области этимологии и нередко предлагал несколько альтернативных решений интересовавших его этимологических проблем. И. Агеева (Швейцария) выступила с докладом о критике идей Ф. де Соссюра, содержащейся в «Марксизме и философии языка» М.М. Бахтина (В.Н. Волошина). Исследовательница представила эту работу в общем контексте рецепции идей швейцарского лингвиста в СССР в двадцатые – тридцатые годы прошлого века.

Поблагодарив организаторов конференции за прекрасно проведенную встречу, члены Общества Генри Свита выразили надежду на продолжение научных контактов.

Е.В. Вельмезова (Москва–Лозанна)

Международная конференция «Социологическое направление в советском языкоznании»

9–11 сентября 2006 г. в университете г. Шеффилда (Великобритания) состоялась конференция «Социологическое направление в советском языкоznании, 1917–1938 гг.», организованная Центром Бахтина при университете. На конференции было заслушано 25 докладов ученых из 10 стран.

Конференция была посвящена советскому языкоznанию, а также смежным с ним наукам в 1920–1930-е годы. Основное внимание было удалено ученым того времени, стремившимся в той или иной мере использовать идеи марксизма и развивать социологический подход к языку. Обсуждались взгляды и научные результаты как ученых, уже достаточно известных за пределами России (Н.Я. Марр, Е.Д. Поливанов, В.Н. Волошинов), так и языковедов, литературоведов, психологов, только сейчас открываемых за рубежом (Б.А. Ларин, Л.П. Якубинский, Г.К. Данилов, И.Н. Шпильрейн и др.). Были и доклады, посвященные ученым тех лет, далеким от марксизма, но затрагивавшим вопросы социального функционирования языка (Г.Г. Шпет, М.М. Покровский). В нескольких докладах говорилось о советской языковой политике тех лет и участии ученых в ее разработке и проведении.

М. Лахтенимяки (Финляндия) рассматривал различные точки зрения советских ученых 20–30-х гг. на социологию языка: Р.О. Шор, М.Н. Петерсона, Е.Д. Поливанова, Н.Я. Марра, членов группировки «Языкофронт». Хотя все они рассматривали язык как социальное явление, их подходы очень сильно различались. М. Улик (Словения) сопоставил взгляды на социальную дифференциацию языка в публикациях Б.А. Ларина, Г.К. Данилова и Л.П. Якубинского конца 20-х – начала 30-х гг. В докладе отмечено, как в 30-е гг. под влиянием общественных процессов представление о языке – множестве социальных вариантов – сменилось выделением единого национального языка. Подробный анализ социолингвистических идей Б.А. Ларина и Л.П. Якубинского дала В.Б. Гулида (Россия). По ее мнению, хотя выбор методологии марксизма не был для них в обстановке тех лет свободным, эта методология помогла им выдвинуть ряд интересных идей в области социологии языка. К.С. Федорова (Россия) рассмотрела использование марксистских идей, в частности, о классовой борьбе, у Е.Д. Поливанова и Г.К. Данилова.

В нескольких докладах с разных сторон изучались взгляды ученых тех лет в отношении

сознательного вмешательства в языковые процессы и использование этих взглядов на практике. М.С. Горхем (США) посвятил доклад идеям советских ученых 20–30-х гг., прежде всего, Г.О. Винокура по вопросам культуры речи, связанным с рационализацией языка и распространением и поддержанием нормы. О спорах в 20-е гг. в СССР по вопросу языковой нормы, в частности, в художественной литературе, шла речь и в докладе О. Дискаччиати (Италия). Об идеях рационализации языка в советской науке 20–30-х гг. говорил в своем докладе С. Море (Швейцария). Н.Л. Васильев (Россия) стремился выявить внешние причины, воздействовавшие на развитие советского языкоznания, выделяя среди них необходимость проведения новой языковой политики, основанной на принципах полиглottизма. Ю. Араи (Япония) на примере монгольских народов СССР рассматривал этапы и методы языковой политики в 1920–1930-е гг. В двух докладах специально говорилось о роли И.В. Сталина. М.Г. Смит (США) указывал на его постоянное использование вопросов языка для решения тех или иных практических проблем, прежде всего, национальных. Е.А. Добренко (Великобритания) предложил новую интерпретацию работ Сталина по языкоznанию 1950 г.

В докладе В.М. Алпатова (Россия) рассматривалось отношение языковедов 20-х гг. к наследию «буржуазной» лингвистики. Были отмечены три основных подхода: полное принятие этого наследия при настороженном отношении к любым новым идеям ученых старой школы, полный отказ от него у марристов, и дифференцированный подход (сохранить фактическую базу и дать ей новую интерпретацию) у Е.Д. Поливанова. Е.В. Вельмезова (Россия/Швейцария) сопоставила подход к семантике у М.М. Покровского и Н.Я. Марра. Показано, что опиравшийся на традицию подход Покровского был продуктивнее подхода Марра.

В двух докладах говорилось об идеях Г.Г. Шпета и его ведущей роли в Государственной академии художественных наук (ГАХН). М.К. Гидини (Италия) рассмотрела разнообразную деятельность ученого в ГАХН, показав, как его идеи стимулировали исследования академии в самых разных областях от проблемы авторской личности в произведениях искусства до преподавания эстетики массам. В докладе М. Вендитти (Италия) специально исследовано развитие в работах ученого поня-

тия внутренней формы слова, восходящего к В. фон Гумбольдту.

Три доклада были посвящены вопросам социологии языка в работах В.Н. Волошинова (отметим, что вопрос авторства этих работ на конференции не обсуждался, а все ее участники исходили из безусловного авторства Волошинова). И. Агееva (Швейцария) в связи с работой по новому переводу «Марксизма и философии языка» на французский язык анализировала содержащиеся в книге концепцию знака и понятие социальности. П.Э. Джонс (Великобритания) также рассмотрел данное понятие, указав, что социальное у Волошинова – не абстрактная система всего того, что сходно у разных людей, а конкретное человеческое взаимодействие. Оригинальную точку зрения высказал П. Серио (Швейцария). По его мнению, в книге Волошинова трудно найти какое-либо влияние марксизма, а по ряду идей она ему явно противоречит; например, у него общение возможно лишь в коллективе, обладающем общей системой ценностей («общим кругозором»), без какой-либо социальной борьбы. Зато идеи Волошинова оказываются (разумеется, без прямого влияния) сходными с идеями Ж. Де Местра и других консервативных мыслителей начала XIX в.

Отмечалась и такая черта 20–30-х гг. в СССР, как интерес к созданию международных искусственных языков. А.Д. Дуличенко (Эстония) перечислил около двадцати таких языков, сконструированных за этот период, тогда как с середины 30-х гг. эта деятельность прекратилась. В докладе В. Гречко (Япония) рассматривались проходившие в СССР в те же годы дискуссии по вопросу формирования единого всемирного языка и отдельные попытки создать такой язык.

Еще одной чертой той эпохи был интерес к пограничным вопросам между лингвистикой, психологией, физиологией и социологией. К. Чоун (Великобритания) рассмотрела взгляды видного советского физиолога С.М. Доброгаева, интересовавшегося вопросами речи и предложившего социопсихологическую концепцию ее порождения. В докладе И. Сандомирской (Швеция) исследована деятельность выдающегося ученого И.А. Соколянского, работавшего со слепоглухонемыми. К. Брандист (Великобритания) обратил внимание на совершенно забытую книгу психолога И.Н. Шпильрейна «Язык красноармейца» (1928), в которой на основе метода тестирования исследовался словарный запас солдат, в основном выходцев из рабочих и крестьян, степень понимания ими общественно-политической и научной лексики. По мнению автора доклада, этот анализ во многом опережал свое время.

Последняя группа докладов была посвящена литературному авангарду рассматриваемого периода. В.В. Фещенко (Россия) анализировал связи между лингвистическими концепциями и художественной практикой поэтов – авангардистов. И.А. Калинин (Россия) выделил параллели между идеями В.Б. Шкловского об остранении и критикой товарного фетишизма у К. Маркса.

Конференция в Шеффилде показывает, что советская лингвистика 20–30-х гг., связанная с иллюзиями и прозрениями той эпохи, до сих пор оказывается актуальной и представляет интерес для многих специалистов.

В.М. Алпатов (Москва)

Международная конференция, посвященная истории синтаксиса

5–7 октября 2006 г. в Швейцарии (Кре-Берар) состоялась международная конференция «La structure de la proposition. Histoire d'un métalangage», посвященная истории синтаксиса и организованная П. Серио (Лозаннский университет) и Д. Самэ (Университет Paris-VII). В конференции выступили с докладами на французском языке и приняли участие в дискуссиях исследователи из Швейцарии, Франции, Бельгии, Италии, Португалии и России. Открывая конференцию, ее организаторы подчеркнули, что в истории лингвистики развитие проблематики отношений между языком и мышлением – как и между «общими» и «частными» грамматика-

ми – часто воспринималось европейскими исследователями как история постепенного разделения логики, психологии и грамматики, а также суждения и предложения. Однако история метаязыка всей этой линии в развитии гуманитарных наук требует сегодня переосмысления, необходимого хотя бы для адекватного понимания перехода от модели синтаксического анализа «субъект vs. предикат» к модели «функция vs. аргументы». Правда, говорить о столь очевидных сменах исследовательских моделей в истории синтаксиса не всегда легко: так, на протяжении девятнадцатого века номинально-вербочентристская модели анализа предложения сосуществовали, конкурируя, а нередко и переплетаясь друг с другом. Для изучения же истории синтаксического метаязыка необхо-

дим сравнительный подход. Поэтому одна из важных целей коллоквиума, как отметили ее организаторы, состоит в анализе и сопоставлении разных европейских традиций в изучении синтаксиса, прежде всего – западно- и восточноевропейской традиций.

В открывшем конференцию докладе главы французской эпистемологической школы в истории лингвистики С. Ору была представлена общая панорама эволюции синтаксических теорий на Западе. Последовавшие за ним два доклада итальянских исследователей были посвящены ранним этапам эволюции синтаксических идей: Ф. Липпаро рассказал о взглядах Аристотеля на предложение, а в докладе Дж. Граффи речь шла о понятиях «субъекта» и «предиката» начиная с ранних средневековых европейских грамматик до «Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля».

Некоторые исследователи, выступавшие на конференции, избрали темой своих докладов анализ синтаксических теорий, разработанных в западноевропейской лингвистике в девятнадцатом веке. Так, Д. Самэ (Франция) посвятил свой доклад понятиям «глагола» и «предикции» у Х. Штейнталя, а М. Ванефвиль (Франция) рассказала о «прагматико-синтаксической» концепции синтаксиса в работах Г. Пауля.

Целый ряд докладов был посвящен эволюции взглядов на синтаксис лингвистов Западной Европы в двадцатом веке. А. Руссо (Франция) рассказал о понятиях «фразы» и «предложения» в работах Ф. Брентано и его учеников Г. Фреге и Л. Кледа, а в сообщении П. Луэрса (Бельгия) говорилось о синтаксическом анализе, представленном в ряде французских грамматик начала прошлого века. А. Фриба-Ребер (Швейцария) сопоставила попытки А. Сеше, А. Марти и Г. Шухардта переосмыслить границы, разделяющие логику, грамматику и психологию в тех частях их концепций, где анализировалось строение предложения. Рассуждения исследовательницы о возможности влияния этих теорий одной на другую позволили ей затронуть вопрос об общем интеллектуальном контексте европейской лингвистики начала прошлого века, а также о связях, существовавших между европейскими университетскими центрами (Женева–Прага–Грац) до Первой мировой войны. Синтаксические концепции А. Мартине стали центральной темой доклада другого швейцарского исследователя П. Жоливе.

Некоторые доклады были посвящены эволюции синтаксических теорий, формировавшихся в рамках определенных национальных научных традиций. М. Майар (Португалия) представил собравшимся анализ эволюции дескриптивных моделей предложения в грамматиках португальского языка с 1536 по 1936 г. В докладе В. Раби (Франция) речь шла о тер-

минологии, представленной в синтаксических разделах французских грамматик семнадцатого–восемнадцатого веков, а другая французская исследовательница Б. Бур рассказала о понятии «предложения» во французских грамматиках восемнадцатого–девятнадцатого веков. Несколько докладов было посвящено синтаксическим теориям, разрабатывавшимся в России и в СССР. В центре доклада С. Ромашко (Россия) были синтаксические теории А.А. Потебни. Как отметил исследователь, если в начале своей научной деятельности Потебня разделял взгляды многих лингвистов девятнадцатого века на языковую эволюцию как на последовательную смену стадий, которые все языки неизбежно проходят в своем развитии, то впоследствии он резко поменял свои взгляды. Вследствие этого его поздние синтаксические теории можно считать скорее антистадиалистскими. Ф. Фичи (Италия) рассказала о влиянии некоторых концепций Г. Пауля на становление лингвистических концепций русских ученых (например, Ф.Ф. Фортунатова), разделявших в предложении материальную и психологическую составляющие. Е. Вельмезова (Россия – Швейцария) сопоставила понятия «диффузного синтаксиса» и «слова-фразы» в работах Н.Я. Марра и его последователей и у Л. Теньера. Как было подчеркнуто в докладе, некоторые особенности подхода французского лингвиста к определению и анализу «слов-фраз» указывают на возможность заимствования им определенных фрагментов учения Марра – тем более, что Теньер неоднократно бывал в СССР в двадцатые–тридцатые годы прошлого века (в частности, в Ленинграде, где работало большинство марристов) и лично знал советских лингвистов, оперировавших в своих работах понятиями «слова-фразы» и «диффузного синтаксиса». П. Серио (Швейцария) рассказал о предпринимавшихся после смерти Марра попытках советских лингвистов (прежде всего, И.И. Мещанинова и С.Д. Кацнельсона) разработать теорию стадиальной эволюции языков с опорой на синтаксические критерии. В их работах языки с эргативным строем (кавказские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и другие) рассматривались как особая стадия языкового развития, предшествующая номинативной стадии индоевропейских языков. Это объясняло и попытки советских ученых найти следы эргативной стадии развития, в частности, в русском языке.

К конференции был издан сборник тезисов. Все доклады планируется опубликовать отдельным сборником в серии «*Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage*» Лозаннского университета.

Е.В. Вельмезова (Москва–Лозанна)